

МАГОМЕД-САИД МУСАЕВ

ДАРГИНСКИЙ ● ЯЗЫК

МОСКВА

2002

МУСАЕВ

МАГОМЕД-САИД МУСАЕВИЧ,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой дагестанских языков факультета дагестанской филологии ДГУ, заслуженный учитель школы Республики Дагестан, заслуженный деятель наук Республики Дагестан и Российской Федерации, академик Международной академии наук высшей школы, специалист по даргинскому языку, автор работ “Лексика даргинского языка (сравнительно-исторический анализ)” (Махачкала, 1978); “Именное словоизменение даргинского языка (категория числа)” (Махачкала: Дагучпедгиз, 1980); “Система глагольного словоизменения даргинского языка” (Махачкала, 1980); “Словоизменительные категории даргинского языка (время и наклонение)” (Махачкала, 1983); “Падежный состав даргинского языка” (Махачкала: Дагучпедгиз, 1984); “Словоизменительные категории даргинского языка (категория грамматических классов и абстрактные падежи)” (Махачкала, 1987) и около 150 других публикаций.

Редакционный совет издательства «Academia»

**С. С. Аверинцев, В. И. Васильев, М. Л. Гаспаров,
В. Л. Гинзбург, В. Л. Иноземцев, И. М. Макаров, В. П. Нерознак,
А. М. Панченко, Н. Я. Петраков, Р. В. Петров, П. А. Платэ, В. А. Попов,
К. А. Свасьян, В. П. Скулачев, Е. П. Чельшев, О. Г. Юри, В. Л. Янин**

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Российская
академия наук

Институт языкознания

Главная редакционная коллегия серии "Языки народов России"

В. П. Нерознак (*главный редактор*)

М. Е. Алексеев (*зам. главного редактора*), А. П. Володин,

Г. Г. Гамзатов, В. Г. Костомаров, Д. М. Насилов,

М. В. Орешкина (*отв. секретарь*), Г. Ц. Пюрбеев,

С. А. Старостин, И. М. Стеблин-Каменский, Э. Р. Тенишев,

Е. А. Хелимский.

Издательство
«Academia»

Москва 2002

Магомед-Саид МУСАЕВ

ДАРГИНСКИЙ ЯЗЫК

Ответственный редактор

М. Е. Алексеев

Москва

2002

Рецензенты:

доктор филологических наук *М. -Ш.А. Исаев*,

доктор филологических наук *Р.О. Муталов*

Мусаев М.-С.М. ДАРГИНСКИЙ ЯЗЫК. От ред. М.Е.Алексеев. М.: Academia, 2002.

- 184 с., илл.

Книга является комплексным описанием языка, охватывающим как собственно языковую (фонетика, морфология, синтаксис, лексика), так и социолингвистическую его характеристику, в том числе сведения о территории распространения языка и численности говорящих; об общественных функциях языка; его контактах с русским, тюркскими и другими языками; об истории письменности и истории изучения даргинского языка.

Книга предназначена для специалистов-кавказоведов и всех интересующихся проблемами языков народов России.

ISBN 5-87444-021-6

© М.-С.Мусаев, 2002 г.

© Институт языкознания РАН, 2002 г.

ОБ ИЗДАНИИ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЙ СЕРИИ «ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ»

ВЫПУСК монографии «Даргинский язык» М.-С. Мусаева является очередным шагом в осуществлении масштабного лингвоэнциклопедического проекта – научной серии «Языки народов России», в рамках которого уже было издано четыре монографических очерка. Серия представляет собой многотомное издание энциклопедического типа, которое будет включать монографическое описание каждого языка в соответствии с типовой схемой. Впервые в истории отечественной науки в рамках единого проекта создаются монографические описания каждого языка, бытующего на территории Российской Федерации.

При разработке серии принимался во внимание мировой и отечественный опыт составления лингвистических энциклопедий. В частности, учитывался опыт серии «Языки Азии и Африки» Института востоковедения РАН. Эта серия объединяет два типа описания языков – индивидуальный и универсальный. Более ранняя по времени выхода в свет серия монографических очерков «Языки зарубежного Востока и Африки» (позже она получила название «Языки Азии и Африки»), уже составила своего рода библиотечку, насчитывающую свыше ста очерков. Характеристика каждого языка дается в терминах и в рамках метода описательной лингвистики с элементами генеалогической и типологической информации. Второй тип описания языков в этой же серии представлен универсальной лингвистической энциклопедией «Языки Азии и Африки» (Т. 1-5. М., 1976-1993), в которой языки группируются по генеалогическому принципу, дополняемому структурно-типологическими и ареальными характеристиками.

Серия «Языки народов России» также будет включать два вида изданий. Монолингвистическая часть серии будет представлена монографическими очерками по отдельным языкам России. Другая часть серии представлена выпусками, посвященными описанию многоязыч-

ных регионов Российской Федерации. По методу и принципам описания эта часть серии подготавливается с использованием совокупности лингвистических методов, дополняемых приемами смежных с языкознанием дисциплин – культурологии, этнологии и социологии. Однако и в том и в другом случае можно говорить о новом типе издания, который мы определяем как этносоциолингвистическая энциклопедия. Принципы подготовки такого рода изданий нашли свое воплощение в энциклопедических справочниках «Красная книга языков народов России» (М.: Academia, 1994) и «Государственные языки в Российской Федерации» (М.: Academia, 1995).

Россия, по образному выражению выдающегося русского ученого Н.С. Трубецкого, страна “симфоническая”, т.е. многоязычная и поликультурная. “Многopleменность, многозвучность России не умаляла, но повышала ее славу”, – утверждал знаменитый философ Г. П. Федотов. Языковая картина России отличается типологическим разнообразием языков, наличием разных генетических общностей (языковых семей и групп). По данным переписи 1989 г. в Российской Федерации насчитывается 180 этносов, на ее территории используется 200 языков. Проект «Языки народов России» предполагает описание исторических языков и не будет затрагивать так называемые “иностраные языки”, не обладающие исторической традицией на территории России. Вместе с тем языки народов традиционно, в течение длительного времени проживавших на территории нашей страны, а также языки исторически сложившихся этнических диаспор станут предметом описания. С этой точки зрения, наряду с русским, татарским, чувашским, мордовским, аварским, нивхским и др., в серии будут описаны украинский (по численности украинцы в России занимают третье место, после русских и татар), белорусский, грузинский, армянский, азербайджанский, казахский и др., а также языки этнических диаспор – греческий, немецкий, польский, румынский и др.

Объектом описания станут языки литературные, младописьменные и бесписьменные.

Серия «Языки народов России» включает в себя очерки по языкам всех основных общностей, которые представлены на территории Российской Федерации – индоевропейской, кавказской, или иберийско-кавказской (куда входят и дагестанские языки, в т. ч. и даргинский), тюркской, финно-угорской, монгольской, палеоазиатской, самодийской, тунгусо-маньчжурской. Каждая из этих языковых семей в свою

очередь делится на группы, подгруппы и отдельные языки. Так, в индоевропейской языковой семье славянские языки наряду с другими (германские, романские, иранские и др.) составляют самостоятельную группу. В составе славянских языков выделяется восточнославянская подгруппа (русский, украинский, белорусский) и т.д.

Основной таксономической единицей в энциклопедическом описании в серии «Языки народов России» станет конкретный язык вне зависимости от числа говорящих на нем. Каждый из них – ценнейший объект культурного наследия всего человечества.

Языковое и культурное многообразие – источник духовного обогащения всех народов России, ее национальное достояние. Задача, которую ставят перед собой авторы серии и издатели, ознакомить россиян с языком каждого из живущих на российской земле народов. В этом начинании примут участие крупнейшие ученые-лингвисты Российской академии наук, Российской Академии естественных наук, академий наук республик, ученые из высших учебных заведений, представители многих народов России.

Языки – это народы, и пока существует хоть один носитель языка, сохраняется уникальное достояние человечества – разнообразие языков и культур. Россия остается одной из немногих стран мирового сообщества, сохраняющих в течение 20-го столетия многоязычие как поликультурное наследие предшествующих эпох.

В. П. НЕРОЗНАК, главный редактор серии «Языки народов России», доктор филологических наук, профессор

ON THE PUBLICATION OF THE ENCYCLOPAEDIC SERIES «LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA»

THE BOOK «Dargwa language» by Mahomed-Saidl Musayev continues the new hnguencyclopaedic project: a series of scholarly publications «Languages of the Peoples of Russia» started with the book «Lezgian language» by Mikhail Alekseyev and Enver Sheykhov. This new series is conceived as an encyclopaedia-type publication in several volumes which will contain a monographic description of each language according to a standard plan. For the first time in the history of Russian scholarship this series will contain monographic descriptions of each historical language¹ of the Russian Federation, that is, of those languages that have been in use for a long time within the borders of this state.

When the series was being worked out the previous experience of compiling linguistic encyclopaedias both home and abroad was taken into account. In particular, when the present project was being elaborated full account was taken of the experience on the organization and structure gathered during the publication process of the series «Languages of Asia and Africa». This series included both the individual and the universal type of language description. An earlier series of monographic sketches, «Languages of the Foreign Oriental and African Countries» (later renamed «Languages of Asia and Africa») has already become a small library (more than 100 issues have been published). Each language is characterized in terms and within the framework of descriptive linguistics, although some genetic and typological information is also given. Another description type in the same series can be seen in the universal linguistic encyclopaedia «Languages of Asia and Africa» (vols. 1-5, Moscow, 1976-93). Here languages are treated and grouped from the genetic point of view, with some additional structural, typological, and areal characteristics.

The proposed series «Languages of the Peoples of Russia», in a similar way, will be composed of two types of publications. The series will make use of all the necessary linguistic methods as well as of those of some neighboring branches of science such as ethnology and sociology.

Both parts will represent a novel kind of publication which can be described as an ethnosociolinguistic encyclopaedia. The editorial principles of this type of descriptions are represented in the two reference books which should be judged by their readers: they are «The Red Book of the Languages of the Peoples of Russia» (Moscow, 1994) and «National Languages in the Russian Federation» (1995), both prepared by the Institute of the Languages of Russia.

In the apt phrase of the famous Russian scholar N.S. Trubetzkoy, Russia is a "symphonic country", that is, a multilingual and multicultural one. "Its composition of numerous tribes, the polyphonic character of Russia has always increased — not decreased — Russia's glory", — was the claim of another eminent Russian philosopher, G.P. Fedotov. The linguistic map of Russia is characterized by an extreme typological variety of languages and the presence of different genetic communities — language groups and families. According to the 1989 census there were 180 ethnic groupings within the Russian Federation speaking about 200 different languages. At the same time languages of the peoples that have had a long tradition of settlement in Russia as well as those of various traditional ethnic diasporas.

Thus, the series will contain descriptions of Russian, Tatar, Chuvashian, Mordovian, Avar, Nivkh etc., but, along with them, Ukrainian (Ukrainians are the third most numerous people in the RF, after Russians and Tartars), Byelorussian, Georgian, etc., as well as languages of traditional ethnic diasporas: Greek, German, Polish, Rumanian, etc.

Will be presented descriptions of literary languages with an old written tradition as well as of those with a recent literary history and languages without any written records.

The present series is composed of descriptions of languages of every principal genetic stock represented within the Russian Federation: Indoeuropean, Caucasian (or Ibero-Caucasian), including the Daghestan languages, Mongolian, Palaeoasiatic, Samoyed, Manchu-Tungusian, Turkic, Fenno-Ugrian. Each of the language families is further subdivided into groups, subgroups, and individual languages. Thus, the Indoeuropean language family includes such separate groups as Slavic, German, Romance, Iranian, etc. Within the Slavic group is distinguished an Eastern Slavic subgroup, composed of Russian, Ukrainian, and Byelorussian.

The principal taxonomic item in the encyclopaedia-type descriptions is the individual language; the number of speakers is unimportant in this case. Being part of the most valuable natural and cultural heritage of the humankind the language of any people makes a contribution to civilization as a whole.

Linguistic and cultural variety is a source of spiritual enrichment for every people of Russia, their national heritage. The aim of the authors and publishers of the series is to acquaint the citizens of Russia with the languages of each people living in Russia. In this undertaking will participate the most prominent scholars, specialists in linguistics who are working in the Russian Academy of Science, in the Academy of Natural Sciences of the Russian Federation, in the academies of the federal republics, scholars from higher education institutions, representing the numerous peoples of Russia.

*V.P. NEROZNAK, editor-in-chief of
the series "Languages of the Peoples of
Russia" professor*

От издательства

Выходу в свет этой книги во многом способствовала спонсорская помощь Мурада Абдуразаковича Мирзабекова – заместителя главы администрации города Махачкала Республики Дагестан.

Издательство выражает М.А.Мирзабекову сердечную признательность и желает ему новых свершений во благо нашей многонациональной Родины.

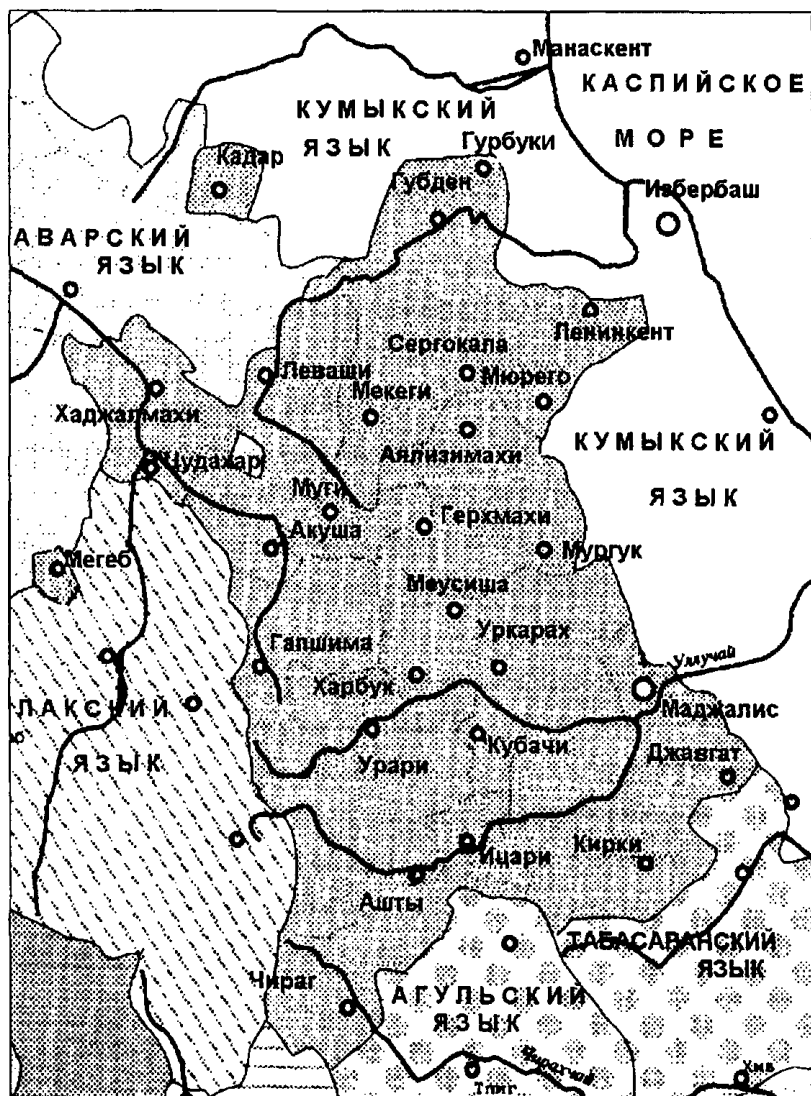
ВВЕДЕНИЕ

ДАРГИНСКИЙ язык (самоназвание *дарган мез*) - один из государственных языков Республики Дагестан, относится к дагестанской группе восточно-кавказской ветви иберийско-кавказских языков. В дореволюционных изданиях назывался еще и хюркилинским языком. Из дагестанских языков к нему наиболее близок лакский язык, что дает основание многим специалистам выделять в составе дагестанских языков наряду с аварской и лезгинской группами еще даргино-лакскую или лакско-даргинскую группу [Хайдаков 1985, 126-127, 251].

Число говорящих на даргинском языке по переписи 1989 г. около 365 тыс. чел. Язык распространен в Акушинском, Дахадаевском, Кайтагском, Левашинском, Сергокалинском и частично в Агульском, Буйнакском, Каякентском и Карабудахкентском районах Дагестана. На даргинском языке говорят также в селении Мегеб Гунибского района и в ряде переселенческих селений Бабаюртовского, Хасавюртовского, Кизлярского, Дербентского и Кумторкалинского районов Республики Дагестан. Много даргинцев проживает в городах Избербаш, Каспийск и Махачкала.

Этноним *дарган/даргван* "даргинский, даргинец", как нам кажется, довольно удачно объяснил в свое время известный кавказовед, автор первой даргинской грамматики П.К. Услар, который отмечает, что слово "*дарго*", может быть, происходит от *дарг* "внутренность, в противоположность внешнему" [Услар] "Действительно, - как отмечает известный ученый-историк Р. М. Магомедов [1999: 12-14], - в народном понимании само название даргинцев связано с корнем *дарг* "внутренность, нутро".

Карта распространения даргинского языка

Даргинский язык - один из четырнадцати государственных языков Республики Дагестан, сравнительно молодой стандартизированный литературный язык, опирающийся в своем развитии на акушинский диалект. На этом языке издаются художественная, научная, учебно-педагогическая и другая литература, выходят газеты и журналы; работает национальный театр, ведутся радиопередачи. Даргинский язык является языком школьного обучения: на нем ведется

обучение с первого по четвертый класс, с пятого же по одиннадцатый класс он становится языком, на котором как предметы изучаются даргинский язык, даргинская и дагестанская литература. Эти предметы на даргинском языке изучаются также в педучилищах и вузах республики. Как предмет он ныне преподается в ряде городских и сельских школ, где обучение ведется на русском языке.

Большая часть носителей даргинского языка в определенной степени двуязычна (в особенности городские жители). Свыше 70% даргинцев свободно владеют русским языком. Жители селения Мегеб владеют и аварским языком. Определенная часть взрослого населения даргинцев владеет кумыкским языком. До революции среди даргинцев, как и среди других народов Дагестана, широкое распространение имело знание и арабского языка.

Даргинский язык - младописьменный. Официальная массовая всенародная письменность на нем развивается лишь после Октябрьской революции сначала на арабской (до 1928 г.), потом (с 1928 до 1938 г.) на латинской, а с 1938 г. на русской графической основе. Литература, изданная до революции на арабской и русской графической основе, незначительна (около 34 названий). Первые известные записи даргинского языка на арабской графической основе датированы 1493 годом. Основным памятником письменности даргинцев является "Свод заповедных законов Кайтаг-Дарго" (нач. XVII в.).

Имеются исторические свидетельства о том, что территория даргинцев в свое время входила в состав Кавказской Албании (с IV в. до н.э. по VII в. н.э.) и в течение определенного времени даргинцы пользовались албанской письменностью [Магомедов 1964: 32]. В середине XX в. на территории Левашинского и Акушинского районов были найдены надписи на камне, сделанные буквами албанского алфавита, см. рис. 1 [Магомедов 1964: 32].

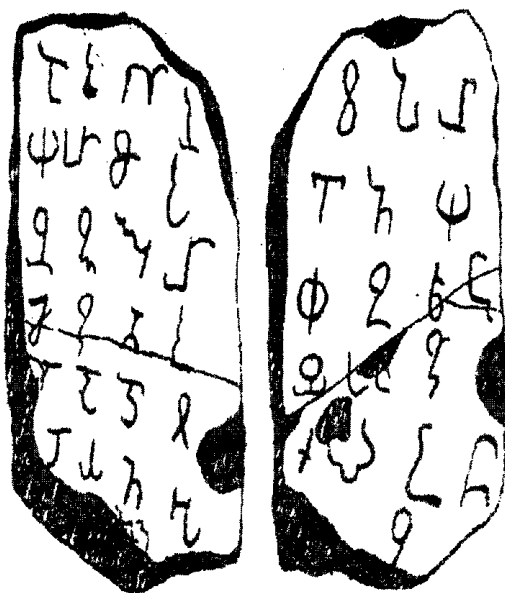

Рис. 1. Буквы албанского алфавита на камне, найденном в Левашинском районе.

Время зарождения письменности не совпадает с временем возникновения даргинского литературного языка. Только в 1930 г. была официально определена диалектная база литературного языка. Такой базой был признан акушинский диалект. С этого времени большую роль в становлении и развитии даргинского литературного языка стали играть пресса, радио, художественная и учебно-педагогическая литература, которые в основном старались придерживаться единых норм опорного диалекта. Особенно бурно стал развиваться даргинский литературный язык с 60-х гг. нашего века, когда стал функционировать даргинский национальный театр, успешно стала развиваться проза, связанная с именем А. Абу-Бакара и других писателей.

Вопрос о периодизации истории даргинского языка еще не нашел окончательного решения. Однако выяснено, что в своем развитии он испытал заметное влияние арабского, тюркских, персидского и русского языков, особенно ошутимое в лексике. Внутривидовые явления, обусловленные этим влияни-

ем, очень незначительны. Они заметны лишь в системе словообразования и в развитии различных синтаксических конструкций.

История даргинского языка тесно связана с историей даргинцев, которые неизменно жили в центральном Дагестане, занимая горные, предгорные и частично равнинные районы. Вопрос о миграции носителей даргинского языка в науке пока окончательно не изучен. Известны факты лишь незначительного продвижения с равнинных и предгорных районов в горные, а также факты ассимиляции и смешения определенной части даргинцев с тюркоязычным и монголоязычным населением в результате татаро-монгольского нашествия в Дагестан.

Торговые и иные связи с Ираном и частые походы иранских шахов в Дагестан способствовали проникновению в язык большого количества персидских слов. Вторжение арабов в Дагестан в VII в. и последовавшая исламизация населения оставили заметный след в виде многочисленных и разнообразных арабизмов.

Присоединение Дагестана к России в XIX в. ослабило влияние арабского и персидского языков и одновременно открыло путь широкому проникновению в даргинский язык русских и интернациональных слов. Последние же особенно интенсивно стали проникать в даргинский язык после Октябрьской революции. В период тоталитарного режима, установившегося после Октябрьской революции, до распада СССР, единственным языком, который интенсивно влиял на даргинский, был русский. Однако же после распада СССР и в связи с усилением интенсивных религиозных и других контактов Дагестана со странами Ближнего Востока возобновилось влияние на даргинский язык арабского и турецкого языков.

Даргинский язык дифференцирован на множество говоров, диалектов и наречий. В нем насчитывается свыше семидесяти говоров, которые объединяются в шестнадцать диалектов [Мусаев 1999: 357], из которых наиболее распространенными являются акушинский, губденский, кайтагский, кубачинский, муиринский, урахинский, сиргинский и цудахарский. Значительно различается степень близости этих диалектов друг к другу и к литературному языку. В этом плане заметно отличаются кубачинский, кайтагский и одноаульный чирагский

диалекты, которые вместе с даргинским по принципу взаимопонимости могут считаться близкородственными самостоятельными языками.

По своим особенностям в области фонетики, морфологии и лексики большинство диалектов делится на два типа: диалекты акушинского типа (акушинский, урахинский, губденский и др.) и цудахарского типа (цудахарский, сиргинский, кайтагский, кубачинский и др.). Такие диалекты, как мугинский, гапшиминский и муиринский при большом сходстве морфологии и лексики с диалектами акушинского типа, обнаруживают близость к диалектам цудахарского типа в области фонетики. Кадарский и мегебский же диалекты при сходстве фонетики с диалектами акушинского типа проявляют большое своеобразие в морфологии и лексике.

В фонетике диалектов в отличие от литературного языка широкое распространение получили непридыхательные глухие (*пп, кк, тт* и т.д.) и лабиализованные (*кв, гв, шв* и т.д.) звуки. В свою очередь в литературном языке представлены звонкие аффрикаты *дж, дз* и *къ*, не встречающиеся в большинстве диалектов. Ряд отличительных особенностей имеется и в морфологии диалектов. В частности, например, во многих диалектах не функционируют предметный (предложный), совместный и причинный падежи, представленные в литературном языке. Но вместе с тем в отдельных диалектах функционируют различные серии местных падежей, не встречающиеся в литературном языке.

Наиболее крупный по числу носителей *акушинский* диалект характеризуется относительно простой фонетикой. Акушинский - опорный диалект даргинского литературного языка. В нем отсутствуют преруптивы, лабиализованные согласные и долгие гласные, широко представленные в других диалектах. Всего здесь 37 согласных и 5 гласных фонем. Заднеязычный абруптив *к'* перед гласным *и*, *е* в отличие от других диалектов не палатализуется. Значительно проще и морфология, которой свойственен небольшой набор словоизменительных аффиксов.

Урахинский диалект близок к акушинскому, но в отличие от него имеет лабиализованные согласные, долгие гласные, метатизированную отрицательную частицу *ах/*- (акуш. *х/е-*). Функцию комитатива выполняет послеложная конструкция. В системе падежей сохраняется категория направления (*вац/ализиб-а-д*

'из лесу вверх', *вац/ализиб-хъа-д* 'из лесу вниз', *вац/ализиб-са-д* 'из лесу сюда', *вац/ализиб-би-т* 'из лесу туда'). Развита прогрессивная ассимиляция ($л + р > лл$). Склонение осложнено различными фонетическими процессами, в частности, выпадением целого комплекса звуков на стыке морфем, ср.: *душма* (< *думаа* < *душманна* < *душманла*) 'врага' при *душманла* в цуд. диалекте.

Цудахарский диалект отличается от акушинского и урахинского. Наиболее яркими особенностями фонетики является наличие преруптивов, лабиализованных согласных и весьма заметного ударения, отсутствие звонких аффрикат *дж*, *дз* и *къ*; палатализация заднеязычных и абруптива *к/* перед *и* или *е*. В системе падежей не представлен тематив. Его функции выполняет аблатив. Склонение однотипно и не осложнено, как в акушинском и урахинском диалектах, различными фонетическими процессами. Взаимопонимание между носителями акушинского и цудахарского диалектов затруднено.

Кайтагский диалект в фонетическом отношении близок к цудахарскому. Для него также характерно наличие преруптивов, лабиализованных, палатализация *к/* и заднеязычных *г*, *к* и отсутствие звонких аффрикат и фарингального *х/*. Слабо дифференцированы формы единственного и множественного чисел названий плодов, насекомых. Функции датива и эссива выполняет латив. Нет также тематива и инструменталиса. Их функции выполняют либо другие падежи, либо послеложные конструкции. Местоимения I лица различают инклюзив и эксклюзив (инкл. *нихъхъа* - экскл. *нисса* 'мы'). Полного взаимопонимания между кайтагцами и остальными даргинцами нет. С остальными даргинцами кайтагцы общаются на даргинском литературном языке.

Кубачинский диалект фонетически близок к цудахарскому и кайтагскому. Ему также свойственны преруптивы, лабиализованные, палатализация заднеязычных и абруптива *к/*. В исконных словах не представлен *р*, который повсеместно заменен *й*. Долгие гласные - результат различных фонетических процессов. В отличие от лит. языка представлена серия местных падежей со значением локализации "перед" (формант *-та*) и специальная падежная форма со значением 'ради' (*гал-жимат* 'ради сына'). Функции тематива выполняет аблатив. В аблативе подобно урахинскому диалекту нередко наличествует конкретизация направления (*хъалта-гъа-тталла* 'спереди-дома-вверх', *хъалта-ка-*

тталла 'спереди-дома-вниз', *хъалта-са-тталла* 'спереди - дома -сюда', *хъалта-ка-битталла* 'спереди - дома -туда'). Прилагательные оформлены классным суффиксом *-зив* (I кл.), *-зий* (II кл.), *-зиб* (III кл.). Количественные числительные в отличие от других диалектов лишены суффикса *-ал*. В кубачинском диалекте отмечена специальная форма настоящего общего времени (*ка-лучлад* 'я читаю вообще'). Носители кубачинского диалекта не понимают других даргинцев и поэтому общаются с ними на литературном языке.

Особый интерес представляют такие "островные" диалекты даргинского языка, как чирагский, мегебский и кадарский. *Чирагский* диалект (сел. Чираг Агульского района) очень далек от литературного языка и остальных диалектов. Фонетически чирагский диалект близок к цудахарскому, кубачинскому, кайтагскому. Целый ряд специфических особенностей имеет чирагский диалект и в морфологии и в синтаксисе. В отличие от других диалектов даргинского языка в чирагском сохранилась локативная конструкция предложения, ср.: чир. *дицце* (лат.), *дарс лучлад* "я напишу урок" и лит. *нуни* (эрг.) *дарс луклас* "я напишу урок". Между носителями чирагского диалекта и остальными даргинцами нет полного взаимопонимания.

В мегебском диалекте (сел. Мегеб Гунибского района) в отличие от других диалектов личными окончаниями снабжена только форма первого лица, ср.:

	мегеб. диал.	лит. яз.
1 л.	<i>ну лев-ра</i> 'я есть'	<i>ну лев-ра</i>
2 л.	<i>хлу лев-Ø</i> 'ты есть'	<i>хлу лев-ри</i>
3 л.	<i>ит лев-Ø</i> 'он есть'	<i>ит лев-Ø</i>

Как видно из примеров, в мегебском диалекте форма первого лица ед. числа противопоставляется совпадающим между собой формам второго и третьего лиц. Кроме того, в мегебском диалекте не наблюдается противопоставление форме третьего лица форм первого и второго лиц множественного числа при помощи классных показателей, как это имеет место в других диалектах и в литературном языке, ср.:

	мегеб. диал.	лит. яз.
1 л.	нуша леб-ра 'мы есть'	нуша лер-ра
2 л.	х/уша леб-Ø 'вы есть'	х/уша лер-рая
3 л.	итди леб-Ø 'она есть'	итди леб-Ø

В кадарском диалекте в отличие от других диалектов и литературного языка не функционируют звонкие аффрикаты дз, дж и къ.

Историю изучения даргинского языка условно можно разбить на два этапа: дореволюционный и послереволюционный.

Объектом внимания со стороны лингвистической науки даргинский язык становится в конце XVIII века. Известный русский естествоиспытатель академик И.А. Гюльденштедт в одной из своих работ [Güldenstädt 1787] упоминает акушинский, цудахарский и кубачинский диалекты и дает материал даргинского языка объемом в 261 слово. Далее материалы И.А. Гюльденштедта легли в основу словаря П.С. Палласа [1789]. В начале XIX века востоковед Г.Ю. Клапрот делает попытку уточнить границы распространения даргинского языка и дает целый список слов акушинского (272 слова) и кубачинского (65 слов) диалектов. Однако все эти первые лингвистические материалы по даргинскому языку не могли дать хотя бы первоначального представления об особенностях фонетики и грамматики даргинского языка.

На научную основу изучение даргинского языка становятся лишь со второй половины XIX века, когда П.К. Услар провел монографическое исследование одного из диалектов даргинского языка под названием "Хюркилинский язык" [1892]. Монография содержит грамматический очерк на 224 страницах, тексты на 55 страницах и словарь на 188 страницах в 1406 слов. В 1871 году А. Шифнером был напечатан на немецком языке "Подробный отчет" о монографии П.К. Услара [Schiefner 1871], а в 1885 году австрийский профессор Ф. Мюллер, опираясь на отчет А. Шифнера, опубликовал на немецком языке небольшой грамматический очерк даргинского языка [Müller 1885]. Заслуга А. Шифнера и Ф. Мюллера состояла в том, что они познакомили ученый мир Запада с даргинским языком.

В конце XIX и начале XX веков значительный материал даргинского языка привлечен в работах известных ученых того периода Р. Эркерта [Erckert 1895], Г. Шухардта, А. Глейе и Ф. Борка].

В советское время 20-30-е годы XX века внесли определенный вклад в развитие даргиноведения отечественные и зарубежные языковеды: Л.И. Жирков [1926], А. Дирр [1928], Н. Трубецкой [1922, 1929, 1931], Ж. Дюмезиль [Dumézil 1933 а, б, в], Л. Елмслев [Hjelmslev 1937], К. Боуда [Bouda 1937], С.Л. Быховская [1938; 1940а, б], И.И. Мещанинов [1940].

Новый этап в изучении даргинского языка представляют работы С.Н. Абдуллаева, Ш.Г. Гаприндашвили, А.А. Магометова, С.М. Гасановой, З.Г. Абдуллаева и других, вышедшие в свет в 50-60-е годы XX века.

В 1954 году вышла работа С.Н. Абдуллаева "Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология)", в которой с привлечением материала многих диалектов освещены основополагающие вопросы фонетики и морфологии даргинского литературного языка, т.е. точнее говоря, его базового диалекта - акушинского.

Вышедший в 1966 году в Тбилиси капитальный труд грузинского ученого Ш.Г. Гаприндашвили "Фонетика даргинского языка" представляет собой экспериментальное исследование звукового состава и анализ фонетических процессов в диалектах даргинского языка. На основе сравнительного анализа обширного материала в труда выявлены звуковые соответствия между диалектами, определены основные тенденции фонетических изменений и установлены характерные признаки диалектов.

Работы З.Г. Абдуллаева [1961] и С.М. Гасановой [1962 в], написанные в рамках кандидатских диссертаций в 60-е годы, посвящены категории падежа и категориям глагола - времени и наклонения.

Описанию своеобразного диалекта даргинского языка - кубачинского, который специалисты нередко квалифицируют в качестве самостоятельного языка, посвящена монография А.А. Магометова [1963]. В монографии освещены основные фонетические и морфологические особенности кубачинского идиома в сравнении с литературным даргинским языком и другими диалектами даргинского языка.

В 60-е годы в Даггосуниверситете Б.С. Сулеймановым на даргинском языке были выпущены пособия по фонетике, морфологии, синтаксису и словообразованию [1964, 1966].

Выходом в свет серии исследований, посвященных проблемам синтаксиса, диалектологии, лексики, фразеологии и исторической морфологии даргинского языка ознаменовались 70-90-е годы ушедшего столетия.

Для современного даргиноведения существенное значение имеют труды З.Г. Абдуллаева, в которых исследуются проблемы синтаксиса [1971, 1986], фонетики [1993], морфологии [1993] и словообразования [1993]; исследование С.М. Гасановой, посвященное диалектологии [1971], монография А.А. Магомедова [1982], посвященная консервативному мегебскому диалекту; работа М.-С.М. Мусаева, посвящена лексике [1978].

Значительный вклад в изучение вопросов истории даргинского языка, в частности, истории словоизменительных категорий даргинского языка внес М.-С.М. Мусаев [1980, 1983, 1984, 1987].

Проблема фразеологии даргинского языка обсуждается в книге и в ряде статей М.-Ш.А. Исаева [1995], в работе М.-Г.З. Магомедова [1980].

В настоящее время различные вопросы фонетики, грамматики, лексики и диалектологии разрабатываются в трудах А.А. Сулейманова [1999], Абдусаламова А.А. [1966 б], С.М. Темирбулатовой [1990, 1992 а, б] и др. Исследование даргинского языка осуществляется в Институте языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра РАН, в Даггосуниверситете, Даггоспедуниверситете, в Институте языкознания АН Грузии и в других научных центрах, в том числе и за рубежом.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

Петр Карлович Услар
(1815-1875)

Лев Иванович Жирков
(1885-1963)

Сайгид Нухкадиевич
Абдуллаев
(1903-1952)

Шота Герасимович
Гаприндашвили
(1915-1968)

**Александр Амарович
Магометов
(род. 1918)**

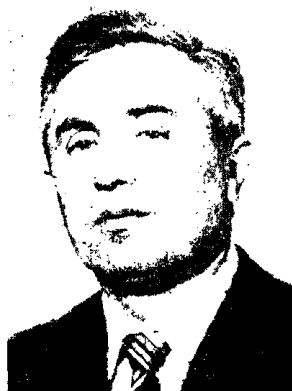
**Багомед Сулейманович
Сулейманов
(1918-2002)**

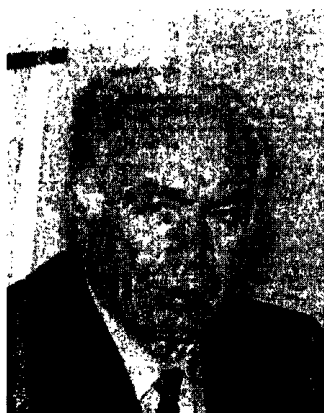
**Саида Магомедовна
Гасанова
(род. 1928)**

**Запир Гасанбекович
Абдуллаев
(1930-1996)**

Алибек Алибекович
Сулейманов
(род. 1933)

Албури Албуриевич
Абдусаламов
(род. 1936)

Амирбек Алиевич
Кадигабомаев
(род. 1938)

Магомед-Шапи Алиханович
Исаев
(род. 1944)

**Сапняханум Муртузалиевна
Темирбулатова**
(род. 1947)

**Басират Ильясовна
Гусейнова**
(род. 1960)

**Расул Османович
Муталов**
(род. 1961)

**Муса Расулович
Багомедов**
(род. 1961)

**Патимат Магомедовна
Гусейнова
(род. 1964)**

**Узлипат Усмановна
Гасанова
(род. 1966)**

**Барият Тарлановна
Чамсаева
(1967-2001)**

Звуки *в* (*w*), *б* (*v*), *й* по своим особенностям сильно тяготеют к сонорным. В составе согласных представлены специфические гортанные (*къ*, *хъ*, *гъ*, *кь*, *гь*) и смычно-гортанные (*ɡl*, *ɟl*, *ɟl*, *pl*, *kl*, *ml*, *ʲ*) звуки. Функционируют в даргинском литературном языке и специфические звонкие аффрикаты (*ɖз*, *ɖж*, *кь*), а также среднеязычный звонкий спирант (*ʒ*), не представленные в диалектах и в ряде родственных языков Дагестана.

Довольно редки случаи, когда в фонематическом отношении следующие звонкие противопоставляются соответствуют парным глухим согласным *ɡl* и *xl*, *ʲ* и *гь*, *кь* и *хъ*, а также следующие звонкие аффрикаты - соответствующим звонким спирантам *ɖз* и *з*, *ɖж* и *ж*.

Фонетический статус губно-зубного *ф* и звонкого губного смычного [*б1*], напоминающего согласный *б* русского языка и не включенного в таблицу, но отмечаемых иногда в даргинском языке, остается еще не определенным.

Система гласных состоит из пяти звуков, что показано в таблице 2.

Таблица 2.

Система гласных даргинского языка

Ряд \ Подъем	Передний	Задний
Верхний	<i>и</i>	<i>у</i>
Средний	<i>э(е)</i>	
Первый нижний		<i>а</i>
Второй нижний	<i>э(я)</i>	

Гласные *а*, *э*, *и*, *у* близки к аналогичным гласным русского языка. Специфическим является гласный *э(я)*, самого нижнего подъема (значительно ниже русского *а*) и переднего ряда. Он напоминает гласный звук (английского языка в словах *and*, *sat*. Очень редки случаи, когда в фонематическом отношении противопоставляются *и* и *э*, *а* и *э(я)*.

Кроме того, в литературном языке широко используются и такие заимствованные из русского языка звуки, как *о*, *ы*, *щ*, которые встречаются в русизмах, пишущихся и произносимых в даргинском литературном языке согласно русской орфографии и орфоэпии. Они не отражены в таблице. Согласный *ф*, кото-

рый отмечается только в одном исконном даргинском слове междометного происхождения (уфэс "дуть"), функционирует в основном в русизмах.

В даргинском языке нет четко выраженного динамического ударения. Все слоги в слове, как правило, произносятся с одинаковой силой. Этим и объясняется полное отсутствие случаев словоразличения при помощи ударения. Очень слабое ударение отмечается здесь иногда на последнем слоге. Выделяющееся динамическое ударение налицо в диалектах цудахарского типа.

Наиболее часто встречающимися фонетическими процессами даргинского литературного языка являются:

а) чередование гласных при словоизменении и словообразовании: а-и (ба-рес "сделать" - бирес "делать"); е-у (бецI "волк" - буцIи "волки"; бебкIес "умереть" - бубкIес "умирать"); а-у (кам "кожа" - кумри "кожи", бамсес "устать" - бумсес "уставать", хъали "дом" - хъули "домой"); я-у (къял "корова" - къули "коровы");

б) переход а и е в я(э) в составе аффиксов после увулярных (кроме гъ) и фарингальных (къат "слой" - къат-ани "слои", но бяхI "стена" - бяхI-яни "стены", лукI-ен "пиши", но лукI-ян "стригай");

в) выпадение гласных на стыке морфем (гIежа "коза" - гIежни "козы");

г) наращение гласных на стыке морфем (ит "он" - ита-ла "его");

д) ассимиляция согласных на стыке морфем: р+л>лл (кагъар+ла > [кагъал-ла] "письма" - р.п.); н+л > нн (сатин+ла > сатинна "сатина" - р.п.); б+м > мм (бакIиб+мад > [бакIиммад] "как только пришли"); д+т > тт (азад+ти > [азат-ти] "свободные").

Лексемы даргинского языка разнообразны по слоговой структуре, ср.:

1) односложные V (у "имя", а "молозиво"), VC (ит "тот"), CV (цIа "огонь", ца "один"), VCC (аргъ "погода"), CVC (кам "кожа"), CVCC (барх "вместе");

2) двусложные - VCV (ула "сито"); VCVC (авал "четыре"), VCVCC (абултI "раскорчеванное поле"), CVCV (вава "цветок"), CVCCV (рурси "девушка"), CVCVCC (тягяртI "секач"), CVCCVP (зурхIяб "радуга"), CVCCVCC (хIусбулхъ "оползень");

3) тресложные - VCVCV (*ишара* "знак"), VCCVCV (*аждагъа* "дракон"), CVCVCV (*чиичіала* "змея"), CVCVCVC (*баракат* "изобилие"), CVCCVCVC (*пľялпľялаг* "осина").

Большинство трехсложных слов является производными и заимствованными из восточных языков. Наиболее типичные структуры слога - это CV (*ва-ца* "лес", *зе* "соль") и CVC (*шин* "вода", *къар-къа* "камень"). Слог со стечением двух и более согласных в начале типа *русского ста-кан, сто, взгляд* не характерен. Не встречается слог и с конечным стечением "шумный + сонорный" типа *русского тигр, со-ци-а-лизм*.

МОРФОЛОГИЯ

Морфология даргинского языка характеризуется ярко выраженной агглютинативностью в сочетании с определенной долей флективности и синтетизмом с элементами аналитизма, о чем свидетельствует функционирование наряду с агглютинативно-синтетическими падежными формами и послеложных конструкций, наряду с синтетическими глагольными словоформами и аналитических формообразований. Лексико-семантические классы слов - части речи на морфологическом уровне хорошо противопоставлены. В отличие от отдельных дагестанских языков прилагательные, числительные и наречия являются морфологически оформленными частями речи. Более того, каждая часть речи характеризуется присущими ей грамматическими категориями: для имени существительного характерны категории падежа и числа, для глагола - категория лица, времени и наклонения. Только ряд омонимичных наречий и послелогов дифференцируется синтаксической позицией.

Существительное

Существительное - одна из основных частей речи, занимающая первое место в количественном отношении в системе последних и характеризующаяся специфическими семантическими, морфологическими и синтаксическими особенностями.

Существительные обозначают предметы в широком значении, отвечающие на вопросы *чи?* "кто?" и *се?* "что?" и служащие названиями живых существ, конкретных предметов и отвлеченных понятий (*неш* "мать", *маза* "овца", *ута* "стул", *жагадеш* "красота", *устадеш* "мастерство" и т.д.).

Для существительных характерны две словоизменительные морфологические категории: число и падеж. Словоизменительные признаки, как будет пока-

зано ниже, отчасти проявляет и категория грамматических классов, которая для данной части речи является в основном классификационной.

На синтаксическом уровне существительному свойственны функции подлежащего, объекта, дополнения, режы определения и обстоятельства. Существительное может выступать и именной частью составного сказуемого. В роли подчиненного слова с существительными сочетаются преимущественно прилагательные, числительные и отдельные местоимения. Как правило, только в системе существительных отмечаются словообразовательные суффиксы: *-деш*, *-зар*, *-лукъ*, *-кьяна*, *-наба*, *-ала* и др.

По лексико-грамматическим признакам существительные делятся на собственные и нарицательные, собирательные и расчлененные, конкретные и отвлеченные. Кроме того, существительные относятся к определенным грамматическим классам. Собственные и нарицательные существительные имеют определенные расхождения в образовании падежных форм и форм мн. числа; разумные и неразумные - в склонении; отвлеченные и конкретные - в способности сочетаться с числительными, собирательные и расчлененные - в системе классно-числового согласования.

Категория грамматических классов

Грамматические классы - это лексико-грамматическая категория имен существительных, проявляющаяся в их способности сочетаться с определенной классной формой слов. Например, ср.: *дудеш ваклуб* "отец пришел", *неш раclub* "мать пришла", *уни баклуб* "бык пришел".

В сфере ед. числа выделяются три таких класса. К первому классу относятся существительные, обозначающие разумные существа мужского пола и требующие наличия в согласующихся словах показателя *в*, ср.: *узи вамсур* "брат устал", *виштласи урши* "маленький мальчик" и т.д. К первому классу относятся и названия отдельных частей тела мужчины (*вяхI* "лицо", *вай* "талия", *варг* "нутро") и следующие теологические понятия: *аллагъ* "бог", *малаик* "ангел", *идбаг* "пророк", *израгил* "ангел смерти". Ко второму классу относятся существительные, обозначающие разумные существа женского пола и требующие в согласующихся словах наличие показателя *р*, ср.: *рузи рамсур* "сестра устала",

риштлиси рурси "маленькая девочка" и т.д. В данный класс входят также названия отдельных частей тела женщины (*ряхI* "лицо", *рай* "талия", *рагг* "нутро").

К третьему классу относятся все остальные существительные, которые требуют наличия показателя *б* в составе согласующегося слова. Например, ср.: *ябу бамсур* "лошадь устала", *биштлиси кьача* "маленький теленок".

Таким образом, соотнесенность существительных к тому или иному классу выражена лексически и синтаксически. Но у небольшого числа существительных она выражена и морфологически - наличием классного показателя, ср.: *вяхI* (I кл.) "лицо представителя I класса (мужчины, брата, сына" и т.д.), *ряхI* (II кл.) "лицо представителя II класса" (женщины, девушки" и т.д.), *бяхI* (III кл.) "лицо животного" и т.д.

Особую группу образуют существительные общего класса, которые в зависимости от ситуации их использования в речи проявляют свойства двух или всех трех классов, ср.: *далайчи ваклиб* (I кл.) "певец пришел" и *далайчи раклиб* (II кл.) "певица пришла" и т.д.

Несколько иная система грамматических классов представлена в системе собирательных существительных и в сфере мн. числа, где все существительные строго распределены на два класса по признаку разумности и неразумности, т.е. люди и "не-люди". Выделяется класс людей с классно-числовым показателем *б* в согласующихся словах (ср. *уршиби баклиб* "мальчишки пришли" и *рурсби баклиб* "девочки пришли" и т.д.) и класс "не-людей" с классно-числовым показателем *д/р* (ср.: *унци даклиб*, *лер* "быки пришли, имеются" и т.д.).

Таким образом, в даргинском литературном языке функционируют пять грамматических класса: три в сфере ед. числа и два в сфере мн. числа, которые по соотношению классно-числовых показателей образуют следующую пятиклассную систему: 1 кл. *в* (ед. ч.) и *б* (мн. ч.), ср.: *урши ваклиб* "мальчик пришел" и *уршиби баклиб* "мальчики пришли"; 2 кл. *р* (ед. ч.) и *б* (мн. ч.), ср.: *рурсби раклиб* "девочка пришла" и *рурсби баклиб* "девочки пришли"; 3 кл. *б* (ед. ч.) и *д/р* (мн. ч.), ср.: *унц баклиб*, *леб* "бык пришел, имеется" и *унци даклиб*, *лер* "быки пришли, имеются"; 4 кл. *б* (ед. ч.) *б* (мн. ч.), ср.: *халкь баклиб* "народ пришел", букв. "народ пришли" и *халкьани баклиб* "народы пришли"; 5 кл. *д/р* (ед. ч.) и *д/р*

(мн. ч.), ср.: *шин даклиб*, *лер* "вода пришла, имеется", букв. "вода пришли" и *шинани даклиб*, *лер* "воды пришли, имеются".

Категория числа

Категория числа - словоизменительная категория существительного, которая выражается в виде двух противопоставленных друг другу форм: единственного и множественного чисел. Форма единственного числа представляет собой немаркированную основу. Множественное число оформляется целым рядом показателей множественности. Однако далеко не все имена существительные имеют противопоставленные формы обоих чисел. Целый ряд существительных употребляется либо в форме ед. числа, либо в форме мн. числа. В общем, все существительные делятся на две группы: а) существительные, имеющие формы единственного и множественного чисел; б) существительные, имеющие форму только ед. числа или форму только мн. числа. Это в определенной степени зависит от того, к какому лексико-семантическому разряду принадлежит существительное. Только в одной из числовых форм (либо единственного, либо множественного) употребляются преимущественно названия отвлеченных, собирательных и собственных существительных.

Основная же масса существительных имеет формы единственного и множественного чисел. Существительных, не имеющих противопоставленных форм ед. и мн. чисел значительно меньше. Они образуют определенные семантические группы, входящие в разные лексико-грамматические разряды.

По своей семантике существительными, употребляемыми обычно в форме единственного числа, т.е. *singularia tantum*, являются собственные имена (*Загыр*, *Патлумат*, *Ахъуша* и т.д.), названия явлений природы (*аргъ* "погода", *гъава* "воздух" и т.д.), названия веществ (*кIуа* "солод", *кIема* "сливочное масло" и т.д.), названия отдельных отвлеченных и религиозных понятий (*яхI* "терпение", *бузери* "труд", *ахират* "конец света", *аллагъ* "бог" и т.д.).

Таким образом, к словам, употребленным обычно в форме ед. числа относятся названия единичных в своем роде предметов, а также отвлеченные и вещественные существительные, которые трудно представить в виде расчлененного множества. Кроме того, подобные существительные не поддаются счету, хотя употребление подобных существительных обычно в форме ед.

числа является нормальным, но для достижения тех или иных стилистических целей вполне приемлема и форма мн. числа. Так, например, форма мн. числа личных имен выражает репрезентативное собирательное множество, ср. *Мухтар* (ед. ч.) и *Мухтархъали* (мн. ч.), букв. "Мухтар и круг его окружающих".

Существительные, употребляемые только в форме мн. числа образуют следующие семантические группы: названия отдельных частей тела и жидкостей выделяемых из них (*дъуми* "бедро", *шутри* "сплюни" и т.д.); названия отдельных обрядов, игр и танцев (*хъубяхлруми* "праздник первой борозды", *цлцлпанти* "название вида танца", *дайлакъуни* "название игры" - сел. Мургул и т.д.); названия болезней, отвлеченных понятий (*мангъалти* "насморк", *питни* "сплетни", *гаши* "голод" и т.д.; названия некоторых конкретных предметов (*умцанти* "весы", *урхи* "ручная мельница", *шишала хлулби* "очки" и т.д.); некоторые топонимические названия (*Члянклурби* "название аула), *Сагурби* "название местности аула", *Глябруми* "название местности в сел. Мургул" и т.д.). Характерной особенностью отмеченных существительных является то, что в их числе нет ни одного названия одушевленных существительных.

Образование форм множественного числа существительных

Формы мн. числа существительных образуются различными способами: суффиксальным и префиксально-суффиксальным.

Наиболее продуктивным является суффиксальный способ, представленный довольно большим корпусом разнообразных показателей множественного числа, которые по своей природе не являются однородными. Одни из них напоминают собой окончания именительного падежа множественного числа, поскольку они представлены именно в данной форме (ср.: им. п. ед. ч. *бец* "волк" и мн. ч. *буц*-и "волки", акт. п. *буц*-ани., род. п. *буц*-ала и т.д.), а другие - суффиксы, поскольку они сохраняются в формах всех косвенных падежей (ср.: им. п. ед. ч. *губдалан* "губденец" и мн. ч. *губдалун-т* "губденцы", акт. п. *губдалунт*-ли, род. п. *губдалунт*-ла и т.д.), третьи - двуморфные показатели, состоящие из суффикса и окончания, так как при склонении в формах косвенных падежей суффиксы сохраняются без изменения, а окончание переходит в тематический гласный -а- (ср.: им. п. ед. ч. *адам* "человек", мн. ч. *адам-т+и* "люди"; акт. п. *адамт*-ани, род. п. *адамт+ала* и т.д.). Кроме того, в составе показателей мн.

числа большое место занимают сложные показатели, состоящие из двух или более суффиксов и окончания (ср.: им. п. ед. ч. *вацIа* "лес" - мн. ч. *вацI-ур+б+и* "леса", им. п. ед. ч. *чарма* "бочка" - мн. ч. *чарм-ун+т+и* "бочки" и т.д.).

В современном литературном языке отмечаются следующие показатели мн. числа, функционирование которых обусловлено определенными правилами, ср.:

-ни (-уни, -ани/-яни/-ени). Показатель *-уни* отмечается в основном в неодносложных существительных, оканчивающихся на согласный, кроме сонорных (ср. *гавлаг-гавлагуни* "мешки", *билет-билетуни* "билеты" и т.д.), *-ани(-ени, -яни* - в односложных существительных (*кьас* - *кьасани* "цели", *бехI-бехIени* "кончики", *гягI-гягIяни* "запахи" и т.д.; *-ни* отмечается преимущественно в двусложных существительных с гласным исходом (ср. *чяка-чякни* "птицы", *кьапIа* - *кьапIни* "шапки" и т.д.). Однако имеется и целый ряд исключений из названных правил, несмотря на то, что данные показатели являются наиболее продуктивными;

-би (-уби, -урби/-рби). Показатели данной группы являются продуктивными. При помощи *-би* форма мн. числа образуется почти у всех позднейших заимствований из русского языка, имеющих на исходе гласный (ср. *парта-партаби* "парты", *газета-газетаби* "газеты", *такси-таксиби* "такси" - мн. ч.), *пальто-пальтоби* "пальто" - мн. ч.), у исконных слов, обозначающих главным образом термины родства и названия частей тела (ср. *узи* - *узби* "братья", *рурси* - *рурсиби* "дочери", *хIули* - *хIулби* "глаза", *цула* - *цулби* "зубы" и т.д.); у ряда односложных существительных с корневыми гласными *е* или *я* (ср.: *дех* - *духби* "грузы", *дергъ* - *дургъби* "войны", *дякъ* - *дукъби* "тропы" и т.д.).

Присоединением показателя *-уби* образуются формы мн. числа у двусложных существительных с исходом на *-и* или *-а* и имеющих в корне сочетание согласных (ср.: *мухIли* - *мухIлуби* "рты", *тIярхъи* - *тIярхъуби* "двери"; *галга* - *галгуби* "деревья", *тIерхъа* - *тIерхъуби* "палки" и т.д.).

Существительных же, формы мн. числа которых создаются при помощи *-урби*, немного. Это в основном названия элементов ландшафта, строений и их частей (*кьада* - *кьадурби* "ущелья", *муза* - *музурби* "холмы", *ганзи* - *ганзурби* "лестницы", *гIямзи* - *гIямзурби* "углы", *кьаси* - *кьасурби* "выступы" или "полки", *гIуникъ* - *гIуникъурби* "пещеры", *гIуниз* - *гIунизурби* "родники" и т.д.

В трех заимствованных словах, оканчивающихся на -у, -урби выступает в виде -рби, ср. *дазу* - *дазурби* "границы", *къапу* - *къапурби* "ворота" и *къую* - *къуюрби* "колодцы" и т.д.

Видно, показателем -би формы мн. числа оформляются у названий элементов ландшафта, строений и их частей, а также названий частей тела, неслучайно, ибо тех и других объединяет общий признак "пассивного обладания", т.е. органической принадлежности (С.Л. Быховская).

-ти (-унти, -урти/-рти). При помощи показателя -ти форма мн. числа образуется почти у всех заимствованных и целого ряда исконных существительных, имеющих на исходе сонорные или близкие к ним звуки в [v], б[v], ъ (*суалсуалти* "вопросы", *хабар-хабурти* "сказки", *бусрав-бусравти* "просьбы", *герой-геройти* "герои", *супел-супелти* "усы", *муцлур-муцлурти* "бороды", *арцан-арцанти* "птицы", *урхам-урхамти* "жернова", *салам-саламти* "приветы" и т.д.). Аналогично образуются формы мн. числа и у существительных, образованных при помощи суффиксов -ала, -ани(-ени), -ри (ср. *бушкала-бушкулти* "веники", *ругери-ругерти* "волны", *дугени-дугенти* "корма" и т.д.).

Не все исконные существительные, имеющие на исходе сонорный или один из близких к сонорным звук в, б, ъ образуют форму мн. числа при помощи показателя -ти. Довольно значительная часть таких существительных образует форму мн. числа при помощи и других показателей, ср.: *буклун-буклуни* "чабаны", *дуруб-дурубуну* "шила", *гяхлѧп-гяхлѧли* "гости", *мурул-муѧли* "мужчины", *хьунул-хьунри* "женщины", *гѧбул-гѧбли* "гвозди" и т.д.

Путем присоединения показателей -унти, -урти(-рти) форма мн. числа образуется у очень небольшого количества существительных, являющихся древними заимствованиями, ср.: *чакма-чакмунти* "сапоги", *чарма-чармунти* "бочки", *къѧйда-къѧйдурти* "способы", *хлукму-хлукмурти* "решения", *зулму-зулмурти* "насилия", *гѧлму-гѧлмурти* "науки" и т.д.

Особо следует остановиться на показателе -т, поскольку он образует формы не расчлененного множества, а собирательного, притом от формы ед. числа только этнических названий, ср.: *миклѧен-миклѧент* "жители села Мекеги", *губдалан-губдалунт* "жители села Губден" и т.д.

Необходимо отметить, что показатели *-урти/-рти*, *-унти* являются сложными, состоящими из двух частей, где *-ун-*, *-ур/-р*, являются первичными, на которые в последствии накладывается другой более продуктивный формант *-ти* [Мусаев 1980 б].

Итак, слова, форма мн. числа которых создается при помощи *-ти* по своей семантике не являются однотипными. Но их объединяют другие, не семантические особенности. Так, например, абсолютное большинство этих слов составляют иноязычные и исконные непроезводные слова, имеющие на исходе сонорный или один из звуков *в[ʋ]* *б[ʁ]*, *й*.

-ми(-уми, -луми, -руми). При помощи *-ми* образуется форма мн. числа преимущественно у односложных существительных (ср.: *хъи-хъуми* "корни", *ши-шими* "села", *хур-хурми* "липы", *къяш-къяшми* "ноги" и т.д.) и у некоторых двусложных существительных с исходным слогом *-ра* или *ри*: *цура-цурми* "свины", *гяра-гярами* "зайцы", *сири-сирми* "люльки" и т.д.). Показатель *-ми* отмечается в формах мн. числа и у ряда существительных другого фонетического облика, ср.: *кулеха-кулухми* "браслеты", *тлулека-тлулкми* "кольца", *къуруш-къуршми* "рубли" и т.д. Обращает внимание того, что в корнях данных существительных наличествуют слоги с сонорными *л* или *р*.

При помощи показателя *-уми* формы мн. числа образуются у производных существительных с суффиксами *-ала*, *-ла*, *-ри*, ср.: *изала-излуми* "болезни", *ибала-иблуми* "швы", *бикъри-бикъруми* "свидетели" и т.д. В данную группу иногда попадают и заимствованные слова с исходом на *-ала*, *-ри*, ср.: *пигъала-пигълуми* "пиалы", *пикри-пикруми* "мысли" и т.д.

В современном разговорном языке формы мн. числа, созданные при помощи *-луми*, отмечаются довольно часто. В письменном же литературном языке после принятия нового свода орфографических правил он стал встречаться реже. Причиной послужило следующее правило свода: "у существительных с исходом на *-деш*, *-баркъ*, *-бик*, *-булхъ*, *-букъ*, *-уд* форма мн. числа может образоваться как с *-луми*, так и с *-уни*, однако следует писать с *-уни*: *гяхидеш* - *гяхидешуни* "добрые

дела", *гъярбик* - *гъярбикуни* "трещины"...¹ Разумеется, при строгом соблюдении данного правила в даргинском языке существительных, формы мн. числа которых образуются с *-луми*, окажется совсем немного. В нашей картотеке их всего десять, семь из которых - это производные слова с суффиксом *-уди*, обозначающие отвлеченные понятия: *баркъуди* - *баркъудлуми* "дело, проделки", *белчүди* - *белчүдлуми* "учебы, ученья", *багъуди* - *багъудлуми* "знания" и т.д. К ним по аналогии примыкают и слова: *къаралди* - *къаралдлуми* (заим.) "силуэты", *тилади* - *тиладлуми* (заим.) "просьбы", *гдебка* и *гдебкни* "закуска". Отмеченное говорит о том, что сфера употребления *-луми* в литературном языке заметно сокращается. Однако можно сказать, что в живой речи, в диалектах *-луми* остается продуктивным формантом, что способствует его проникновению и в письменный язык, где можно встретить формы с *-луми*, образованные вопреки существующему правилу. Как нам кажется, в прошлом данный формант имел более широкое употребление, и при его помощи создавались формы мн. числа у подавляющего большинства производных существительных с отвлеченным значением. Постепенное вытеснение *-луми* формантом *-уни* - результат общей тенденции даргинского языка употреблять вместо сложных формантов простые.

При помощи *-руми* формы мн. числа образуются всего у восьми непроеводных существительных с исходным слогом *-ла* или *-ли*, обозначающих конкретные понятия, ср. *ула* - *улруми* "сито", *гула* - *гулруми* "откормленные быки", *хлула* - *хлулруми* "колеса", *бали* - *балруми* "буйволы", *къала* - *алруми* "крепости", *къулла* - *къулруми* "грабли".

Форманты *-луми* и *-руми* являются сложными и состоят из двух простых формантов *-лу* и *-ми*, *-ру* и *-ми*. Первые части *-лу* и *-ру* как самостоятельные показатели мн. числа отмечаются в несколько видоизмененном виде в отдельных примерах, ср.: *адам* - *адамле* "люди" (кадар. диал.), *къаз* - *къузри* "гуси", *хъали* - *хъулли* "дома" и т.д.

-ри (*-ури*, *-дури*). Данная группа показателей не является продуктивной и отмечается в небольшом количестве существительных. Путем присоединения *-ри* образуется форма мн. числа в основном у односложных конкретных суще-

¹ Гябдуллаев З., Гябдуллаев С. Дарган мезла орфографияла словарь. Махачкала, 1978.

ствительных с согласным исходом и содержащих в корне *а* или *я*, ср. *т/ал-т/улри* "столбы", *кам-кумри* "кожа", *сяг/л-суг/ри* "мерки" и т.д. Встречаются и исключения, когда при помощи *-ри* образуются формы мн. числа и различных двусложных и односложных существительных с гласным исходом, ср.: *сума-сумри* "соломинки", *шали-шулри* "бока", *хя-хури* "собаки" и т.д.

Только в слове *мукукури* (ед. ч. *мукеки*) "рога" отмечен показатель *-ури*. Другой показатель *-дури*, выражающий собирательное множество, наблюдается в двух словах, ср.: *муса-мусадури* "местность", *гьуни-гьундури* "дороги, дороги и еще что-то их окружающее".

-хъали. Данный показатель присоединяется только к названиям разумных существ и выражает репрезентативное множество, определяя лицо вместе с его семьей, знакомыми, коллегами или окружающими, ср.: *Муса-Мусахъали* "Муса и круг его окружающих", *неш - нешхъали* "мать и круг ее окружающих", *учитель - учительхъали* "учитель и его семья, учитель и его окружающие" и т.д. В специальной литературе происхождение показателя *-хъали* увязывают с понятием *хъали* "комната, жилище, дом".

-и. В отличие от других показателей мн. числа, *-и* является морфемой иного характера, которая по морфологическим особенностям напоминает собой окончание, поскольку он функционирует только в им. падеже. Показатель *-и* непродуктивен и отмечается в небольшом количестве односложных существительных с согласным исходом (ср.: *хив-хиви* "орехи", *къял-кьюли* "коровы", *бец/буц/и* "волки" и т.д.) и в ряде двусложных или трехсложных существительных с исходом на *-ул*, *-ял*, *-ала*, *-ара* (*гамул-гумли* "пальцы ног", *мурул-муйли* "мужчины", *гялх/ял-гялх/ли* "гости", *уц/ала-уц/ли* "щепки", *хъубзара-хъубзури* "землепашцы" и т.д.) [Мусаев 1980б].

Образование форм множественного числа несуффиксальными способами

Часть существительных образует формы мн. числа префиксально-суффиксальным, аблаутно-суффиксальным способами.

В современном даргинском языке выделяется группа существительных, у которых формы мн. числа образуются при помощи одновременного участия

суффиксальных и префиксальных показателей, ср.: *бузи-дузби* "братья по отношению к детенышам животных", *бухъала-дохълуми* "растения", *валликъяна-балликъянаби* "приятели" и т.д. Подобным образом формы мн. числа создаются у классных существительных, т.е. у существительных, в которых содержится живой классный показатель, ср.: *вархкъя* (I кл.) "попутчик" - *бархкъяби* "попутчики", *рархкъя* (II кл.) "попутчица" - *бархкъяби* "попутчицы"; *бархкъя* (III кл.) "попутчик" - *дархкъяби* "попутчики по отношению к животным и вещам".

При аблаутно-суффиксальном способе форма мн. числа образуется при помощи суффикса и чередования корневого гласного, ср. *къаз* - *къузри* "гуси", *млас-млусри* "тазики", *бекI* - *букIри* "головы", *дякъ* - *дукби* "тропинки" и т.д. У отдельных единичных существительных формы ед. и мн. чисел различаются только в косвенных падежах, ср.: им. п. *урчи* "лошадь и лошади", род. п. *урчили* "лошади" и *урчала* "лошадей", д. п. *урчилис* "лошади" и *урчас* "лошадям" и т.д. Таким является и существительное *мирхъи* "пчела" и "пчелы" (им. п.), *мирхъила* (род. п.) "пчелы" и *мирхъала* "пчел" и т.д. Однако омонимичные формы ед. и мн. чисел данных существительных неодинаковы по своей структуре, ибо в форме мн. числа исходный -и является показателем множественности, в то время как в форме ед. числа такой же исходный -и является принадлежностью основы.

Звуковые процессы и типы образования форм множественного числа

Отмечаются следующие звуковые процессы и обусловленными ими словоизменяемые типы.

К первому типу относятся существительные, исходная основа, т.е. форма ед. числа, которых остается без изменения при образовании мн. числа, ср.: *мIул* - *мIул+би* "пальцы", *адам* - *адам+ми* "люди", *ши-ши+ми* "села", *мурчI-* *мурчI+и* "прутья" и т.д.

Ко второму типу относятся существительные, у которых при образовании мн. числа в исходной основе, т.е. в форме ед. числа, выпадает тот или иной звук, ср.: *киса* - *кис+ми* "карманы", *хIули* - *хIул+би* "глаза", *гIябул* - *гIябл+и*

"гвозди", *чирагъ* - *чиргъ+ми* "лампочки", *изала* - *изл+уми* "болезни", *сукура* - *сукр+уми* "тарелки" и т.д.

К третьему типу относятся существительные, при образовании мн. числа которых в исходной основе, т.е. в форме ед. числа, чередуются корневые звуки, ср.: *кьацI* - *кьуцI+ри* "хлебы", *кьял* - *кьул+и* "коровы", *нед* - *нуд+би* "брови" и т.д. К данному типу примыкают и существительные, мн. число которых образуется чередованием классных показателей и присоединением к исходной основе того или иного суффиксального показателя множественности, ср.: *вархкья* - *бархкья+би* "попутчики", *гьавкья* - *гьабкья+би* "передовики" и т.д.

К четвертому типу, который можно назвать смешанным, относятся существительные, у которых при образовании мн. числа в исходной основе отмечается чередование и выпадение звуков, ср.: *хъали* - *хъул+ри* "дома", *бузи* - *дузби* "собратья у животных", *бухIнала* - *духIнал+ти* "внутренности" и т.д.

Категория падежа

В современном даргинском литературном языке категория падежа представлена двенадцатью падежами², которые делятся на 8 общих (номинатив, эргатив, фактив, генитив, датив, комитатив, тематив и инструменталис) и на 4 местных (латив, эссив, аллатив и аблатив).

Номинатив (им.п.) в плане выражения представлен немаркированной формой, которая служит исходной основой для образования ряда косвенных падежей в зависимости от типа склонения. Широкое семантическое поле номинатива реализуется в гамме многообразных частных проявлений субъектного, объектного и определительного значений. Субъектное значение, как правило, проявляется в номинативных конструкциях, где сказуемое выражено непереходным глаголом (ср.: *неш аррякьун* "мама ушла", *дурхIя усули сай* "ребенок спит", *дахIи бацIиб* "снег растаял", *дус арбякьун* "год прошел" и т.д.), а объектные - в эргативных конструкциях, где сказуемое выражается переходным глаголом (ср.: *рузини жуз белчIун* "сестра книгу прочитала", *нуни букIуйзи маза чардарахъира*

² Следует отметить, что названный здесь количественный состав падежей во многих отношениях носит условный характер, ибо однозначному решению данного вопроса препятствует ряд сложных обстоятельств, в частности, вопрос о статусе серии местных падежей.

"я чабана овец вернуть заставил", *ухънани ил вайси гъуни ахъиб* "старик эту плохую дорогу прошел", *арши иршули сари* "спелые хлеба жнут", *жуз белчи* "прочитав книгу", *жуз бучлуси* "книгу читающий" и т.д.

Довольно разнообразны и специфичны определительные и обстоятельственные значения абсолютива (ср.: *бекI гIиниз* букв. "голова-родник", т.е. "главный родник", *къячIа турба* букв. "пятка труба", т.е. "труба-угольник", *къараул Рабадан* "Рабадан-караул", *илав ил баз калун* "там он месяц оставался", *къачара сабра къял* букв. "теленка с собой имея корова", т.е. "корова с теленком", *ши-алав* букв. "село-вокруг", т.е. "вокруг села", *унцгъуна* "такой, как бык", *гIяш халал кигъа* букв. "курдюк большой баран", т.е. "большекурдючий баран" и т.д.

Эргатив оформляется в зависимости от типа склонения окончаниями *-ни*, *-й*, *-ли*. Наибольшая доля его семантического поля, естественно, приходится на различные виды субъектного значения, которые обусловлены природой сказуемого, выраженного переходным глаголом. Наиболее типичные частные проявления данного значения демонстрируют следующие примеры, ср.: *Култумли сунечибад юргъан лайбакиб* "Култум сбросила с себя одеяло" (М.-Р.); *Тухтурли рурсилизи дарман держажъиб* "Врач вынудил девочку выпить лекарство"; *Рузини рисули дуги беркиб* "Сестра, плача ночь провела"; *Унрани нушаб кумекбариб* "Сосед помог нам"; *Нешли гъанна гIяхIил бикъули сари* "Мать сейчас хорошо слышит" и т.д.). В эргативе оформляются инструментальное и приопределительное дополнение (ср.: *Нуни дисли къацI балъунра* "Я потом хлеб порезал", *дусмайли ршитIал лачин* "годами маленький сокол" - нар. поэзия и т.д.), а также обстоятельства времени и способа действия (ср.: *дусли чарулхъас* букв. "годом вернусь", т.е. "через год", *мура махли хиб* букв. "сено ношей привезли", т.е. "на спине" и т.д.). Своеобразно значение необходимого информативного восполнения, выражаемое эргативом, ср.: *ну къацIли укулра* букв. "я хлебом кушаю", т.е. "я кушаю", *вацIа кIали бяхъиб* букв. "лес листвой ударился", т.е. "зазеленел", *рурси далуйта ручIули сари* букв. "девушка песнями читает", т.е. "поет", *ил къянба угъули сай* букв. "он лжами говорит", т.е. "лжет" и т.д.

Фактив (превратительный падеж) как самостоятельный абстрактный падеж в даргинском литературном языке был включен в состав падежей недавно [Мусаев М.-С.М.1987: 70]. Оформляется он при помощи окончания *-ли*, омонимич-

ного с одним из окончаний эргатива, что и вводило долгое время в заблуждение специалистов. Однако фактив четко отличается от эргатива в первом склонении, ср.: *учительницани ученик вагъур* (эрг.) и *ил нушачир учительницали рири* (факт.) "она у нас была учительницей". Семантическая структура фактива довольно проста и бедна, которая характеризуется только тем, что выражает лицо, предмет и явление, в качестве которого выступает другой предмет, ср.: *ил нушачив директорли узи* "он у нас директором работал", *Наб хіѐла нешли ризс хіѐйчахъаси* "Я бы не хотела быть твоей матерью", *къизбикіуси занзили ахли, буребали уббухъун* "то, что кололо, оказалось не колючкой, а иголкой" и т.д. Формой фактива выражается и способ действия, ср.: *хіябал къурушлис килоли дедиб* букв. "за три рубля килограммом отдал", т.е. "продал по три рубля за кило".

Генитив оформляется окончаниями *-ла*, *-на* и путем усечения основы, ср.: *дис-ла* "ножа", *шин-на* "воды", *дарман* (ном.) - *дарма* (ген.) "лекарства" и выражает самые разнообразные определительные значения:

а) собственно определительные (*мискиндешла дард* "горе бедности", *хіур-матла адам* "человек уважения" и т.д.);

б) определение по деятелю (*урчила дуцл* "бег лошади", *нешла вявъала* "крик матери" и т.д.);

в) определение по обладателю (*узила къапла* "шапка брата", *унцла бекл* "голова быка" и т.д.);

г) определение по носителю признака (*рурсила жагадеш* "красота девушки", *дубурла ахъдин* "высота горы" и т.д.);

д) определение по отношению и назначению (*школала директор* "директор школы", *тіутіла анхъ* "сад винограда" и т.д.);

е) определение по качеству (*жинсла урчи* "лошадь породы", *сортла анклу* "пшеница сорта", т.е. "сортная" и т.д.

Формой генитива выражаются и специфические субъектно-объектные значения (*дудешла хъехікілі каб гіяхібілзули ахлен* букв. "отца кашляние (= кашель) мне не нравится", *узила жуз леб* букв. "брата книга есть", т.е. "брат имеет книгу", *нешла иличи уркіѐцідухъун* букв. "мамы на него жалость пошла", т.е. "маме жалко стало его". Объектные значения генитива демонстрируются сле-

дующими примерами, ср.: *иш хъула бацни гъари!* букв. "этого поля вспахание же!", т.е. "как же вспахали поле, один ужас!", *кайи, чяйла бержа* "садись, выпей чаю", *глиниз шинна бегъуб* "родник воды лишился" и т.д.

Функция необходимого информативного восполнения для генитива характерна:

а) при отрицании с помощью слов, являющихся наименьшей единицей измерения, ср.: *къякъялра анклила агара* "ни зернышка пшеницы нет", *клантлалра шинна агара* "ни капли воды нет" и т.д.;

б) при существительных, имеющих значение единицы измерения, ср.: *ца гавлаг анклила* "один мешок пшеницы", *ца хленкъ унцала* "одно стадо быков", *ца къукья адамтала* "одна группа людей" и т.д.;

в) при словах *жура* "вид", *тяхIяр* "способ", *жинс* "порода", ср.: *глаголла жураби* "виды глагола", *методикала тяхIурти* "способы методики", *къупала жинс* "порода коров" и т.д.;

г) при глаголах *биэс* "стать, быть", *барес* "сделать", которые вместе с формой генитива существительных семантически замкнутого круга обозначают качественные изменения предмета или лица, ср.: *дурхIя аринжла виубли сай* букв. "мальчик кори стал", т.е. "заболел корью"; *хъу газала бариб* букв. "поле мотыги сделали", т.е. "поле пропололи мотыгой" и т.д.;

д) при глаголе *укес* "кушать", который, сочетаясь с формой генитива названий отрезков времени, обозначает момент трапезы, ср.: *хIерила укес* букв. "полдня кушать" (ном. *хIери* "полдень" и ин. *хIерила* "полдня"), т.е. "пообедать" и т.д.;

е) при компаративах, ср.: *ил набчив шел дусла халаси сай* букв. "он чем я пять лет старше", т.е. "на пять лет" и т.д.

Форма генитива отмечается и в различных синтаксически не разложимых словосочетаниях типа *дусла дус* букв. "года год", т.е. "целый год", *бархIила бархIи* букв. "дня день", т.е. "целый день" и т.д.

Специфической особенностью даргинского генитива является его способность сочетаться с различными послелогоми в определительно-обстоятельных значениях, ср.: *шила дураб* "вне села", *шила бухIнаб* "села внутри",

юртла гьалаб "вперед дома", ца базла глергъи "после одного месяца", узила мерлаб узес "работать вместо брата", т.е. "за брата" и т.д.

В сочетании с послелогами генитив может выражать также субъектные и объектные значения, ср.: партизантала ургаб халаси уржибдеш саби "среди партизан нерушимое единство", илди дудешла хлехълизиб гъайбикълри "они об отце говорили" и т.д.

Датив оформляется окончаниями -с и -б, -д в личных местоимениях. Семантическое поле датива складывается из своеобразных частных проявлений объектного, субъектного и определительного значений.

Наибольшее количество разнообразных частных видов обнаруживается у объектного значения, которое конкретизируется как значение объекта-адресата, к которому обращено действие, речь и т.д. (ср.: учениклис жуз бедес "ученику дать книгу", юлдашунас глях! сягъят бираб букв. "товарищам хороший час пусть будет!", т.е. "счастливого пути!", дурх!нас хабар бурес "детям сказку рассказать" и т.д.).

Не менее разнообразными являются у датива частные виды и субъектного значения. Они обнаруживаются в предложениях различной структуры, в которых сообщается о различных состояниях субъекта (ср.: ишаб дурх!нас глях!ил саби "здесь детям хорошо", рузис иш хлехъиур "сестре это не хватит", нешлис кумек гляг!нили саби "маме помощь нужна", дудешлис ита укъес чебикиб "отцу пришлось туда пойти", нушаб ит сек!ал гъанбикиб "нам все это вспоминалось". Датив отражает также субъект при глаголах чувственного восприятия, ср.: нушаб нушала ши дигахъех!е букв. "нам наше село любимо", т.е. "мы любим наше село".

Определительные значения датива являются определениями по времени, цели, по причине, источнику, стимулу (ср.: барх!ехълис чарулхъас "к вечеру вернусь", масхаралис бурес "сказать в шутку", ну марлис вик!усира "я вправду говорю", х!ябал къурушлис жуз асира "за три рубля книгу купил" и т.д.

Функция необходимого информативного восполнения у датива обнаруживается при следующих глаголах: илдас гъалавхъес "опеределить их", узис дарга-ламалхъад "не мешай брату", уршилис г!еламалхъад букв. "сыну не отставай", мазалис гъаланайилра букв. "овцам охраняю", т.е. "охраняю овец" и т.д. Датив

выступает и в функции предикативного признака (ср.: *хлева* - нешлис, дабри - дудешлис "платье - маме, обувь - отцу" и т.д.).

Дативом управляют послелоги (*кьадин* "вместо, за"; *г'ергъи* "после, за кем-то", *алав* "вокруг"; *гьала* "впереди", *г'ела* "назад"), с которыми он выражает различные определительно-обстоятельственные значения (ср.: *ил дудешлис гьала т'ашизур* букв. "он отцу впереди стал", т.е. "он стал перед отцом", *Мусас г'ела кайзи* букв. "Мусе сзади становись", т.е. "становись за Мусой" и т.д.).

Комитатив оформляется при помощи флексии *-чил* и в основном является падежом определительных значений, которые обнаруживаются при обозначении им предмета, совместно с которым совершается действие (ср.: *рурси нешличил шагьарлизи аррякьун* "девушка с матерью в город поехала" и т.д.), а также при обозначении им предмета, послужившего орудием, способом или причиной действия (ср.: *нуни кьаламличил кагьар белк'унра* букв. "я с карандашом письмо написал", *ца х'еваличил дуравхьун* букв. "с одной сорочкой вышел", т.е. "в одной сорочке", *арцанти халати х'ункьрачил урцулри* букв. "птицы с большими стаями летели", т.е. "большими стаями", *х'якаличил узес кьиянни саби* букв. "с шубой работать трудно", т.е. в "шубе" и т.д.).

В форме комитатива выступает приименное определение (ср.: *дугьабизличил багьлабирнила ишараби* букв. "с обращением знаки препинания", т.е. "при обращении" и т.д.). Масдар, оформленный комитативом, выражает момент начала другого действия (ср.: *ну вак'иличил илра вак'иб* "с моим приходом и он пришел" и т.д.).

Немногочисленные частные виды объектного значения комитатива демонстрируют следующие примеры, ср.: *душмайчил ургъес* "воевать с врагом", *уршиличил гьайухъес* "поговорить с сыном", *иличил ца анц'букь бетаурли саби* "с ним что-то случилось", *зурх'яб ранганачил жасаси саби* "радуга красива своими цветами" и т.д.).

Функции необходимого информативного восполнения комитативов выполняет в случаях типа *дудешличил цугси* букв. "равный с отцом", т.е. "равный отцу", *нешличил тянишси* "с матерью знакомый", *унрачил кумхаси* "общий с соседом", *байрамличил мубаракирулни* "поздравляю с праздником!".

Тематив имеет окончание *-чила* и является падежом сугубо объектного значения, реализуемого в виде выражения предмета мысли, разговора, спора, заботы, беспокойства и информации, ср.: *бецличила гъаймайкӀуд* "не говори о волке", *темаличила жалрикӀи* "спорила о теме", *нешличила пикририкӀули сари* "думает о матери", *биштӀатачила къайгънабирули саби* "заботятся о малышах", *узичила шишимикӀули сай* "горюет о брате", *игитличила далайрикӀули сари* "поет о герое" и т.д.

Объектные значения тематива в ряде случаев сочетаются с определительными, ср.: *гурдаличила хабар* "сказка о лисе", *Батирайличила жуз* "книга о Батыре" и т.д.

Инструменталис оформляется при помощи флексии *-чибли* и характеризуется бедной семантикой, которая складывается, как правило, из употребления лица или предмета в роли орудия, средства, способа, причины действия или повода действия, ср. *иш дисличибли селпра барес хӀейрар* "этим ножом ничего не сделаешь", *илдани хӀӀӀйвантачибли яшавбирулпри* букв. "они жили скотом", т.е. "за счет скота"; *ил секӀал нуни гуявличибли багъурра* букв. "это я узнал зятем", т.е. "через зятя"; *цӀакӀьличибли сархес* "добиться силой"; *иш анцӀбукь Мухтарличибли бетаурси саби* "Это случилось из-за Мухтара".

На периферии семантического поля инструменталиса находится значение необходимого информативного восполнения, ср.: *назмуртачивли машгъурси сай ил* "он известен стихами", т.е. "по стихам"; *анкӀиличивли давлачевси сай* "богат пшеницей" и т.д.

Местные падежи. К местным падежам относятся латив, эссив, аллатив и аблатив. В отличие от абстрактных эти падежи в качестве основных имеют обстоятельственно-определительные значения с преобладанием определения действия или предмета по месту и оформляются показателем локализации и падежным окончанием. В зависимости от пространственной ориентации каждый местный падеж имеет по пять серий: I серия на *-чи* "на"; II серия на *-зи* "между, внутри", "в"; III серия на *-у* "под"; IV серия на *-хӀи* "в" (внутри обычно полого пространства, вместилища); V серия на *-гӀи* "около, рядом, у". Следует отметить, что формы IV и V серий местных падежей от одушевленных существ-

вательных не образуются. Это обусловлено семантической природой обозначаемых ими предметов.

Латив оформляется нулевым окончанием по отношению к показателям локализации и выступает в пяти сериях: супер-латив (показат. *-чи + Ø*), суб-латив (показ. *-у + Ø*), интер-латив (показ. *-зи + Ø*), ин-латив (показ. *-х/и + Ø*) и конт-латив (показ. *-глу + Ø*).

Супер-латив (показ. *-чи + Ø*) характеризуется преобладанием определительного и объектного значений. Определительные значения конкретизируются в выражении:

а) лица или предмета, на поверхность которого направлено действие (*ута-личичи кайэс* "сесть на стул", *жуз столличичи набихьес* "положить книгу на стол" и т.д.);

б) лица или предмета, служащего ориентиром для обозначения пространства до них (*кьюшличичи ветаэс* "дойти до шалаша", *рузичичи укьес* "пойти к сестре" и т.д.);

в) предмета цели или причины (ср.: *хивачичи укьес* "пойти за орехами", *хяла тламаличичи велх/унра* "проснулся на лай собаки" и т.д.);

г) отрезков времени или пространства, к исходу которых завершается действие (ср.: *савлиличичи бикайчичи уси* "спал до утра", *х/ерк/личичи саайчичи виси* "плакал до реки", т.е. "пока не доехали до реки" и т.д.

Объектные значения супер-латива обнаруживаются в основном в обозначении:

а) лица или предмета, на которых смотрят, злятся, к которым обращаются, на которые действуют физически или морально (ср.: *телевизорличичи х/ерик/ес* "смотреть на телевизор", *душмайчичи гьимидухьун* "разозлился на врага", *нешличичи дугьайур* "обратился к маме", *хьулкиличичи дяхьес* букв. "бить на вора", т.е. "побить вора", *нешличичи байдарес* букв. "на маму поцеловать", *унцличичи хя кьац/ибикун* букв. "на быка собака укусила", т.е. "быка укусила собака"; *рурсилличичи дигайдихьиб* "полюбил девушку", *ученикличичи асарбариб* "повлияло на ученика" и т.д.).

Значение необходимого информативного восполнения у супер-латива отмечается в случаях типа: *бец/личичи мешуси* "похожий на волка", *рурсилличичи лайкьси*

"подходящий для девушки", букв. "подходящий на девушку", *дусличи дус* "из года в год", букв. "на год год", *бекличи букес* букв. "до головы довести", т.е. "до конца довести" и т.д.

Значение же воспринимающегося субъекта у рассматриваемого падежа обнаруживается в предложениях типа: *ишаб дурхляличи буглярли саби* букв. "здесь на ребенка холодно", т.е. "здесь ребенку холодно".

Суб-латив, маркируемый сериальным показателем -у и нулевой флексией (ср.: *утали-у+Ø* "под стул"), характеризуется минимальными определительными значениями, обнаруживающимися при обозначении лица или предмета, под которые направляется или направлен на другое лицо или предмет (ср.: *тлас столлиу кабихьиб* "тазик под стол положили" и т.д.).

Форма суб-латива употребляется и при обозначении пространственного предела и в ряде случаев необходимого информативного восполнения (ср.: *шурмау бикайчи* букв. "до-под скалы", т.е. "до того места, что под скалой", *шин вайлиу адаиб* "вода до пояса дошла", букв. "до-под пояса", *асарлиу викес* букв. "под влияние попасть", *арилиу викиб* букв. "попал под ига" и т.д.

Конт-латив, маркируется при помощи сериального показателя локализации -gli и нулевой флексии (ср.: *цалиgli+Ø* "у, около огня") и обозначает предмет, в пределы, (у, около) которого направлен другой предмет (ср.: *цалиgli гъамизс* "приблизиться к огню", букв. "к-около огня", *унзалиgli саиб* "дошел до дверей" и т.д.

Конт-латив обозначает место нахождения предмета, который служит объектом обработки (прополки, уборки и т.д.), ср.: *муралиgli укьес* букв. "к (около) сену идти", т.е. "идти на сенокос", "идти косить, сушить и копнить сено", *аршилиgli укьес* букв. "идти к (около) поля спелого хлеба", т.е. "идти на уборку урожая" и т.д.

Конт-латив выражает и такое определительное значение, которое обнаруживается при обозначении пространственного предела, ср. *шурмаgli аили сай* "дошел до скал".

Ин-латив оформляется при помощи сериального показателя локализации -xli и нулевого окончания (ср.: *къанилихli+Ø* "в сундук". Данный падеж употребляется редко и обозначает в основном пустотелый предмет, во внутрь которого направляется или направлен другой предмет (ср. *кисмахli дигляндариб* "спря-

тал в карманы"). Функции инлатива со временем более шире стал выполнять интер-латив на *-зи+Ø*.

Интер-латив маркируется показателем локализации *-зи* и нулевой флексией по отношению к формам других местных падежей и выражает в основном определительные и объектные значения.

Объектные значения имеют следующие частные проявления, которые обнаруживаются при обозначении:

а) лица или предмета, который подвергается физическому или моральному воздействию со стороны другого лица или предмета, ср.: *беклизи кьаркьа чегиб* "камень попал на голову", *анклизи мухьи гьудурдариб* "в пшеницу смешали ячмень" и т.д.;

б) лица или предмета, которому что-либо передают, сообщают или которого за кого-либо или за что-либо принимают или считают, ср.: *узили газета бедиб* "брату газету передали", *нешлизи бура* "скажи маме", *ил нуни нешлизи халпри-русири* "я ее за маму считал" и т.д.;

в) предмета или лица, которого заставляют что-то сделать, ср.: *нуни дурхлялизи дарс белчлахъунра* "я заставил мальчика выучить урок" и т.д.

Определительные значения интер-латива обнаруживаются при обозначении массивов, во внутрь которых направлено что-то, ср.: *вацализи арякьун* "в лес пошел" (мыслится как направиться в некое пространство между деревьями, кустами), *Кавказлизи ваклиб* "приехал на Кавказ" (мыслится как направиться в пространство между какими-то объектами, предметами и т.д.), *шагьарлизи арякьун* "поехал в город" (мыслится как направиться в пространство между некими объектами, домами, зданиями и т.д.).

Интер-лативная форма отмечается также в роли приименного определения и в функции необходимого информативного восполнения, ср.: *космослизи гьун* "дорога в космос", *хлеблизи агиб* букв. "в весну попало, ударило", т.е. "весна наступила", *изайзи викес* букв. "попасть в болезнь", т.е. "заболеть" и т.д.

Эссив - падеж покоя, который маркируется классными показателями в сочетании с показателями серий локализации (*-чи+б*, *-зи+б* и т.д.) и выражает лицо или предмет, в пространственных пределах которого покоится или совершает действие другой предмет.

Эссив функционирует в пяти сериальных формах: супер-эссив в виде - исходная основа + *чи+б* (ср.: *столли-чи+б* "на столе", суб-эссив - в виде исходная основа + *у+б* (ср.: *столли+у+б* "под столом"), ин-эссив - в виде исходная основа + *х/и+б* (ср.: *кисма+х/и+б* "в карманах"), интер-эссив в виде - исходная основа + *зи+б* (ср.: *адамта+зи+б* "в людях", т.е. "между людьми"), конт-эссив в виде - исходная основа + *г/и+б* (ср.: *ц/али+г/и+б* "около огня").

Семантическое поле эссива состоит из многообразных частных случаев определительного и объектного значений. Определительные значения демонстрируются при обозначении лица, предмета и явления, на (в, под, между, около) которых, а также при обозначении места и отрезков времени, в пределах которых пребывает или совершает действие другой предмет, ср.: *столлиуб жита бусули саби* "под столом кошка спит", *бук/уни ц/алиг/иб ихтилатбик/упри* "чабаны беседовали у огня", *кисалих/ир арц пер* "в кармане есть деньги".

Определительные значения эссивом выражаются и при помощи явлений, служащих причиной, условием, уточнением и квалификацией действий, состояний или признака, ср.: *ишг/уна буг/ярдешлизив узес вирусив?* "можно ли работать при таком холоде?", *хат/аличиб кабикибси саби* "случилось по ошибке", *халаси к/ьяндешлизив калунра* "жил в трудных условиях" и т.д.

Объектные значения у эссива показывают следующие примеры, в которых имена в форме эссива обозначают лицо или предмет, которому мстят, которого боятся или ищут, над которыми смеются и т.д., ср.: *душмайчиб г/ымиах/иб* "отомстили врагу", *бец/лиг/ив урухиуб* "испугался волка", *урчилиг/ив умц/ес* "искать лошадь", *азг/интачиб дукарк/ес* "смеяться над лентами" и т.д.

Своеобразны значения эссива, выражаемые абстрактными понятиями, ср.: *х/янчилилизир бутак/ьяндеш дарес* "принять участие в работе", *жалтазив чеди-и-кес* "одержать победу в споре", *г/ямрулизив талих/лавизс* "стать счастливым в жизни" и т.д.

На периферии семантического поля эссива обнаруживается и субъектное значение. Примеры, демонстрирующие это значение, довольно специфичны. Они проявляются при обозначении лица или предмета, в котором наличествуют или отсутствуют определенные признаки состояния, происходят различные качественные изменения, ср.: *к/ячаг/элизир инсап агара* "у бандита нет совес-

ти", *рурсилизир дахъял гIяхIти хасиятуни лер* "в девушке много хороших черт", *учениклизиб халаси гъура леб* "у ученика есть большое старание" и т.д.

Аллатив - это падеж направления, оформляющий имя предмета, в сторону которого направлено действие, но без обязательного достижения этого предмета, ср.: *унц вацIализибяхI арбьякун* "бык по направлению в лес пошел" и т.д. Аллатив является сериальным падежом, обозначающим конкретизированное показателем локализации направление действия в сочетании со специальной флексией *-бяхI*. Так, например, суб-аллатив оформляется в виде *-у+бяхI*, ср. *шурма-у+бяхI* букв. "по направлению в-под скалу" и т.д., супер-аллатив - в виде *-чи+бяхI* (ср.: *нуша-чи+бяхI хIербиклули саби* "по направлению на нас смотря", интер-аллатив - в виде *-зи+бяхI* (ср.: *дубурта-зи+бяхI* "в сторону гор" (мыслится как "по направлению в-между объектами гор"), конт-аллатив - в виде *-гIу+бяхI* (ср.: *цIали-гIу+бяхI* букв. "по направлению к-около огня"), ин-аллатив - в виде *-хIу+бяхI* (ср. *кисали-хIу+бяхI* "по направлению в карман").

Семантика всех серий аллатива характеризуется однотипными частными проявлениями определительно-объектного значения, выражающегося демонстрацией общего направления действия в сторону конкретного предмета, ср.: *илди анхълизибяхI гъайбиуб* "они направились в сторону сада" и т.д.

Аблатив - падеж удаления, который маркируется специальным окончанием *-ад* в сочетании со сложными морфами, состоящими из показателей локализации и флексии эссива, в силу чего аблатив становится сериальным, выступающим в виде супер-аблатива со сложным маркером *-чи+б+ад* (ср.: *утали-чи+б+ад* "со стула"), суб-аблатива с маркером *-у+б+ад* (ср.: *утали-у+б+ад* "из-под стола"), ин-аблатива с маркером *-хIу+б+ад* (ср.: *кисма-хIу+б+ад* "из карманов"), интер-аблатива с маркером *-зи+б+ад* (ср.: *мурализибад* "из сена"), конт-аблатива с маркером *-гIу+б+ад* (ср.: *цIали-гIу+б+ад* букв. "от-около огня"). Семантическое содержание сериальных форм аблатива характеризуется главным образом определительными и объектными значениями.

Определительное значение обнаруживается при обозначении им лица или предмета, от, из, из-под, с, изнутри, через, сквозь которого удаляется другой предмет или лицо (ср.: *уталичибад кабикиб* "со стула упало", *уталиубад беб-шиб* "убежал из-под стула", *вацIализибад бакIиб* "пришли из лесу" и т.д. Кроме

того, в аблативе оформляется предмет, от, с, через который смотрят, наблюдают, видят (ср.: *улк'айлизибад чебаэс* "увидеть из окна", *х'алчибад х'ер'уира* "посмотрел с крыши" и т.д.) или названия материала, из которого изготавливается что-нибудь (ср.: *гулилизирад х'ябал к'апла дарили сари* "из одной шкурки сшили три папахы"; *ил мург'улизирад вец'ал т'улека дарили сари* "из этого золота изготовили десять колец" и т.д.).

Объектные значения аблатива отмечаются в случаях, когда нужно обозначить лицо или предмет, которого прощают, от которого что-нибудь получают или избавляются, которого боятся (ср.: *нешличивад чевверхи* "прости маму", *юлдашличибад каг'ар касира* "получил письмо от товарища", *бец'лизибад урухбууб* букв. "испугались от волка", т.е. "волка", *балаг'улизивад верцес* "спастись от беды" и т.д.).

В ряде случаев аблатив выполняет функции определения и выражает значение необходимого информативного восполнения, ср.: *шишализирад г'умир-ти* "нитки из стекла" (в газетных заголовках), *г'як'лулизивад ух'ес* "пишиться ума", *х'ечирад ну ребк'и* "чтоб я умерла вместо тебя" букв. "чтоб я умерла от тебя" и т.д.

Склонение существительных

Все существительные склоняются без единого исключения. Не функционируют в формах IV и V серий местных падежей лишь некоторые существительные в зависимости от характера обозначаемого им предмета (см. ниже). Непосредственные падежные флексии едины для всех имен. Разные окончания для той или иной их категории имеют лишь эргатив или генитив. Разряды существительных с одинаковыми окончаниями в эргативе образуют типы склонения. Выделяется три таких типа. Разные окончания эргатив имеет только в сфере ед. числа, поэтому типы склонения соответственно выделяются в ед. числе. Деление существительных на типы склонения основывается на семантическом и фонетическом особенностях слова.

В соответствии с существующей традицией к первому склонению относятся существительные I и II классов с гласным исходом и имеющие в эргативе окончание *-ни*, ср.: ном. *узи* "брат" и эрг. *узи-ни*, ном. *рузи* "сестра" и эрг. *рузи-*

ни, ном. Муса (муж. имя) и эрг. *Муса-ни*, ном. *Бика* (жен. имя) и эрг. *Бика-ни* и т.д. Исключения незначительны (см. Сулейманов 1964а: 104).

Другой характерной чертой существительных первого склонения является образование форм генитива, фактива, датива и латива непосредственно от формы номинатива, которая остается неизменной и не образует архаичных вариантов, ср.: ном. *рузи* "сестра", эрг. *рузи-ни*, ген. *рузи-ла*, дат. *рузи-с*, факт. *рузи-ли*, лат. *рузи-чи*. По образцу первого склонения создаются падежные формы и мн. числа лишь с той разницей, что производящей основой для косвенных падежей становится не форма номинатива, а специальная косвенная основа на -а, ср. ном. *рузби* "сестры", эрг. *рузба-ни*, ген. *рузба-ла*, дат. *рузба-с*, лат. *рузба-чи* и т.д.

Ко второму склонению относятся существительные с исходом на -л, -н, -ла, -ли всех классов, которые в эргативе имеют окончание -й и видоизмененную основу, обусловленную различными фонетическими процессами, ср. ном. *дарман* "лекарство", эрг. *дарма-й* (< *дарма-и* < *дарманни* < *дарман+ли*); ном. *мурул* "муж", эрг. *муру-й* (< *муруй* < *мурул-ли*) и т.д. Исключения немногочисленны.

В отличие от существительных первого склонения, у существительных второго склонения датив и латив образуются от эргатива, ср. ном. *дарман*, эрг. *дармай*, дат. *дармайс* и т.д.

К третьему склонению относятся существительные всех трех классов, которые в эргативе имеют окончание -ли оканчиваются на согласный, кроме -н, -л и на слоги -ли и -ла. У части существительных III склонения возможны фонетические варианты окончаний эргатива и генитива в виде -ни и -на, которые в языке получили орфографическое подкрепление. Это касается тех существительных, которые составляют исключение во II склонении, ср. ном. *шин* "вода", эрг. *шин+ни* (*шин+ли*), ген. *шин+на* (< *шин-ла*) и т.д.

В отличие от I склонения, у существительных III склонения формы косвенных падежей (кроме фактива и генитива) образуются на базе эргатива, ср.: ном. *ута* "стул", эрг. *ута-ли*, ген. *ута+ла*, дат. *утали-с*, лат. *утали+чи* и т.д.

Отмеченными тремя типами склонения в даргинском языке охвачены все имена существительные. Случаи разносклоняемых имен существительных не встречаются.

Следует отметить, что образование падежных форм носит ступенчатый характер. Так, например, формы эргатива, фактива, генитива, датива и латива I склонения образуются на базе комитатива, что представляет собой первую ступень; формы эссива, аллатива, номинатива и тематива образуются на базе латива (II ступень). На базе эссива образуются формы аблатива и инструменталиса (III ступень). У существительных же II и III склонений наблюдается четырехступенчатое образование падежных форм: от номинатива образуются фактив, эргатив и генитив (I ступень), от эргатива - датив, латив (II ступень), от латива - комитатив, аллатив, номинатив, эссив (III ступень) и, наконец, от эссива - аблатив и инструменталис (IV ступень). Характерной особенностью падежных форм является то, что форма генитива может склоняться по всем падежам, и то, что от многих падежных форм при помощи суффиксов *-си* (прилагательного) и *-ли* (наречного) образуются специальные формы, напоминающие собой причастия и деепричастия (ср.: эссив *уталичиб* "на стуле" - *уталичиб+си* "находящийся на стуле", *уталичиб+ли* "будучи на стуле", ком. *уталичил* "со стулом" и *уталичил+си* "то, что со стулом", *уталичил+ли* "находящийся со стулом" и т.д.

Образцы типов склонения существительных**I тип***рузи "сестра", Муса*

Ном.	<i>рузи</i>	<i>Муса</i>
Эрг.	<i>рузи-ни</i>	<i>Муса-ни</i>
Факт.	<i>рузи-ли</i>	<i>Муса-ли</i>
Ген.	<i>рузи-ла</i>	<i>Муса-ла</i>
Дат.	<i>рузи-с</i>	<i>Муса-с</i>
Ком.	<i>рузи-чи-л</i>	<i>Муса-чи-л</i>
Тем.	<i>рузи-чи-ла</i>	<i>Муса-чи-ла</i>
Инстр.	<i>рузи-чи-б-ли</i>	<i>Муса-чи-б-ли</i>
Супер.-лат.	<i>рузи-чи-Ø</i>	<i>Муса-чи-Ø</i>
Суб.-лат.	<i>рузи-у-Ø</i>	<i>Муса-у-Ø</i>
Интер.-лат.	<i>рузи-зи-Ø</i>	<i>Муса-зи-Ø</i>
Ин.-лат.	-	-
Конт.-лат.	-	-
Супер.-эсс.	<i>рузи-чи-б</i>	<i>Муса-чи-б</i>
Суб.-эсс.	<i>рузи-у-б</i>	<i>Муса-у-б</i>
Интер.-эсс.	<i>рузи-зи-б</i>	<i>Муса-зи-б</i>
Ин.-эсс.	-	-
Конт.-эсс.	-	-
Супер.-алл.	<i>рузи-чи-бяхI</i>	<i>Муса-чи-бяхI</i>
Суб.-алл.	<i>рузи-у-бяхI</i>	<i>Муса-у-бяхI</i>
Интер.-алл.	<i>рузи-зи-бяхI</i>	<i>Муса-зи-бяхI</i>
Ин.-алл.	-	-
Конт.-алл.	-	-
Супер.-абл.	<i>рузи-чи-б-ад</i>	<i>Муса-чи-б-ад</i>
Суб.-абл.	<i>рузи-у-б-ад</i>	<i>Муса-у-б-ад</i>
Интер.-абл.	<i>рузи-зи-б-ад</i>	<i>Муса-зи-ад</i>
Ин.-абл.	-	-
Конт.-абл.	-	-

II тип

дарман "лекарство", тlал "столб", хъали "дом, комната", беркала "еда"

Ном.	дарман	тlал	хъали	беркала
Эрг.	дарма-й	тlа-й	хъа-й	берка-й
Факт.	дарман-ли	тlал-ли	хъали-ли	беркала-ли
Ген.	дарма-Ø	тlа-Ø	хъа-Ø	берка-Ø
Дат.	дарма-й-с	тlа-й-с	хъа-й-с	берка-й-с
Ком.	дарма-й-чи-л	тlа-й-чи-л	хъа-й-чи-л	берка-й-чи-л
Тем.	дарма-й-чи-ла	тlа-й-чи-ла	хъа-й-чи-ла	берка-й-чи-ла
Инстр.	дарма-й-чи-б-ли	тlа-й-чи-б-ли	хъа-й-чи-б-ли	берка-й-чи-б-ли
Супер-лат.	дарма-й-чи-Ø	тlа-й-чи-Ø	хъа-й-чи-Ø	берка-й-чи-Ø
Суб.-лат.	дарма-й-у-Ø	тlа-й-у-Ø	хъа-й-у-Ø	берка-й-у-Ø
Инт.-лат.	дарма-й-зи-Ø	тlа-й-зи-Ø	хъа-й-зи-Ø	берка-й-зи-Ø
Ин.-лат.	-	-	-	-
Конт.-лат.	-	тlа-й-гlи-Ø	хъа-й-гlи-Ø ³	берка-й-гlи-Ø ⁴
Супер.-эсс.	дарма-й-чи-б	тlа-й-чи-б	хъа-й-чи-б	берка-й-чи-б
Суб.-эсс.	дарма-й-у-б	тlа-й-у-б	хъа-й-у-б	берка-й-у-б
Инт.-эсс.	дарма-й-зи-б	тlа-й-зи-б	хъа-й-зи-б	берка-й-зи-б
Ин.-эсс.	-	-	хъа-й-гlи-б	берка-й-гlи-б
Конт.-эсс.	-	тlа-й-гlи-б	хъа-й-гlи-б	берка-й-гlи-б
Супер.-алл.	дарма-й-чи-бяхl	тlа-й-чи-бяхl	хъа-й-чи-бяхl	берка-й-чи-бяхl
Суб.-алл.	дарма-й-у-бяхl	тlа-й-у-бчхl	хъф-й-у-бяхl	берка-й-у-бяхl
Инт.-алл.	дарма-й-зи-бяхl	тlа-й-зи-бяхl	хъа-й-зи-бяхl	берка-й-зи-бяхl
Ин.-алл.	-	-	-	-
Конт.-алл.	-	тlа-й-гlи-бяхl	хъа-й-гlи-бяхl	берка-й-гlи-бяхl
Супер.-абл.	дарма-й-чи-б-ад	тlа-й-чи-б-ад	хъа-й-чи-бад	берка-й-чи-б-ад
Суб.-абл.	дарма-й-у-б-ад	тlа-й-у-б-ад	хъа-й-у-б-ад	берка-й-у-б-ад

³ По мнению отдельных специалистов хъагlи является наречием, так как оно переводится как "домой", но в отличие от русского языка с данным словом сочетается определение, ср.: нушала хъагlи букв. "в наш домой", т.е. "дом".

⁴ Форма беркагlи отмечается в случаях беркагlи гъамии "приближайся к-около еды".

Инт.-абл.	дарма-й-зи-б-ад	т/а-й-зи-б-ад	хъа-й-зи-б-ад	берка-й-зи-б-ад
Ин.-абл.	-	-	-	-
Конт.-абл.	-	т/а-й-г/и-б-ад	хъа-й-г/и-б-ад	берка-й-г/и-б-ад

III тип

ганзи "лестница", Салам

Ном.	ганзи	Салам
Эрг.	ганзи-ли	Салам-ли
Факт.	ганзи-ли	Салам-ли
Ген.	ганзи-ла	Салам-ла
Дат.	ганзи-ли-с	Салам-ли-с
Ком.	ганзи-ли-чи-л	Салам-ли-чи-л
Тем.	ганзи-ли-чи-ла	Салам-ли-чи-ла
Инстр.	ганзи-ли-чи-б-ли	Салам-ли-чи-б-ли
Супер.-лат.	ганзи-ли-чи-Ø	Салам-ли-чи-Ø
Суб.-лат.	ганзи-ли-у-Ø	Салам-ли-у-Ø
Инт.-лат.	ганзи-ли-зи-Ø	Салим-ли-зи-Ø
Ин.-лат	-	-
Конт.-лат.	ганзи-ли-г/и-Ø	-
Супер.-эсс.	ганзи-ли-чи-б	Салам-ли-чи-б
Суб.-эсс.	ганзи-ли-у-б	Салам-ли-у-б
Инт.-эсс.	ганзи-ли-зи-б	Салам-ли-зи-б
Ин.-эсс.	-	-
Конт.-эсс.	ганзи-ли-г/и-б	-
Супер.-алл.	ганзи-ли-чи-бях/	Салам-ли-чи-бях/
Суб.-алл.	ганзи-ли-у-бях/	Салам-ли-у-бях/
Инт.-алл.	ганзи-ли-зи-бях/	Салам-ли-зи-бях/
Ин.-алл.	-	-
Конт.-алл.	ганзи-ли-г/и-бях/	-
Супер.-абл.	ганзи-ли-чи-б-ад	Салам-ли-чи-б-ад
Суб.-абл.	ганзи-ли-у-б-ад	Салам-ли-у-б-ад
Инт.-абл.	ганзи-ли-зи-б-ад	Салам-ли-зи-б-ад

Ин.-абл.	-	-
Конт.-абл.	ганзи-пи-г/и-б-ад	-

Образцы склонения существительных во множественном числе

Ном.	руз-би "сестры"	хъул-ри "дома"	ганз-урби "лестница"
Эрг.	руз-б-а-ни	хъул-р-а-ни	ганз-урб-а-ни
Факт.	руз-би-пи	хъул-ри-пи	ганз-урб-и-пи
Ген.	руз-б-а-ла	хъул-р-а-ла	ганз-урб-а-ла
Дат.	руз-б-а-с	хъул-р-а-с	ганз-урб-а-с
Ком.	руз-б-а-чи-п	хъул-р-а-чи-п	ганз-урб-а-чи-п
Тем.	руз-б-а-чи-ла	хъул-р-а-чи-ла	ганз-урб-а-чи-ла
Инстр.	руз-ба-чи-б-пи	хъул-р-а-чи-б-пи	ганз-урб-а-чи-б-пи
Супер.-лат.	руз-б-а-ч-Ø	хъул-р-а-чи-Ø	ганз-урб-а-чи
Суб.-лат.	руз-ба-у-Ø	хъул-р-а-у-Ø	ганз-урб-а-у
Инт.-лат.	руз-б-а-зи-Ø	хъул-р-а-зи-Ø	ганз-урб-а-зи
Ин.-лат.	-	-	-
Конт.-лат.	-	хъул-р-а-г/и-Ø	ганз-урб-а-г/и
Супер.-эсс.	руз-б-а-чи-б	хъул-р-а-чи-б	ганз-урб-а-чи-б
Суб.-эсс.	руз-б-а-у-б	хъул-р-а-у-б	ганз-урб-а-у-б
Инт.-эсс.	руз-б-а-зи-б	хъул-р-а-зи-б	ганз-урб-а-зи-б
Ин.-эсс.	-	-	-
Конт.-эсс.	-	хъул-р-а-г/и-б	ганз-урб-а-г/и-б
Супер.-алл.	руз-б-а-чи-бях/	хъул-р-а-чи-бях/	ганз-урб-а-чи-бях/
Суб.-алл.	руз-б-а-у-бях/	хъул-р-а-у-бях/	ганз-урб-а-у-бях/
Инт.-алл.	руз-б-а-зи-бях/	хъул-р-а-зи-бях/	ганз-урб-а-зи-бях/
Ин.-алл.	-	-	-
Конт.-алл.	-	хъул-р-а-г/и-бях/	ганз-урб-а-г/и-бях/
Супер.-абл.	руз-б-а-чи-б-ад	хъул-р-а-чи-б-ад	ганз-урб-а-чи-б-ад
Суб.-абл.	руз-б-а-у-б-ад	хъул-р-а-у-б-ад	ганз-урб-а-у-б-ад
Инт.-абл.	руз-б-а-зи-б-ад	хъул-р-а-зи-б-ад	ганз-урб-а-зи-б-ад
Ин.-абл.	-	-	-
Конт.-абл.	-	хъул-р-а-г/и-б-ад	ганз-урб-а-г/и-б-ад

Прилагательное

Прилагательные, обозначая признак предмета, указывают на его качество, свойство, цвет, вес, вкус, форму, объем, на его отношение к пространству или ко времени и т.д.

По значению прилагательные делятся на качественные и относительные; по оформлению - на полные (оформленные) и краткие (неоформленные); по словоизменительным способностям - на изменяемые и неизменяемые; по составу - на простые и составные. Полными или оформленными являются прилагательные, содержащие один из суффиксов *-си*, *-ил(-л)*, *-а(-я, -е)*, *-ар*, *-кар*, *-ан(-ян, -ен)*, *-чѣбси(-чѣвси, -черси)*, *-кан*, *-лан*, *-ла*, *-лихъ*: *халаси* "большой", *цлуба* "белый", *къаркъубар* "каменистый", *дубурлан* "горский", *пагъмукар* "талантливый", *дурашан* "чужой, иносельский", *клилихъ* "двойной", *давлячѣбси* "богатый" и т.д. Краткие или неоформленные прилагательные не содержат суффиксов. Как, правило, они употребляются только в сочетании с определяемым словом и встречаются преимущественно в народной поэзии, ср.: *ахъ дубурти* "высокие горы" при *ахъси* "высокий" и т.д.

Оформленные суффиксом *-си* прилагательные изменяются по числам (*халаси* "большой" - *халати* "большие"), классные - еще и по классам (*виштіласи* "маленький", *риштіласи* "маленькая", *биштіласи* "маленькое" и *диштілати* "маленькие") *давлячѣбси* "богатый" и *давлячерти* "богатые". К неизменяемым относятся большей частью неклассные прилагательные с суффиксами *-а*, *-ла*, ср.: *цлуба хлева* "белая сорочка" и *цлуба хлевни* "белые сорочки"; *дагла* "вчерашний, вчерашние" и т.д. Однако прилагательные на суффикс *-а*, выступая в роли именной части составного сказуемого, изменяются по числам, ср.: *иш хлева цлуба саби* "это платье белое есть" и *ишди хлѣбти цлубаби саби* "эти платья белые есть". Классные прилагательные в сфере мн. числа имеют противопоставленные формы по принципу "люди - не-люди", ср.: *биштілати адамти* "маленькие люди" и *диштілати жузи* "маленькие книги".

По составу прилагательные делятся на простые, состоящие из одного корня (*жагаси* "красивый", *цлудара* "черный") и составные, состоящие из двух и более корней (*хлябдусан* "трехлетний", *шала-хлунтіена* "светло-красный"). В сочета-

нии с существительными прилагательные не склоняются (ср.: ном. *биштласи* хъали "маленькая комната", эрг. *биштласи* хъай, ген. *биштласи* хъа, дат. *биштласи* хъайс и т.д.), в случаях же, когда они употребляются самостоятельно, склоняются так же, как и существительные (ср. ном. *биштласи* "маленький", эрг. *биштласили*, ген. *биштласила* "маленького", дат. *биштласилис* "маленькому" и т.д.). В основном прилагательные склоняются по второму (оформленные суффиксом *-лан*, *-ан/-ян/-ен*: *дубурлан*) и третьему склонению (все остальные).

Числительное

По своему значению все числительные делятся на количественные, порядковые, собирательно-количественные и разделительные.

Количественные числительные обозначают количество исчисляемого: *хлябал рурси* "три девушки", *шел унц* "пять быков" и т.д. Со всеми количественными числительными существительные сочетаются в форме им. падежа ед. числа, ср.: *ца унц* "один бык", *хлябал унц* "три быка" (букв. "три бык"), *шел унц* "пять быков" (букв. "пять бык"), *вецлал унц* "десять быков" (букв. "десять бык"). Однако согласующиеся со словосочетанием "числительное + существительное" слово (глагол, прилагательное) оформляется во мн. числе, ср.: *хлябал унц даклиб* "три быка пришли" (букв. "три бык пришли"), *хлябал халати унц* "три больших быка" (букв. "три большие бык").

По своей структуре количественные числительные бывают простые (состоящие из одного корня - *хлябал* "три", *вецлал* "десять", *даршал* "сто"), сложные (состоящие из двух корней - *хлябцлали* "тридцать", *клидарш* "двести" и т.д.) и составные (состоящие из сочетания простых и сложных числительных - *хлябцланну клира* "тридцать два" и т.д.). Простые числительные оформляются суффиксом *-ал(-л)*: *ав + ал* "четыре", *кле-л* "два" и т.д. Сложные числительные образованы посредством сложения двух корней: *хляб* "три" + *дарш* "сто" > *хлябдарш* "триста" и т.д.

Порядковые числительные образуются посредством сочетания причастия *ибил* "сказанный" или *эсил* "необходимый сказать" с корнем количественных числительных: *цаибил* "первый" при *ца* "один" и *ибил* "сказанный", *цаэсил* "пер-

вый" при ца "один" и эсил "нужный сказать" и т.д. Они изменяются по числам: *цаибил юрт* "первый дом" и *цаибти юртани* "первые дома".

Собирательно-количественные числительные употребляются при счете парных или групповых предметов. Они оформляются специальными классными суффиксами *-бехI* (кл. людей) и *-дехI* (кп. не-людей): *авбехI адамти* "четыре группы людей" (букв. "четверо люди"), *авдехI дабри* "четыре пары обуви" (букв. "четверо обувь"). Существительные, сочетающиеся с собирательно-количественными числительными, стоят в им. падеже мн. числа или же представляют собой особые своеобразные собирательные существительные даргинского языка [Мусаев 1980б:].

Разделительные числительные образуются путем повторения корня: *хIяб-хIяб* или *хIяб-хIябал* "по три", *дарш-дарш* или *дарш-даршал* "по сто" и т.д.

В сочетании с существительными числительные не склоняются. Они склоняются тогда, когда выступают в роли существительного. При склонении простых числительных суффикс *-ал(-л)* в косвенных падежах выпадает и падежные окончания присоединяются непосредственно к корню, ср.: им. п. *хIябал* "три", род. п. *хIяб + ла* "трех", дат. п. *хIяб + лис* "трем" и т.д.

Счет в даргинском языке в отличие от многих родственных языков десятиричный. Поэтому названия круглых десятков в нем образуются путем сочетания корня простых числительных с историческим корнем *-цIа-* (*вецIал* "десять"), ср. *хIябцIали* "тридцать" (*хIяб* "три" + *цIа-ли* "десять").

Местоимение

В даргинском языке выделяются следующие разряды местоимений: личные, указательные, определительные, вопросительные, возвратные, неопределенные и отрицательные.

Указательные местоимения различаются в зависимости от пространственного расположения по отношению к участникам речи того предмета, на который они указывают, ср.: *иш* "этот" (у участников речи), *ил* "этот" (рядом со 2-м лицом), *ит* "тот" (за пределами участников речи); *икI* "то" (выше говорящих), *их* "то" (ниже говорящих).

Аналогичную дифференциацию имеют также определительные местоимения, образованные от указательных при помощи суффикса *-гъуна*, ср.: *ишгъуна* "такой, как это"; *икгъуна* "такой, как то, что выше говорящих"; *ихгъуна* "такой, как то, что ниже говорящих" и т.д.

Вопросительных местоимений, соотнесенных с существительными, только два: *чи?* "кто?", *се* "что?", которые дифференцированы по признаку "люди и не-люди". Имеются еще и другие вопросительные местоимения, соотнесенные с другими частями речи, ср.: *сегъуна?* "какой?", *чина?* "куда?", *чум?* "сколько?". Неопределенные и отрицательные местоимения образуются от вопросительных: первые при помощи частицы *-биалпра* (ср.: *чи-биалпра* "кто-нибудь", *се-биалпра* "что-нибудь" и т.д.); вторые - при помощи частицы *-алпра* (ср. *чилпра* "никто", *селпра* "ничто", *сегъуналпра* "никакой" и т.д.). Местоимениям характерно изменение по классам, числам и по падежам. По классам изменяются отдельные местоимения - возвратное (ср.: *сай* "сам", *сари* "сама", *саби* "само"), определительное (*левилпра* "весь", *лерилпра* "вся", *лебилпра* "все"), собирательно-количественное (*чумбехI* "сколько групп, пар людей", *чумдехI* "сколько групп, пар животных или вещей"), собирательно-порядковое вопросительное (ср.: *чумбехIъибти* "которые" - I и II классы мн. ч., *чумдехIибти* "которые" - III кл. мн. ч.) и все неопределенные, образованные при помощи классных частиц - *биалпра*, *-сабил*, *-сабрил* (ср.: *чи-виалпра* "кто-нибудь" - I кл., *чи-риалпра* - II кл., *се-биалпра* "что-нибудь" - III кл.; *чи-сайрил* "кто-то" - I кл., *чи-саррил* - II кл., *се-сабрил* "что-то" - III кл. и т.д.). Местоимения, изменяющиеся по классам, изменяются и по числам при помощи классно-числового показателя (ср.: *сай* "сам" и *саби* "сами", *сари* "сама" и *саби* "сами", *саби* "само" и *сари* "сами" - III кл. и т.д.). Неклассные местоимения образуют форму мн. числа при помощи суффиксов множественности, ср.: *ну* "я" и *ну+ша* "мы", *хIу* "ты" и *хIу+ша* "вы", *ит* "тот" и *ит+ди* "те", *чи* "кто?" и *чи+хъали* "кто?" (мн. ч.) и т.д.

В отличие от существительных склонение местоимений имеет ряд особенностей:

а) личные местоимения *ну* "я" и *хIу* "ты", а также возвратные местоимения *сай* "сам", *сари* "сама", *саби* "само" и их формы мн. числа *саби* "сами" - I и II кл.;

сари "сами" - III кл. имеют супплетивные косвенные основы, ср.: ген. *дила* "у меня", *х/е/ла* "у тебя", *сунела* "у самого", *чула* "у самих" и т.д.;

б) личные местоимения имеют особое окончание в дательном падеже, ср.: *на-б* "мне", *х/е-д* "тебе", *нуша-б* "нам", *х/уша-б* "вам";

в) в формах косвенных падежей у указательных местоимений отмечается на стыке основы и окончания вставка в виде *-а-* или *-и-*, ср.: им. *ит* "тот", акт.п. *ит+и+ни*, род. п. *ит+а+ла* и т.д.;

г) формы комитатива, инструменталиса, тематива и всех местных падежей у личного местоимения *ну* "я" образуются от формы датива, ср.: дат. *наб* "мне", комит. *наб+чил* "со мной", лат. *наб+чи* "ко мне" и т.д.;

д) у неопределенных и отрицательных местоимений склоняется только часть, стоящая перед частицами, ср.: ном. *чирил* "кто-то", эрг. *чили+рил*, ген. *чила+рил* и т.д.; ном. *чилра* "никто", эрг. *чили-пра*, ген. *чила-пра* и т.д.

Глагол

Глагол характеризуется развитой системой лексико-грамматических и словоизменительных категорий. Ему присущи категории класса, вида, переходности-непереходности, времени, наклонения и лица. Категории вида и переходности-непереходности тесно связаны с лексическим значением слова и поэтому являются в основном классифицирующими. Лишь незначительная часть глаголов образует две противопоставленные по виду и переходности-непереходности формы. Другие категории (класса, числа, времени, наклонения и лица), которые в значительно меньшей мере зависимы от лексического значения конкретного глагола (хотя иногда и здесь возможны исключения), являются словоизменительными.

Каждая из словоизменительных категорий образует сложную парадигму частных словоформ. В результате одна глагольная лексема может реализоваться в речи в невероятно большом количестве словоформ. В отличие от других частей речи даргинский глагол имеет ряд специфических особенностей в морфемной структуре (наличие инфиксов и отрицательных приставок *-х/е*, *ма-*; отсутствие словообразовательных суффиксов; моноконсонантность корня первичных глаголов).

Категория грамматического класса (КГК). Классный глагол принимает соответствующий КП в зависимости от класса слова, с которым он согласуется. КП как и грамматических классов (ГК) в даргинском языке три в сфере ед. числа *в* (I кл.), *р* (II кл.), *б* (III кл.) и два в сфере мн. числа - *б* (I и II кл.) и *д/р* (III кл.). Например, ср.: *урши в-акиб* "мальчик пришел" (I кл.), *рурси р-акиб* "девушка пришла" (II кл.), *унц б-акиб* "бык пришел" (III кл.), *уршиби баклиб* "мальчики пришли" (I кл.), *рурсби баклиб* "девушки пришли" (II кл.) и *унци даклиб* "быки пришли" (III кл.). Как показывают примеры, КП в слове обычно занимают префиксальную позицию. Довольно часто в производных глаголах они могут оказаться и внутри слова, ср.: *гъамвариб* "приблизили" (I кл.), *гъамрариб* (II кл.) и т.д. В следующих четырех глаголах КП занимают постпозицию, ср.: *ле-в* (-р, -б) "есть здесь", *те-в* (-р, -б) "имеется там", *кле-в* (-р, -б) "имеется наверху", *хе-в* (-р, -б) "имеется внизу".

В некоторых производных глаголах может быть представлено одновременно два, три и более (редко) КП, ср.: *рухIнарухъун* "вошла" (II кл.), *гъавваклиб* "показался, вышел" (I кл.), *байгъаббикиб* "пошли поперек" (III кл.) и т.д. Классные непереходные глаголы всегда согласуются с подлежащим, а переходные - с объектом, ср.: *рурси раклиб* "девушка пришла" и *рурсили жуз белчIун* "девушка прочитала книгу".

Категория числа. Глаголы функционируют в двух формах - форме ед. числа и в форме мн. числа. У классных глаголов формы мн. числа образуются при помощи КП, ср.: *унц баклиб* "бык пришел" и *унци даклиб* "быки пришли". Формы мн. числа глаголов выражаются и при помощи специальных суффиксированных показателей мн. числа -а, -я, -ая, -ра, -рая, ср.: *каса* "бери", *кася* "берите"; *белкIен* "напиши" - *белкIена/белкIеная* "напишите"; *бати* "оставь" - *бати-ра/батирая* "оставьте".

В классных глаголах мн. число выражается дважды: при помощи КП и при помощи окончаний мн. числа, ср.: *ваши* "иди" - *дашира* "идите", *ручIен* "читай" - *дучIеная* "читайте" и т.д. Классный переходный глагол одновременно в числе согласуется с подлежащим и с объектом. При помощи КП он согласуется с объектом, а при помощи окончания - с подлежащим, ср.: *хIуни жуз балчIунри*

"ты прочитал книгу", *хлушани жуз белчулунрая* "вы прочитали книгу", *хлушани жузи делчулунрая* "вы прочитали книги" и т.д.

Категория переходности-непереходности. Когда некоторые переходные глаголы употребляются в переходном значении, для выражения самопроизвольно происходящих действий, категория залога выступает как сугубо словоизменительная категория, поскольку в обоих случаях формы таких глаголов различаются ср.: *нешли кьац! буц!а* "мама испечет хлеб" и *иш карилаб кьац! жявли буц!ар* "в этой печке хлеб быстрее испечется" и т.д.

Категория вида. Противопоставление форм совершенного и несовершенного вида проходит через всю систему глагола. В плане выражения видовые пары различаются: а) чередованием гласных основы (а-и, у: *бабгес* "запрячь" - *бубгес* "запрягать", *арзес* "решить" - *ирзес* "решать", *баргес* "найти" - *бургес* "находить"; е-у: *бeбк!ес* "умереть" - *бубк!ес* "умирать"); б) появлением инфикса в форме несовершенного вида: *батес* "оставить" - *балтес* "оставлять", *биц!ес* "наполнить" - *бирц!ес* "наполнять"; в) выпадением КП в форме несовершенного вида: *биршес* "сжать" - *иршес* "жать"; *белк!ес* "написать" - *лук!ес* "писать"; *бирбес* "сшить" - *ибес* "шить"; г) чередованием гласных и выпадением или окаменением КП: *берцес* "спастись" - *уцес* "спасаться"; *берхъес* "покрасить" - *рурхъес* "красить". Видовая оппозиция достигается и при помощи различных дополнительных посткорневых морфем, ср.: *касиб* "взял" - *кайси* "брал", *балца* "вспашет" - *балцан* "будут пахать", *буца* "держи" - *бурцен* "лови", *айзи* "встань" - *алзен* "вставай" и т.д.

Далеко не все глаголы образуют видовые пары. По своим семантическим и формальным причинам ряд глаголов стоит вне видовых пар. Выделяются одновидовые и двувидовые глаголы. К одновидовым глаголам несовершенного вида можно отнести такие глаголы состояния, как: *изес* "болеть", *рурц!ес* "ныть", *дигес* "любить" и т.д. В значении несовершенного вида всегда употребляются глаголы: *узес* "работать", *бук!ес* "течь", *ухес* "блестеть", *умх!ес* "играть", *булхъес* "танцевать", *ургъес* "бороться" и т.д.

Одновидовыми глаголами совершенного вида являются глаголы *букъес* "пойти", *вак!ес* "придти", *эс* "сказать" и т.д. К двувидовым можно отнести глаголы *бурес* "сказать" и "говорить", *укес* "кушать" и "покушать", *ужес* "пить" и "на-

питься", *умц/ес* "искать" и "обыскать". Данные глаголы являются двувидовыми частично, ибо они в других формах (не инфинитивных) образуют видовые пары, ср.: *буриб* "сказал" и *бури* "говорил", *укун* "поел" и *уки* "ел" и т.д.

Категория наклонения. Выделяется девять наклонений: желательное, повелительное, допускаемо-желательное, изъявительное, сослагательное, предположительное, условное, условно-предположительное, уступительное. Однако следует отметить, что в даргинском языке разные исследователи выделяют разное количество наклонений [см.: Мусаев: 50-55]. Каждое наклонение, помимо своей специальной формы, характеризуется также своими грамматическими и семантическими особенностями. Формальные показатели наклонений довольно своеобразны. Одни, кроме значения модальности, совмещают и значение времени (показатели изъявительного наклонения); другие имеют значение лишь одной категории наклонения (показатели желательного и предположительного наклонений); третьи - употребляются только в сочетании с маркерами других категорий (показатели императива употребляются всегда в сочетании с показателями числа). Кроме того, у ряда наклонений показатели являются сложными многоморфными, но едиными гибридными (условное, уступительное и сослагательное наклонения).

Желательное наклонение выражает такое действие, которое говорящий хотел бы, чтобы оно осуществилось или не осуществилось. В плане выражения желательное наклонение представляет собой первичную основу с нулевым показателем в парадигме глагола, ср.: первичная основа *вак/* (*вак/ес*) "прийти", желат. накл. *вак/* (*x/у арали вак/* "чтоб ты здоровым вернулся", повел. накл. *вак/-и* "приходи", изъяв. накл. *вак/-уб* "пришел" и т.д. Желательное наклонение образуют только формы глагола совершенного вида. Формы несовершенного вида, вспомогательные глаголы (*сай/сари/саби* "есть", *ах/ен* "нет", *агара* "нет") и простые глаголы, начинающие с корневого согласного *гес* "дать", *хес* "принести", *кес* "привести", *ьэс* "сказать" не образуют желательное наклонение. Желательное наклонение индифферентно к категориям времени и лица. Форма желательного наклонения примечательна тем, что она обладает способностью склоняться как имя, ср.: ном. *вебк/* "чтоб он умер"; эрг. *вебк/-ли*; ген. *вебк/-ла*; дат.п. *вебк/-лис* и т.д.

Повелительное наклонение выражает побуждение к действию (просьбу, приказ), для чего употребляется специальная форма, маркированная морфемами -а(-я)-и, -ен, которые присоединяются к первичной основе, ср.: *вак/и* "приходи", *бух-а* "отнеси", *белк/и-ен* "напиши" и т.д. После увулярных и фарингальных выступает -я, фонетический вариант морфемы -а, ср.: *бяхъ-я* "бей", *бурз/и-я* "сломай", *бурх/и-я* "вонзи" и т.д. При помощи -а образуется повелительное наклонение в основном у переходных, а при помощи -и у непереходных глаголов, ср.: *буц-а* "держи", *вак/и* "приходи", *кас-а* "возьми", *тлашиз-и* "стой" и т.д.

Для выражения повеления воздействовать на самого говорящего употребляется особая форма на -аба, ср. *х/уни ну ват-аба* "ты оставь меня" и т.д. Повелительное наклонение имеет формы ед. и мн. чисел. Мн. число образуется при помощи морфем -а(-я, -ая), -ра(-рая), которые присоединяются к форме ед. числа, ср.: *биха* "давай" (ед.ч.) - *биха-я* "давайте" (мн.ч.), *белк/ен* "напиши" (ед.ч.) - *белк/ен-а/белк/ен-ая* (мн.ч.) "напишите", *айзи* "встань" (ед.ч.) - *айзи-ра/айзи-рая* "встаньте" и т.д.

Повелительное наклонение сопровождается иногда частицами -гу, *гъари*, *гъари*, *вари*, придающими дополнительные оттенки значения, усиливая или смягчая побуждение, ср.: *вари*, *укъен* "обязательно сходи!", *вашигу*, *гъари* "ну, иди же!" и т.д.

Повелительное чаще, чем другие употребляется в значении изъявительного и желательного наклонений, ср. *Ма*, *илх/ели* *ил вебши*, *ну г/ергъиухъен* букв. "тогда он возьми и убеги, а я за ним побеги", т.е. "тогда он убежал, а я за ним погнался"; *вебк/и* букв. "умри", т.е. "чтоб ты умер".

Допускаемо-желательное наклонение. В семантическом отношении близко к повелительному и желательному. Но от них заметно отличается в плане выражения благодаря специальному показателю -аб, ср.: "чтобы ты пришел" (жел. накл.) *вак/и* "приходи" (пов. накл.) и *вак/аб* "пусть он придет" (допуск.-жел. накл.).

В силу недостаточной четкости основного значения данная глагольная форма не получила еще однозначной лингвистической квалификации [см.: Мусаев: 62-63]. Но тем не менее подробный анализ материала позволяет заключить, что глагольные формы на -аб (3 кл.) в основном выражают позволе-

ние, т.е. говорящий не против, более того, он как бы еще внутренне желает, чтобы действие совершилось, допускает, разрешает совершение этого действия.

Допускательно-желательное наклонение изменяется по лицам и представляет собой конъюгационную форму, в которой налицо результаты смешения двух исторически самостоятельно существовавших парадигм, ср.:

1 л.	<i>ваkлас</i>	<i>ваkлаба</i>	"пусть я приду"
2 л.	<i>ваkлад</i>	<i>ваkлаби</i>	"пусть ты придешь"
3 л.	<i>ваkлаб</i>	<i>ваkлаб</i>	"пусть он придет"

Изъявительное наклонение. Действие, выражаемое изъявительным наклонением, реально, и поэтому оно воспринимается как факт совершения или несовершения действия во временном восприятии. Изъявительное наклонение не имеет специальных показателей. В плане выражения оно противопоставляется другим наклонениям при помощи полифункциональных морфем, совмещающих значение времени, наклонения, иногда даже и лица. Многочисленные формы изъявительного наклонения, реализуемые в формах времени и лица, будут подробно описаны ниже, при рассмотрении категории времени и лица.

Условное наклонение выражает действие, которое должно послужить условием для реализации другого действия. Формой условного наклонения является специальное глагольное образование, представляющее собой форму допускаемо-желательного наклонения в сочетании с наречным суффиксом *-ли*, ср.: *ваkлас+ли* "если приду", *ваkлал+ли* (<*ваkлаб+ли*) "если придет".

Условное наклонение изменяется по лицам и числам, имеет также формы времени, ср.: *лук/а-с-ли* "если пишу" (1 л., ед.ч., наст. вр.), *лук/а-д-ли* (2 л., ед.ч., наст. вр.), *лук/ал-ли* (3 л. ед.ч., наст. вр.); *лук/а-х/ел-ли* (1 л., мн.ч., наст. вр.), *лук/а-д-а-лли* (2 л., мн. ч., наст. вр.), *лук/ал-ли* (3 л. мн. ч., наст. вр.); *белк/а-с-ли* "если напишу" (1 л., ед. ч., буд. вр.), *белк/е-х/е-лли* "если напишем" (1 л., мн. ч., буд. вр.).

Условное наклонение обычно употребляется в роли сказуемого условного придаточного предложения, ср.: *ну ваkласли, итра лявкъян* "если я приду, и он придет". Хотя и редко, встречаются и другие случаи, ср.: *ил итира аркьюли виалли?! "ведь он и так туда идет?!"* и т.д.

По отдельным признакам условное наклонение примыкает к деепричастиям (оформляется суффиксом деепричастия; обозначает добавочное действие; связывает придаточное предложение с главным, выполняя функцию союзного слова).

Условно-предположительное наклонение обозначает действие, которое могло быть условием для другого действия. Если условное наклонение выражает необходимое реальное условие, то условно-предполагаемое наклонение выражает предполагаемое условие, ср.: *ну, вак/асли, х/ура лявкъяд* "если я приду", и ты придешь" и *ну вак/аслири, х/ура лявкъяди* "если бы я пришел, и ты пришел бы".

Форма условно-предположительного наклонения представляет собой форму условного наклонения в сочетании с морфемой *-ри*, представляющей собой исторический вспомогательный глагол прошедшего времени, *вак/асли+ри* букв. "если пришел был", т.е. "пришел бы". Довольно часто условно-предположительное наклонение употребляется и в стяженной форме без наречного суффикса *-ли* в виде *вак/ас+ри* "если пришел бы". Условно-предположительное наклонение изменяется по лицам и числам, ср.: *вак/а-слири* "если пришел бы" (1 л. ед. ч.) и *дакле-х/е-лри* (1 л. мн.ч.), *вак/а-д-лири* (2 л. ед. ч.) и т.д.

Условно-предположительное наклонение безотносительно ко времени и оно, как правило, функционирует в придаточной части сложноподчиненного предложения, выполняя роль сказуемого и союзного слова. Форма условно-предположительного по ряду признаков как и форма условного наклонения примыкает к деепричастным образованиям.

Предположительное наклонение выражает действие, совершение которого предполагается в прошедшем или будущем времени. В плане выражения предположительное наклонение определяется специальным маркером *-ес/-иш-*, ср.: *белики, итра вак/ес* "может, и он придет", *белики, нура вак/иш-а* "может, и я приду", *белики, итра вак/иш-и* "может, и он пришел бы" и т.д.

Предположительное наклонение имеет личные, числовые и временные формы. По лицам изменяется только форма будущего времени, ср.: *вик/иш-а* "может, приду" (1 л. буд. вр.), *вак/иш-и* (2 л. ед.ч. буд. вр.), *дак/иш-а* (2 л. мн.ч.

буд. вр.) и т.д. Форма прошедшего времени одна и та же для всех лиц: *вак/и-ши* "пришел бы" (1,2,3 лица), но классные глаголы могут иметь классно-числовые выражения при помощи классного показателя, ср.: *вак/и-ши-и* (I кл. ед.ч.), *дак/и-ши-и* (I кл. мн.ч., 1-2 л.) и *бак/и-иш-и* (I-II кл. мн.ч. 3 л.) и т.д.

Большей частью предположительное наклонение функционирует в главном предложении сложноподчиненного предложения, где в роли придаточной части выступает условное придаточное предложение. Не исключены и другие случаи употребления предположительного наклонения, ср.: *рахли багыиши х/уни!* "вдруг узнаешь ты!" и т.д.

Уступительное наклонение выражает действие, указывающее на такое условие, вопреки которому допускается осуществление или неосуществление другого действия, ср.: *забли ургьаллира, ну жягял шагьарлизи аркьяс* "если даже дождь будет идти, я завтра в город поеду".

Уступительное наклонение употребляется и в ряде других значений, ср.: *чи цугикалра, салам луген* "кого бы ты ни встречал, здоровайся", *чи вахъх/и калалра, илини дахъал чеди* "кто много проживет, тот много увидит" и т.д. Форма уступительного наклонения представляет собой форму условного наклонения в сочетании с аффиксом *-ра*, ср.: *вак/асли+ра* "если даже приду". Однако в языке чаще употребляется ее стяженный вариант без морфемы *-ли*, ср.: *вак/асра* (<*вак/ас-ли-ра*) "если даже приду".

Уступительное наклонение изменяется по лицам и числам, ср. *вак/а-с-лира* (1 л. ед.ч.) "если даже приду", *дак/е-х/и-е-ллира* (2 л. мн.ч.), *вак/а-д-лира* (2 л. ед.ч.), *дак/а-д-а-ллира* (2 л. мн. ч.) и т.д. Уступительное наклонение, как правило, функционирует в составе уступительного придаточного предложения, где оно выполняет роль союзного слова и сказуемого.

Сослагательное наклонение обозначает действие, которое могло бы совершиться или не совершиться при определенных условиях, ср.: *дудеш вак/ибси виалри, х/ура т/алалабиради* "если отец пришедший был бы, и тебя позвали бы".

Сослагательное наклонение обычно употребляется в сопровождении условного или изредка уступительного оборота, ср.: *багьурли хьаллира, х/якьяси* "не пришел бы, если даже знал бы" и т.д.

У большинства глаголов форма сослагательного наклонения совпадает с формой прошедшего времени несовершенного вида изъявительного наклонения, ср.: *ил вахъхи лукли* "он долго писал" (изъяв. накл.) и *бурибси биалри, илинира лукли* "если бы сказали, и он написал бы" (сослаг. накл.). Однако у ряда глаголов (особенно неправильных) наблюдаются специальные формы сослагательного наклонения, которые не совпадают ни с одной другой формой, ср.: *лявкъяси* "пришел бы" (1 л. ед. ч.) при *вашаси* "приходил и приходил бы" (1 л. ед. ч.), *лявкъяди* (2 л. ед. ч.) при *вашади* (2 л. ед. ч.) и т.д. Сослагательное наклонение изменяется, как видно из приведенных примеров, по лицам и числам.

Категория времени

Категория времени в даргинском языке свойственна изъявительному, частично предположительному и условному наклонениям. В изъявительном наклонении представлено шесть и по две временных форм - в условном и предположительном, образующиеся синтетическими и аналитическими способами.

Система прошедших времен

Систему прошедших времен составляют аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект, прошедшее предположительное и прошедшее условное.

Аорист, который в плане выражения маркируется показателями *-иб* (*буц-иб* "поймал"), *-ун* (*белк-ун* "написал"), *-ур* (*бат-ур* "оставил"), *-уб* (*ак-уб* "родился"), выражает действие, уже завершённое к моменту речи без соотнесенности этого действия к какому-либо определенному отрезку времени в прошлом.

Имперфект, обозначающий незавершённое действие, совершившееся до момента речи, оформляется при помощи суффикса *-и*, который присоединяется к первичной основе глагола несовершенного вида, ср.: *ваш-и* "приходил" (при *ваш-ес* "приходить"), *лук-и* "писал" (при *лук-ес* "писать"), *буц-и* "ловил" (при *буц-ес* "ловить и буц-ес "поймать") и т.д.

Перфект представляет собой аналитическое глагольное образование, состоящее из деепричастия прошедшего времени совершенного вида и связи в форме настоящего времени и выражающее действие, имевшее место до мо-

мента речи и оставившее в момент речи определенный результат, ср.: *вакӀула* букв. "придя есть", т.е. "вот я уже пришел". Перфект в речи реализуется как в аналитической, так и в синтетической форме, ср.: *белкӀула* и *белкӀи сайра* "написав есть", т.е. "написал, вот уже написал". Формы первого и второго лиц могут быть синтетическими и аналитическими, а третьего - только аналитическими, ср.: *белкӀула* и *белкӀи сайра* (1 л. ед.ч.), *белкӀури* и *белкӀи сайри* (2 л. ед.ч.), *белкӀи сай* (3 л. ед.ч.).

Плюсквамперфект выражает действие, имевшее место до совершения другого действия или к определенному моменту в прошлом, ср.: *хӀуша дакӀибхӀели*, *неш русулри* "когда вы пришли, мама спала", *итхӀели неш русулри* "тогда мама спала".

Плюсквамперфект функционирует в двух видовых формах, ср.: *итхӀели нуни жуз белкӀури* "тогда (к тому моменту) я книгу прочитал", букв. "прочитав была мною книга" и *итхӀели ну жузли учӀулри* букв. "тогда я книгу читая был", т.е. "тогда я книгу читал" и т.д.

Форма плюсквамперфекта представляет собой сочетание деепричастия прошедшего времени и связки прошедшего времени, ср.: *учӀули сайри* букв. "читая был", т.е. "читал". Однако же в современном языке плюсквамперфект функционирует в основном в синтетической форме, возникшей из аналитической в результате стяжения (ср.: *учӀулри* < *учӀули сайри*). [Подробно об этом см.: Мусаев 1983: 28-31].

Прошедшее предположительное выражает действие, которое, возможно, произошло бы в прошлом при наличии определенных условий, но осталось нереализованным в силу отсутствия таких условий, ср.: *багӀурли виасри*, *белики*, *нура вакӀиши* "если бы узнал, может, и я пришел бы". Прошедшее предположительное имеет видовые формы, ср.: *батиши* "может оставил бы" и *балтиши* "может, оставлял бы". Прошедшее предположительное маркируется гибридной видовременной морфемой *-иши*, который присоединяется к первичной глагольной основе, ср.: *белкӀ-иши* "написал бы" (при *белкӀ-ес* "написать", *белкӀ-ен* "напиши" и т.д.). Форма предположительного прошлого изначально являлась аналитической, состоящей из глагольной формы, идентичной нынеш-

нему инфинитиву и первичной связки прошедшего времени, ср.: *бабес+ри* > *баклеси* > *баклиши* "может, пришли бы" и т.д.

Условное прошедшее обозначает действие, которое послужило бы в прошлом условием для другого действия, ср.: *неш рисалри, уршира висусури* "если мать плакала и ребенок плакал" и т.д. Условное прошедшее выступает в двух видовых формах: в форме совершенного и несовершенного видов, ср.: *нуни кагъар белкласри, итинира лукли* "если бы я письмо написал и он написал бы" (сов. вид) и *ну лукласри, итра лукли* "если я писал, и он писал".

Условное прошедшее имеет личные и числовые формы, ср.: *ваша-с-ри* "если я ходил" и *даша-хI-е-при* "если мы ходили"; *ваша-д-ри* "если ты ходил" и *даша-д-а-при* "если вы ходили" и т.д. Форма условного прошедшего образуется от формы будущего условного при помощи аффикса *-ри*, ср.: *бакIалли* "если придут" и *бакIалли+ри* > *бакIаллири* "если они приходили". В речи данная форма употребляется и в упрощенном виде с выпадением морфемы *-ли-*, ср.: *бакIаллири* и *бакалри*.

Настоящее время выражает действие, происходящее в момент речи: *ну луклулра* "я пишу". Словоформа настоящего времени структурно представляет собой сочетание деепричастия несовершенного вида со связкой *сай* "есть" (*учлули сай* букв. "читая есть"), которая изменяется по лицам и числам и которая в первом и во втором лицах, как правило, функционирует в стяженной синтетической форме, ср.: *луклулра* (< *луклули сайра*) "пишу", *луклулри* (< *луклулри сайри*) и *луклулра-я* (< *луклули саррая*) "пишите", *луклули сай* "пишет" и *луклули саби* "пишут".

Форма настоящего времени переносно употребляется иногда в значениях прошедшего и будущего времен, а также может обозначать постоянно происходящее действие, ср.: *ну ишав хIерирулра* "я здесь живу".

Система будущих времен

Отмечаются будущее изъявительное, будущее предположительное и будущее условное. Будущее изъявительное выражает действие, следующее за

моментами речи, ср.: *хлянци жажял таманбирус* "работу закончу завтра". Форма будущего индикативного образуется при помощи специальных лично-временных показателей, примыкающих к основе глагола несовершенного вида, ср.: *лукI-а+с* "напишу", *лукI-а+д* "напишешь", *лукI-а-Ø* "напишет". У будущего индикативного большей частью не отмечаются дифференцированные формы совершенного и несовершенного видов. Но в ряде случаев у отдельных глаголов наблюдаются подобные формы, противопоставление которых достигнуто при помощи разных средств, ср.: *вашус* "буду ходить" и *лявкьяс* "приду", *бихис* "буду носить" и *лебхис* "принесу", *иршис* "сожну" и *иршус* "буду жать" и т.д.

Форма третьего лица будущего индикативного образуется от первичной основы несовершенного вида при помощи суффиксов *-а*, *-ар*, *-ан*; *-у*, *-ур*, употребление которых обусловлено семантикой и фонетической особенностью глагола. Так, например, *-а*, *-у* отмечаются у переходных, а *-ар*, *ан*, *-ур* - у непереходных глаголов, ср.: *бучI-а* "прочтет", *бирцI-у* "наполнить", *узар* "будет работать", *улхъан* "будет танцевать", *бицIур* "растет" и т.д. В первом и втором лицах представлены личные и числовые показатели, которые присоединяются к форме третьего лица, маркированного нулевым показателем, ср.: 1 л. *лукIа-с* "напишу", 2 л. *лукIа-д*, 3 л. *лукIа-Ø* и 1 л. мн. ч. *лукIе-хI-е*, 2 л. мн. ч. *лукIа-д-а(я)*, 3 л. мн. ч. *лукIа-Ø*.

Будущее предположительное обозначает действие, которое, возможно, совершится в будущем при определенных условиях, ср.: *буралли*, *белики*, *нура*, *вакIиша* "если скажут, может, и я приду". Однако при этом, будущее предположительное может быть употреблено и без упоминания условий, ср.: *белкIиши*, *гъатIи*, *се къалабадеша?* "может, напишешь, зачем такая спешка?". *ХIейкиши*, *гъатIи*, *дила някъбази!* "может, попадешься в мои руки!".

Данная временная форма изменяется по лицам, числам и имеет видовое противопоставление, ср.: *вакI-иш-а* "может, приду" (1 л. ед. ч.), *вакI-иш-и* (2 л. ед. ч.), *дакI-иш-а* (2 л. мн. ч.), *вакI-ес* (3 л. ед. ч.) и *бакI-ес* (3 л. мн. ч.); *ваш-иш-а* "может, буду ходить", *ваш-иш-и* "может, будешь ходить" и т.д.

Будущее предположительное возникло путем сочетания нынешней инфинитивной (и долженствовательной) формы с первичной связкой в форме настоящего времени, ср.: *белкI-иш-а* (< *белкI-уса* < *белкI-ес-ра* букв. "написать есмь",

т.е. "может быть, напишу"). Форма третьего лица в отличие от первого и второго лиц не имеет лично-временных показателей и совпадает с формой инфинитива.

Будущее условное выражает действие, которое послужит условием для совершения в будущем другого действия, ср.: *батасли* "если оставляю", *батадли* "если оставишь" и *баталли* "если оставить".

Маркируется будущее условное гибридными морфемами *-асли* (1 л. ед. ч.) - *-адли* (2 л. ед. ч.), *-алли* (3 л. ед. и мн. ч.), *-ахӀелли* (1 л. мн. ч.), *-адалли* (2 л. мн. ч.), представляющим собой сочетание допускаемо-желательного наклонения и наречного суффикса *-ли*.

Категория лица. В отличие от ряда дагестанских языков глагол в даргинском языке изменяется по лицам. Выделяются три личных форм (первого, второго и третьего), которые выражаются специальными личными окончаниями. Отмечается два типа личных окончаний. К первому типу относятся окончания в виде согласных (*с/х/* - 1 л., *-д* - 2 л.), а ко второму - в виде гласных (*-а* - 1 л., *-и* - 2 л.), которые иногда сочетаются с *-р*. Окончания первого типа представлены в формах будущего индикативного, допускаемо-желательного, условного, уступительного и имперфекта (см. выше), а второго типа - в формах настоящего индикативного, перфекта и будущего предположительного. Об этом подробно см. [Мусаев 1980: 35-55]. Материально выраженные личные флексии отмечаются в формах первого и второго лиц. Форма третьего лица маркируется нулевым окончанием и в ряде глагольных категорий выступает в виде аналитической формы, ср.: 1 л. *лукӀа-с* "напишу", 2 л. - *лукӀа-д*, 3 л. - *лукӀа-Ø*, 1 л. - *лукӀул-ра*, 2 л. - *лукӀул-ри*, 3 л. - *лукӀула сай* и т.д.

Система форм отглагольных образований

Состав форм отглагольных образований представляют каузативные, отрицательные и вопросительные, а также такие нефинитные формы, как инфинитив, масдар, причастие и деепричастие.

Каузативная форма выражает действие, которое выполняется не самим субъектом глагола, а посредством другого лица, ср.: *тухтурли рурсилизи дарман бержахъиб* "врач заставил девушку выпить лекарство". Каузативные формы образуются почти от всех глаголов при помощи суффикса -ахъ, присоединяющегося к корню первичного глагола, ср.: *белкI-ес* "написать" и *белкI-ахъ-ес* "заставить написать"; *буц-ес* "поймать" и *буц-ахъ-ес* "заставить поймать" и т.д. Непереходный глагол в форме каузатива становится переходным, а переходный, оставаясь в ранге переходного, создает особую каузативную конструкцию предложения. Каузативная форма сохраняет все словоизменительные и другие грамматические особенности глагола.

Отрицательная форма присуща почти всем глаголам и образуется она двумя способами: при помощи отрицательных частиц-приставок *хIе(хIя-)*, *ма-(ме-)* и при помощи отрицательного вспомогательного глагола *ахIен* "нет", "не есть". Отрицательные частицы-приставки препозитивно присоединяются непосредственно к первичной основе глагола, ср.: *бат-ур* "оставил" и *хIебат-ур* "не оставил", *бат-аб* "пусть оставит" и *мабат-аб* "пусть не оставит". В производных при помощи приставок глаголах отрицательные частицы располагаются между приставкой и первичной основой, ср.: *чеббелкIес* "переписать" и *чебхIебелкIес* "не переписать". Употребление отрицательных частиц *хIе-(хIя-)* или *ма-(ме-)* обусловлено природой наклонений. Частица *ма-(ме-)* употребляется в повелительном, желательном и допускаемо-желательном наклонении, а в остальных наклонениях употребляется *хIе-(хIя-)*, ср.: *бара* "делай" и *мабирад* "не делай", *ракI* "чтоб она пришла" и *маракI* "чтоб она не пришла"; *ракIаб* "пусть придет" и *маракIаб* "пусть не придет"; *батур* "оставил" и *хIебатур* "не оставил", *балта* "оставит" и *хIебалта* "не оставит" и т.д. Обращает на себя внимание отрицательная форма повелительного наклонения, которая в отличие от отрицательных форм других наклонений не равняется сочетанию положительной формы с препозитивной отрицательной частицей, а представляет собой сочетание формы 2 л. будущего времени индикатива с отрицательной частицей, ср.: *бати* "оставь" и *мабалтад* "не оставляй" (где -ма отриц. част.) и *балтад* "оставишь, будешь оставлять". Видимо, данный случай подтверждает отмечаемая во мно-

гих языках различных типов такое универсальное явление, как семантическая самостоятельность "отрицательного императива" [Плунгян, с. 319].

Отрицательные формы при помощи же вспомогательного глагола *ах/ен* "нет, не есть" образуются у аналитических форм, ср.: *лук/ули сай* букв. "записывающая есть, имеется", т.е. "пишет" и *лук/ули ах/ен* букв. "записывающая нет, не есть", т.е. "не пишет". Отрицательные формы не образуются только у неправильных глаголов *леб* (*клеб, хеб, теб*) "имеется", *агара* "отсутствует, нет", *сай* "есть, является".

Вопросительная форма образуется при помощи вопросительных частиц - *у(-в)*, -*ара*, *а-*, присоединенных к любой форме глагола, ср.: *вак/иб* "пришел" и *вак/ибу?* "пришел?", *лук/а* "напишет" и *лук/ав?* "напишет?", *вак/алли* "если придет" и *вак/аллив?* "если придет?", *вак/аб* "пусть придет" и *вак/абу?* "пусть придет?", *вак/ибара?* "пришел ли?", *бухиб* "отнес" и *чина бухиба?* "куда отнес?". От аналитических форм, как правило, образуется синтетическая вопросительная форма путем опущения связки и присоединения вопросительной частицы к основной части, ср.: *лук/ули сай* "пишет" и *лук/улив* "пишет?", *лук/улира* "пишет ли?". В тех или иных ситуациях допускается создание вопросительной формы и от аналитических образований, ср.: *вак/или саю?* букв. "придя есть", т.е. "пришел".

Инфинитив выражает действие или процессуальное состояние без указания на лицо, время и его отношение к действительности, ср.: *батес* "оставить", *усес* "спать" и т.д. В форме инфинитива выражается вид и переходность, сохраняется управление именем, свойственным другим формам глагола, и классное согласование с субъектом или объектом. Инфинитив образуется от первичной глагольной основы при помощи суффикса -*эс* (орфограф. -*ес*), ср.: *гъайэс* "поговорить", *лук/ес* "писать" и т.д. Формы инфинитива не имеют лишь вспомогательные глаголы *леб* (*клеб, хеб, теб*) "есть, имеется", *саби* "есть, является", *ах/ен* "нет, не является". Кроме своего основного значения - названия действия, инфинитив имеет значение цепи (*уч/ес арякюн* "поехал учиться"), в предложении выступает в роли объекта, дополнения, обстоятельства, подлежащего и основной частью составного сказуемого.

Масдар - это нефинитная форма глагола, обозначающая наименование действия и обладающая признаками имени и глагола. Масдар маркируется показателем *-ни*, присоединяемым к первичной глагольной основе, ср.: *вак1-ни* букв. "прихождение", *белк1-ни* "написание" и т.д. Масдару присущи такие признаки глагола, как признаки вида, переходности-непереходности, синтаксической связи управления имени и способности изменяется по классам и числам, ср.: *белк1ни* "написание" - сов. вид: *лук1ни* букв. "писание" - несов. вид; *дудеш вак1ни*, букв. "прихождение" ("приход") отца - неперех.; *дудешли жуз белч1ни* букв. "отец книга чтение", т.е. "чтение книги отцом" и т.д. с существительными масдары объединяет способность склоняться, ср.: ном. *вак1ни* "приход", эрг. *вак1нили*, ген. *вак1нила*, дат. *вак1нилис* и т.д. Образование масдара чрезвычайно однотипно. Он образуется регулярно от всех глаголов, даже от неправильных вспомогательных глаголов, ср.: *сай* "является, есть" - *сайни*; *леб* "имеется" - *лебни* "имение", *агара* "нет, не имеется" - *агни* "отсутствие, не имение".

Причастие - нефинитная форма глагола, обладающая свойствами глагола и прилагательного. Категориальным значением причастия является обозначение признака предмета по его действию или по тому действию, которое он испытывает на себе со стороны другого предмета, ср.: *вак1ибси урши* "пришедший мальчик" и *уршили буч1уси* жуз "мальчиком читаемая книга" и т.д. Причастие сохраняет такие признаки глагола, как признак вида (ср.: *батурси* "оставленный" и *балтуси* "оставляемый"), времени (*вак1ибси* "пришедший", *лявк1уси* "идуший", *вак1еси* "который должен придти"), переходности-непереходности (*вак1ибси урши* "пришедший мальчик" и жуз *буч1уси урши* "книгу читающий мальчик"), способность управлять именами и согласоваться с ними в классе и числе *вак1ибси* "пришедший", *рак1ибси* "пришедшая", *бак1ибси* "пришедшее", *бак1ибти* "пришедшие", *столличи кабихьибси* "на стол положивший", *столличибад кабикибси* "упавший со стола" и т.д.), способность сочетаться с наречиями (*къалабали вак1ибси* "быстро пришедший"). Причастие обладает такими признаками прилагательного, как способность отвечать на вопрос прилагательного *сегъуна?* "какой?", выполнять функции определения в предложении (ср.: *Берх1или ванабарибси ванза гавбик1улри* "От согретой солнцем земли шел пар") имеет краткую и полную формы (ср. *вак1ибси ах1ял* и *вак1иб ах1ял* "при-

шедший гость". Причастия образуются присоединением суффиксов прилагательного *-си* (ед. ч.), *-ти* (мн.ч.), *-ан* (*-ян*, *-ен*) к различным временным формам и основам глагола, ср.: *белкун* "написал" и *белкун-си* "написанное", *луклу-пра* "пишу" и *луклу-си* "пишущий" и т.д.

Деепричастие - нефинитная форма глагола, обозначающая действие или состояние как признак другого действия или состояния, ср.: *иша хлериклули гъайиклен* "разговаривай, глядя сюда", *учлули кайили сай* "читая, сидит" и т.д. Деепричастие совмещает ряд признаков наречия и глагола. По значению различаются деепричастия образа действия (*тияхлуклули арякун* "ушел, подпрыгивая"), места (*бузуйхлиб* "там, где работают"), времени (*бузухлели* "когда работали"), уступительные (*бузукъи* "хотя работали"), цели (*бузесли* "с тем, чтобы поработали"), меры и степени (*дигуцад* "столько, сколько хочет") и сравнения (*балухлеливан* "так, как будто знает"). Образуются деепричастия путем соединения ряда специфических суффиксов (*-ли*, *-на*, *-хли*, *-хлели*, *-къи*, *-цад*, *-хлеливан*) к различным основам глагола.

Наречие

Наречие даргинского языка является морфологически оформленной частью речи, значение которой в плане выражения передается при помощи лексем, большинство которых содержат суффиксы *-ли*, *-хлели*, *-на*, *-найчи* и т.д., ср.: *бархли* "прямо", *ахъли* "высоко", *гъамли* "близко", *итхлели* "тогда", *авна* "четырежды" и т.д.

Неизменяемость нельзя назвать характерным признаком наречия даргинского языка, так как целый ряд наречий изменяется по классам и числам, а также дифференцирует локативную, эссивную, аллативную и аблативную формы, ср.: *ита* "туда", *итаб* "там", *итабяхли* "в ту сторону", *итабад* "оттуда", *вахъхли* - I кл. / *рахъхли* - II кл. / *бахъхли* - III кл. / *дахъхли* - мн. ч. III кл. / *бахъхли* - мн.ч. I и II кл. "долго". Подобные наречия в классе и в числе согласуются, ориентируясь на класс и число подлежащего или объекта (прямого дополнения). Наречия обозначают признак действия, качества и редко предмета (ср.: *жагали луклес* "красиво писать", *дебали жагаси* "очень красивый", *урга хъали* "средняя комната" (букв. "в середину комната" и т.д.) и в предложении выполняют функции

обстоятельства или определения, а в некоторых случаях выступают в роли основной части составного сказуемого (*дураб ванали саби* "на улице тепло", букв. "тепло есть").

По значению различаются наречия:

а) места (*гьалаб* "впереди", *бухІнаб* "внутри", *ахълиб* "на высоте", *бухІнабад* "изнутри", *дурабяхІ* "наружу, в сторону изнутри", *гъамли* "близко", *гъарахъли* "далеко" и т.д.);

б) времени (*даг* "вчера", *дуги* "ночью", *хІерели* "днем", *савли* "утром", *къанни* "поздно", *жявли* "рано" и т.д.);

в) образа действия (ср.: *багълали* "медленно", *сагали* "заново", *балкІли* "криво", *гъамадли* "легко", *къиянни* "трудно", *дуцІли* "бегом", *хъярхъли* "быстро" и т.д.);

г) причины и цели (ср.: *иткъи* "просто так", *дугІли* "зря", *хІязлис* "ради забавы", *гІябас* "напрасно", *зягІилли* "из-за того, что больно, заболел", *бугІярли* "холодно, из-за того, что холодно" и т.д.);

д) меры и количества (ср.: *дебали* "очень", *бара-бара* "чуть-чуть", *лебгІлеб* "слишком", *кІина* "дважды", *гъачам* "один раз" и т.д.);

е) местоименные (*ишаб* "здесь", *итабад* "оттуда", *чина* "куда?", *чинаб-дигара* "езде", *чинабалра* "езде", *мурталра* "всегда", *чиналра* "никуда", *сунеласун* "по-своему", *хІеласун* "по-твоему", *диласун* "по-моему" и т.д.).

Наречие - развивающаяся часть речи. Количественный рост наречий происходит за счет образования последних от других частей речи путем аффиксации, словосложения, конверсии и т.д. Расширяются и функции наречия, которые стали более активно употребляться в сочетании с субстантивами и адъективами (ср. *хъули хІянчи* "домашняя работа", букв. "домой работа", *цІакъли гІяхІси* "очень хороший", букв. "сильно хороший" и т.д.).

Послелог

Послелог - разряд служебных слов, выполняющих морфосинтаксическую функцию, соответствующую предлогам, но в отличие от последних всегда находящиеся в постпозиции. Послелог следует после сочетающихся с ним са-

мостоятельных слов - как правило, имен, связь с которыми выражается способом управления или примыкания. При этом в роли управляющего слова выступает послелог, ср.: *юртла гьалаб* "перед домом". Сочетаясь со знаменательными словами, послелогии служат выражению различных лексико-грамматических отношений. Они в основном выражают пространственные, временные, причинные, целевые, следственные, сравнительные отношения, а также значение образа действия, совместности, орудия действия и других более обобщенных грамматических функций (ср.: *илала дурабад* "кроме того", *илала чебкад* "об этом" и т.д.). Даргинский язык обладает развитой системой послелогов. Первообразных послелогов немного. Основную массу составляют послелогии, возникшие в результате грамматикализации знаменательных слов или отдельных их форм.

Послелогии главным образом сочетаются с именами, управляя тем или иным падежом. Основной же падежной формой сочетающихся с послелогии имен является форма родительного падежа (ср.: *школа́ла гьалаб* "перед школой", букв. "школы впереди", *школа́ла мякьлаб* "около школы", букв. "школы рядом" и т.д.). Но вместе с тем отдельные послелогии управляют именительным (*неш багьандан* "ради мамы", букв. "мама ради"), совместным (*узи́чил варх* "с братом"), дательным (*дудешлис кьадин* "за отца") и другими падежами. Отдельные послелогии сочетаются и с глаголами (ср.: *баклес гьалаб* "прежде чем придти, перед приходом, до прихода", букв. "придти перед"; *вак/или глергьа* "раз пришел, после того, как пришел", букв. "придя после", *укьес багьандан* "чтобы пойти" и т.д.).

Ряд послелогов принимает классно-числовые показатели (*школа́ла ух/на/рух/на/бух/на/дух/на* "в школу", букв. "школы вовнутрь"; *школа́ла гьалав/гьалар/гьалаб* "перед школой", букв. "школы впереди") и окончания местных падежей (*школа́ла гела* "за школу", *школа́ла гела́б* "за школой", *школа́ла гела́бях/* "по направлению за школу", *школа́ла гела́бад* "из-за школы" и т.д.). Нередко послелогии трудно дифференцируются с наречиями. Так, по своим морфологическим признакам послелогии зачастую не могут быть отделены от наречий. Поэтому решающую роль в такой дифференциации приобретают синтаксические признаки, в частности, наличие у послелогов управляемого им

слова, с которым в предложении послелог выступает как один член, в то время как наречие примыкает к глаголу и оно выступает в роли члена предложения, ср.: *Нушала ши дубурла удиб саби* "Наше село находится под горой" и *Нушала ши удиб саби* "Наше село находится внизу".

Послелоги, послеложные конструкции в современном даргинском языке - явление активно развивающееся. Они вытесняют синонимичные местные падежи. Более того, на базе послеложных конструкций создаются атрибутизированные формы (ср.: *юртла гъалабси* "находящийся перед домом; то, что перед домом"; *политикалашалси* "политический; то, что касается политики", *политикала+шал* "что касается политики" букв. "политики сторона", "с политической стороны" и т.д.). В своем историческом развитии некоторые послелоги теряют способность к раздельнооформленности и приближаются к грамматическим морфемам (ср.: *хлуша+глебли* "за вами, на вашей стороне", *ранглашал* "что касается цвета", букв. "цвета стороны", "со стороны цвета" и т.д.).

Союзы

Служебные слова, выполняющие связывающую роль между членами словосочетания, предложения и целыми предложениями, в даргинском, как и в других языках, принято относить к лексико-грамматическому классу слов, называемых союзами.

Союзы как средства связи выражают различные смысловые отношения и неоднородны по значению, по синтаксическим потенциям и по стилистическим функциям. По типу связи, которую осуществляют союзы, последние делятся на сочинительные и подчинительные.

Сочинительные союзы выражают связь между равноправными членами предложения или между частями сложного предложения и по функциональному признаку разделяются на соединительные (*ва*, *=ра-*, *=ра*, *я - я*, ср.: *бецI ва гурда* "волк и лиса"; *я неш аги, я дудеш аги* "ни мамы не было, ни отца не было" и т.д.), противительные (*амма*, *-ну*, *-гу*, ср.: *биштIаси, амма жажаси* "маленький, но красивый". *Узи вакIибгу, арякьун* "Брат пришел, но ушел" и т.д.), разделительные (*я - я*, *яра*, ср.: *я жуз биха, я тетрадь* "или книгу дай, или тетрадь дай", *жуз яра тетрадь сабуха* "книгу или тетрадь принеси" и т.д.).

Подчинительные союзы устанавливают связь между главными и придаточными частями сложноподчиненного предложения и передают причинные (*сенкӀун, сенахӀенну, сенадӀли*), условные (*хьалли, хьалпира, эгер, нагагь, нагагьладан*), условные, изъяснительные (*или*), следственные (*хӀятта*) и другие обстоятельственные отношения.

Союзы в даргинском языке немногочисленны, что отчасти обусловлено выполнением их роли различными отглагольными образованиями, в частности, союзными деепричастиями. Более того, целый ряд союзов является заимствованным (*ва, амма, эгер, нагагь, хӀятта, я*). По своей структуре союзы дифференцируются на простые (*ва, амма, эгер, я, нагагь, хӀятта, -ра, -ну, -гу* и т.д.) и на сложные (*сенкӀун* "потому что" < *сен* "почему" + *кӀун* "сказать", *сенахӀенну* "потому что" < *сен* "почему" + *ахӀен* "не является, не есть" + *ну, яра* "или" < *я + ра* и др.). Целый ряд союзов характеризуется постпозитивностью по отношению к связываемому члену предложения или части сложного предложения, что порою затрудняет определить их статус раздельноформленности. Это, в частности, союзы *-ра, -ну, -гу, -хьалли*, которые пишутся слитно со словами, к которым они примыкают.

Частицы

В разряд служебных частей речи относятся и частицы, которые придают отдельным словам, словоформам, словосочетаниям или предложениям в целом дополнительные смысловые оттенки. По своей природе частицы - это слова грамматического, полулексического типа, имеющее значение близкое к единицам других частей речи (союзов, междометий, послелогов). Более того, отдельные частицы генетически восходят к застывшим формам знаменательных слов - существительных, местоимений, глаголов и наречий. Разнообразен список частиц, многозначна их функция. В даргиноведении встречается системно-функциональное и пословное описание частиц даргинского языка (Абдуллаев С., Абдуллаев З.Г., Сулейманов Б.С.).

В функциональном аспекте частицы даргинского языка объединяются в следующие группы:

1) вопросительные (-у/-в, *вара/-ара/-ра*, -а, ср.: *ваклибу* "пришел?" < *ваклиб* "пришел" + *у*; *ваклиб вара/ваклибара?* "пришел ли?", *чина ваклиба* "куда пришел?" и т.д.);

2) сравнительно-уподобительные (-ван, -гъуна, -цад, -ичиб, ср.: *бец/ван* "как волк" < *бец!* "волк" + *ван*, *бец/гъуна* "такой, какой волк" < *бец!* "волк" + *гъуна*, *бец/цад* "столько, сколько волк" < *бец!* "волк" + *цад*, *итабичиб* "чем там" < *итаб* "там" + *ичиб* и т.д.);

3) ограничительные (-цун, *чянкли*, ср. *нешцун* "только мама" < *неш* "мама" + *цун*, *чянкли неш* "только мама");

4) усилительные (*гъеч*, *бекли*, *балли*, *булан*, *тяп*, *сенапра*, *вахъ/рахъ/бахъ* и т.д., ср.: *узикун* "брат же" < *узи* "брат" + *кун*, *гъеч агара* "совершенно нет", *бекли къайихъни агара* "совсем не перестает", *дудеш балли* "даже отец", *тяп илгъуна* "точно такой" и т.д.);

5) отрицательные (*х/е-/х/а-*, *ма-/мя-/ме-*, ср.: *х/елуклас* "не напишу" < *луклас* "напишу", *х/якъяс* "не приду" < *къяс* "пойду", *малуклад* "не пиши" < *луклад* "будешь писать", *мякъяд* "не ходи", *мебклаб* "пусть не умрет");

6) выражающие неопределенность (-мага, -сера, -сек/ал, ср.: *чяй-мага* "что-то в роде чая", *чяй-сек/ал* "значение тоже самое", *чяйра-сера* "чай и еще что-то" и т.д.);

7) выражающие различные экспрессивно-эмоциональные оттенки - просьбу, пожелание, возмущение, колебание, сомнение (-гу, *гъари*, *ягъари*, *белики*, *мажах/ят*, *рахли*, *гъатли*, *х/ера* и т.д., ср.: *вашигу*, *гъари* "иди-ка же"; *ягъари*, *къайихъигу!* "перестань же!", *белики*, *вак/ес* "может, придет", *рахли вак/алли?* "вдруг придет?", *ваклилив*, *гъатли* "разве приехал?", *х/ера*, *сейклулил!* "смотри, что говорит!" и т.д.).

Как правило, частицы являются неизменяемыми словами. Однако отдельные частицы даргинского языка имеют числовые или классно-числовые формы, ср.: *бец/гъуна* "такой, как волк" и *бец/гъунти* "такие, как волк", *рурсичив урши халаси са/й* "чем дочь сын старше" и *уршичир рурси ришт/ласи сари* "чем сын дочь младше" или *итичиб иш юрт ах/ли саби* "чем тот, этот дом выше". Отдельные частицы по традиции считаются формообразующими или словообра-

зующими формантами. Это вопросительные и уподобительные частицы, ср.: *узулира?* "спит ли?" *се буриба?* "что сказал?" *ишгъуна* "такой" и т.д.

Междометия

Междометие - это особый лексико-грамматический класс неизменяемых слов, не относящихся ни к служебным ни к знаменательным словам и служащих для выражения чувств, экспрессивных оценок, волевых побуждений, призыва, не называя их, что и лишает их номинативного значения - основного признака знаменательных слов. В отличие от служебных слов междометиям не свойственна связующая функция. Обычно междометия не обладают формами словоизменения и не имеют собственных аффиксов словообразования.

По структуре междометия бывают простыми (*агъ! ай! ва! жав!* и т.д.), сложными (*агъагъай! гъара-гъара! гъу-гъари!* и т.д.) и составными (*гъай гъайиб гъай! хъела жайчира! хъела хъайчирагу!* и т.д.).

По происхождению междометия дифференцируются на исконные (*велх/унрив* "доброе утро!", *хъайт! дерхъаб!* "да будет изобилие!" и т.д.) и заимствованные (*гъурра! самам!* "пожалуйста" и т.д.), непроездовые, первичные (*ай! вях! тлаш!* и т.д.) и производные (*гъу-гъари* "давай-ка, а ну-ка", *гъари-тлаш!* "ну-ка, стоп!" и т.д.).

Многие междометия ведут свое начало от эмоциональных возгласов и звучений, сопровождающих душевное или физическое состояние организма. Такие междометия обычно содержат нехарактерные для фонетической системы языка звуки и их сочетания, ср.: *уффай* "отклик на плохой запах", *бррр!* *бабба-бай!* и т.д. Более обширен список междометий, генетически связанных со знаменательными словами и систематически пополняющий фонд междометий, ср.: *гъамаддирая!* (обращение к работницам, букв. "пусть будет легко!"), *я аллагъ!* "о боже!" *ажа изала!* (проклятие букв. "смертельная болезнь тебе!") и т.д. В современном даргинском языке, особенно в его разговорном стиле, междометия довольно распространенный пласт лексики. В речи междометия обслуживают такие сферы, как сфера эмоций и эмоциональных оценок, сфера волеизъявлений, сфера этикета.

К междометиям, выражающим эмоциональное отношение субъекта относятся:

ай! - выражает физическую, иногда и душевную боль, внезапный испуг;

агь! - неожиданный восторг, восхищение;

вай! - отчаяние, досада;

баркаман! - удивление с сожалением и восторгом;

вах! ва! и! - удивление;

хляйт! - ликование;

гьай гляйиб! гьай аман! гьай аман гьай! иъи! - сожаление;

гьурра! лаззат! агь лаззат! - удовольствие, восторг;

ту! ах ту! - отвращение, негодование;

гле, гьайгьай! - согласие, подтверждение;

гьеч! юх! огьай! уъу! - отрицание, несогласие;

машааппагь! - положительное или одобрительное удивление;

угьгьай! - усталость;

уффай! - презрение, раздражение.

К междометиям, обслуживающим сферу обращения относятся:

ассаламу гляпайкум! - "здравствуйте!"

салам! - "привет!"

велх/унрив! "доброе утро!"

баркалла! - "спасибо!" и т.д.

К междометиям, обслуживающим сферу волеизъявления относятся:

ва! - звательное междометие, адресуемое мужчине

жав! - звательное междометие, адресуемое женщине

ей! гьей! жей! - звательные местоимения

ей! - ответное междометие, употребляемое мужчиной

яв! - ответное междометие, употребляемое женщиной.

К этой же группе примыкают междометия, употребляемые для подзыва, отгона, остановки или движения животных, ср.:

вагья! - для остановки быков

гьай! - команда для движения

кис-кис! - для подзыва кошки

чит! - для отгона кошки и т.д.

По своей природе к междометиям примыкают отглагольные междометия типа *тлаш!* "стоп" *лех!*, *тш!* замолчи!" *бях!* "сядь!" (обращение к ребенку), а также различные звукоизобразительные слова типа *сурк* (звук при трении), *ч'ябхъ* (звук при падении предмета в воду), *суп!* (звук при сосании), *парх* (ментальное появление сильного света) и т.д.

Обращает на себя внимание одна уникальная особенность отдельных междометий даргинского языка, которые выполняя одну и ту же функцию, различаются на лексическом уровне в зависимости от того, кому они адресованы - мужчине или женщине. Речь идет о вокативных междометиях *ва!* (обращение к мужчине) и *жав!* (обращение к женщине), об ответных междометиях *ей!* (ответ мужчины на вызов) и *яв!* (ответ женщины на вызов) и о междометиях, выражающих удивление *ва!* (удивление выражает женщина) и *и!* (удивление выражает мужчина).

Словообразование

Словообразование, рассматриваемое нами в данном случае в морфологии, хотя для отдельных специалистов оно представляется то разделом лексики, то самостоятельной дисциплиной, характеризуется следующими основными способами: основосложением в имени и в глаголе, суффиксацией исключительно в имени и префиксацией только в глаголе.

Наиболее продуктивными суффиксами существительных современного даргинского литературного языка являются:

=деш образует в основном абстрактные существительные почти от всех частей речи, ср.: *адма+деш* "человечность" (< *адам* "человек"), *жага+деш* "красота" (< *жагаси* "красивый"), *ца+деш* "единство" (< *ца* "один"), *вег!+деш* "собственность" (*вег!* "сам, хозяин"), *леб+деш* "богатство", "то, что имеешь" (< *леб* "есть, имеется"), *убях!+деш* "подлость" (< *убях!* "вниз"), *чедиб+деш* "победа" (< *чедиб* "наверху");

=ала образует существительные от разных частей речи - *гъай+ала* "разговоры, шум" (< *гъай* "речь, слово"), *из+ала* "болезнь" (*из-ес* "болеть"), *вяшъ+ала* "возня, шум" (*вяш* "шум, звукоподражание");

=чи образует названия лиц по профессии - *далай+чи* "певец" (< *далай* "песня"), *тукен+чи* "продавец, завмаг" (< *тукен* "магазин");

=кьяна(=кья) образует существительные, обозначающие названия лиц по профессии - *мура+кьяна* "косарь" (< *мура* "сено, сенокос"), *гяяр+кьяна* "охотник" (< *гяяр* "охота"), *дуки+кьяна* "пастух" (< *дуки* "пастбище"), *гьун+кья* "попутчик" (< *гьуни* "путь");

=ри, =ни образуют существительные от основ глагола - *дагь+ри* "сообразительность, ум" (< *дагь-ес* "знать"), *дах+ни* "мамалыга" (< *дарх-ес* "смешать");

=а, =и образуют существительные от основ глагола - *бумл+а* "часть" (< *бумл-ес* "разделить"), *бис+а* "плач" (*бис-ес* "плакать"), *лугл+и* "число" (< *лугл-ес* "считать"), *дыхь+и* "рана" (< *дыхь-ес* "бить, ранить");

=уди образует отвлеченные существительные от основ глагола - *белчл+уди* "учеба, образование" (< *белчл-ес* "читать"), *баркь+уди* "дело" (< *баркь-ес* "делать");

=ла образует существительные от основ глаголов и наречий места - *умц+ла* "мерило" (< *умц-ес* "мерить"), *чеди+ла* "верх, поверхность" (< *чеди* "наверх"), *уди+ла* "низ" (< *уди* "низ");

=лихь образует существительные от существительных - *баз+лихь* "месячник" (< *баз* "месяц"), *вякья+лихь* "участок, посеянный арбузами" (< *вякья* "арбуз");

=наба образует название носителя признака и деятеля - *риг+наба* "любвица" (< *риг-ес* "любить"), *ургь-наба* "боец, борец" (*ургь-ес* "борься");

=гелла образует название лиц по профессии - *цурми+гелла* "свинопас" (< *цурми* "свиньи"), *бигли+гелла* "пастух" (< *биг* "стадо скота");

=аг образует существительные, обозначающие предметы, обладающие тем или иным признаком - *пясляс+аг* "лягушка" (< *пяс* "прыжок"), *цлудар+аг* "мокроголовая" (< *цлудара* "черный").

Словообразование прилагательных реализуется при помощи следующих наиболее продуктивных суффиксов:

=си образует прилагательные от существительных (ср.: *цлакь+си* "сильный" < *цлакь* "сила", *няс+си* "грязный" < *няс* "грязь", *узи+си* "братский" < *узи* "брат" и

т.д.), от числительных (ср.: *ца+си* "единый" < *ца* "один", *цай+си* "одинокый" < *ца* "один" и т.д.), от местоимений (*вег+си* "собственный" < *вег* "сам, хозяин"), от наречий (ср.: *ишаб+си* "здешний" < *ишаб* "здесь", *бухІнаб+си* "внутренний" < *бухІнаб* "внутри") и от глаголов (ср.: *бяргІуб+си* "холодный" < *бяргІ-ес* "охлаждаться", *буцІар+си* "горячий" < *буцІ-ес* "испекать");

=ар образует прилагательные от форм множественного числа существительных (ср.: *дубурт+ар* "гористый" < *дубурти* "горы", *цулб+ар* "зубчатый" < *цулби* "зубы", *къаркъуб+ар* "каменистый" < *къаркъуби* "камни" и т.д.);

=чев/=чер/=чеб образует классные прилагательные от существительных (*давла+чев* "богатый" < *давла* "богатство", *гІякьлу+чев* "умный" < *гІякьлу* "ум"). К данному суффиксу факультативно может примыкать и суффикс **=си** (ср.: *гІякьлу+чев-си* "умный" и т.д.);

=ан, =лан образуют относительные прилагательные от названий местностей (ср.: *ахъуш+ан* "акушинский, акушинец" < *Акъуша* "Акуша", *дураш+ан* "иносельский, из другого села" < *дура ши* "другое село", *дубур+лан* "горный, горский" < *дубура* "гора" и т.д.);

=ла образует прилагательные от наречий (ср.: *дурала* "внешний, не свой" < *дура* "снаружи, вне", *гьалаб+ла* "прежний" < *гьалаб* "раньше", *даг+ла* "вчерашний" < *даг* "вчера" и т.д.).

Наиболее типичными словообразовательными суффиксами наречий являются следующие:

=ли образует наречия образа действия и меры от существительных или от связанных именных основ (ср.: *дуцІ+ли* "бегом" < *дуцІ* "бег", *гуж+ли* "насиленно" < *гуж* "сила, насилие", *дуге+ли* "ночью" < *дуги* "ночь", *цІуб+ли* "бело" < *цІуб-а* "белый", *жага+ли* "красиво" < *жага+си* "красивый"); от глагольных основ (ср.: *балкІ+ли* "криво" < *балкІ-ес* "искривиться", *бацІ+ли* "пусто" < *бацІ-ес* "настоять, исчезнуть", *буцІар+ли* "горячо" < *буцІ-ес* "испекать", *буцІ-а* "испечет", *бугІяр+ли* "холодно" < *бяргІ-ес* "замерзнуть", *биргІ-ур* "замерзнет" и т.д.);

=на образует кратные наречия от основ числительных (ср.: *ав+на* "четырежды", < *ав+ал* "четыре", *хІяй+на* "трижды" < *хІяб+ал* "три" и т.д.);

=а образует наречия места от указательных местоимений (ср.: *иш+а* "сюда" < *иш* "этот", *ита* "туда" < *ит* "тот" и т.д.);

-и образует наречия образа действия от указательных местоимений (ср.: *иш+и* "так, как этот" < *иш* "этот", *ит-и* "так, как тот, просто так" < *ит* "тот");

=вал/=ал/=л образует наречия от личных и возвратных местоимений (ср.: *ну+вал* "я один, я одиноко" < *ну* "я", *х/у+вал* "ты один, ты сам один, ты одиноко, ты ни с кем" < *х/у* "ты", *нуша+л* "мы один, мы ни с кем" < *нуша* "мы", *са+ял* "он сам один" < *сай* "он сам один" и т.д.);

=х/е/ели/=х/ейс/=х/е/лил образуют наречия времени от указательных местоимений (ср.: *ит+х/е/ели* "тогда" < *ит* "тот", *ит+х/ейс* "к тому времени" < *ит* "тот", *ит+х/е/лил* "еще тогда" < *ит* "тот" и т.д.);

=начи образует наречия времени от наречий-последлогов места (ср.: *г/ела+начи* "в последнее время" < *г/ела* "назад", *г/яла+начи* "сперва, первый раз" < *г/яла* "впереди, вперед".

Способом префиксации образуются новые глаголы. Типичными префиксами, образующими новые глаголы, являются следующие:

а= образует новые глаголы от первичных глаголов со значением направления действия вверх (ср.: *а+буцес* "поднять, взять в руки" < *буцес* "держать, поймать", *а+ризес* "встать""встать" < *ризес* "принять определенное положение", *а+букес* "привести снизу вверх", *а+бум/ес* "вынуть" < *бум/ес* "отнять, отделить" и т.д.);

ка+ образует глаголы со значением направленности действия сверху вниз (ср.: *ка+бикес* "упасть" < *бикес* "дойти до", *ка+бухес* "принести сверху вниз" < *бухес* "нести", *ка-ц/ес* "спуститься" < *бац/ес* "двигаться" и т.д.);

са= образует глаголы со значением направленности действия по горизонтали сюда, к говорящему или к месту дислокации собеседника (ср.: *са+бухес* "принести по горизонтали сюда" < *бухес* "нести", *са+базс* "дойти сюда по горизонтали" < *базс* "дойти", *са-рукес* "привести ее сюда по горизонтали" < *рукес* "вести, водить" и т.д.);

бет= образует глаголы со значением направленности действия по горизонтали отсюда, от говорящего (ср.: *бет+ухъес* "направиться туда по горизонтали" < *ухъес* "двинуться", *бет-азс* "дойди туда по горизонтали" < *базс* "дойти";

ар= образует глаголы со значением удаления, направленности действия от места расположения от ориентира (ср.: *ар-рукъес* "уйти" < *рукъес* "пойти", *ар+бухес* "унести" < *бухес* "нести" и т.д.);

че=/чеди= образует глаголы со значением направленности действия на поверхность ориентира (ср.: *че+буцес* "держать над..." < *буцес* "держать", *че-бизес* "положить на огонь" < *бизес* "принять положение", *чеди-батес* "посадить на машину" < *батес* "оставить", *чеди+бикес* "победить" < *бикес* "достаться, попасть");

чеб= образует глаголы со значением удаления с поверхности ориентира (ср.: *чеб+батес* "снять одежду..." - *батес* "оставить", *чеб-белк/ес* "списать, переписать" < *белк/ес* "написать");

у=/уди= образуют глаголы со значением направленности действия вниз, под ориентир (ср.: *у+бихъес* "попасть под..." < *бикес* "попасть", *у+бихъес* "подложить" < *бихъес* "положить", *уди+бикес* "проиграть", букв. "попасть под...");

уб= образует глаголы со значением удаления из-под ориентира (ср.: *уб-бац/ес* "уйти" < *бац/ес* "исчезнуть", *уб+бяхъес* "подрезать" < *бяхъес* "ударить");

гъа=/гъала образуют глаголы со значением направленности действия к передней части ориентира (*гъа+буцес* "преподнести" < *буцес* "держать", *гъала+бухъес* "обогнать, оказаться перед кем-то или чем-то" < *бухъес* "двинуться", *гъала+бихъес* "предложить" < *бихъес* "положить");

гъаб= образует глаголы со значением удаления спереди ориентира (*гъаб+бахъес* "убежать" < *бухъес* "двигаться", *гъаб+буцес* "вести на поводу" < *буцес* "держать");

г/е=/г/елеа образует глаголы со значением направленности действия за ориентир (*г/е+басес* "заимствовать" < *басес* "помазать", *г/е+бак/ес* "закрыть" < *бак/ес* "идти, придти");

г/еб= образует глаголы со значением удаления сзади ориентира (*г/еб+базс* "догнать" < *базс* "оказаться", *г/еб+бердес* "исчезнуть" < *бердес* "оторваться", *г/еб+бухъес* "заступить" < *бухъес* "двинуться");

бухIна= образует глаголы со значением направленности действия вовнутрь ориентира *бухIна+бухъес* "войти" < *бухъес* "двинуться", *бухIна+бикес* "ворваться" < *бикес* "оказаться" и т.д.);

дура= образует глаголы со значением направленности действия из ориентира наружу (*дура+бухъес* "выйти" < *бухъес* "двинуться", *дура+бушес* "исключить" < *бушес* "идти");

урга= образует глаголы со значением направленности действия между ориентирами (*урга+бухъес* "перервать, перебивать" < *бухъес* "двинуться", *урга+бакIес* "разнять", букв. "стать между" < *бакIес* "идти").

В некоторых случаях отмечается образование новых слов при помощи сложных суффиксов или префиксов (*давла+чев+си* "богатый" < *давла* "богатство", *бет+сад+бухъес* "засуетиться", букв. "туда-сюда двигаться" < *бухъес* "двигаться" или конверсии (*учIан* "читатель" < *учIан* "читающий", *ухъна* "старик" < *ухъна* "старый" и т.д.).

Обращают на себя внимание также случаи безаффиксального способа словообразования, представляющего собой возникновение существительных путем отсечения глагольных словоизменительных формантов от основы (*бяркь* "воспитание" < *бярхъес* "приучать", *баркь* "дело", *баркьес* "делать" и т.д.).

Наиболее активно действующим способом деривации в даргинском языке является словосложение, при помощи которого образуются лексемы почти всех частей речи.

Наиболее продуктивными и типичными являются следующие модели композитов:

- при образовании существительных:

а) сущ. + сущ. (*узи-урши* "родня" < *узи* "брат" + *урши* "сын", *неш-дудеш* "родители" < *неш* "мать" + *дудеш* "отец", *дуги-хIери* "сутки" < *дуги* "ночь" + *хIери* "день", *бекI някь* "запястье" < *бекI* "голова" + *някь* "рука", *газа някь* "лопата" < *газа* "мотыга" + *някь* "рука" и т.д.);

б) прил. + сущ. (*хала дудеш* "дедушка" < *хала* "большой" + *дудеш* "отец", *хала неш* "бабушка" < *хала* "большая" + *неш* "мать", *гях/гъабза* "храбрец" + *гях/си* "хороший" + *гъабза* "мужчина", *вайгъабза* "трус" < *вайси* "плохой" + *гъабза* "мужчина" и т.д.);

в) сущ. + основа глагола или причастие (*шинкьядирхь* "чернильница" < *шинкья* "чернила" + *дирхь* < *дирхьес* "пожить", *шиндалан* "водолаз" < *шин* "вода" + *далан* "знающий", *кьялизан* "дойник" < *кьял* "корова" + *изан* "дающий", *шиндуртI* "водораздел" < *шин* "вода" + *дуртI+ес* "делить" и т.д.);

г) числ. + сущ. (*хIябкьяй* "перекресток" < *хIяб* "три" + *кьяли* "ветка", *хIябмуз* "треугольник" < *хIяб* "три" + *муз* "угол, выступ", *хIябкIапIу* "клевер" < *хIяб* "три" + *кIапIу* "лист" и т.д.);

д) наречие + глаг. (причастие) *жявлибилкьян* "скороспелка" < *жявли* "рано" + *билкьян* "поспевающий", *дугелибашан* "черт" < *дугели* "ночью" + *башан* "ходящий" и т.д.);

е) наречие + сущ. (*шадибгьуни* "прогулка" < *шадиб* "на прогулке" + *гьуни* "дорога", *дуни-гьуни* "пастбище" < *дуни* "пастбище" + *гьуни* "дорога");

- при образовании прилагательных:

а) сущ. + краткое причастие *агар* "отсутствующий" (*пайдаагар* "бесполезный" < *пайда* "польза" + *агар* < *агарси* "отсутствующий", *вегIагар* "бесхозный" < *вегI* "хозяин" + *агар* < *агарси* "отсутствующий" и т.д.);

б) сущ. + сущ. *ранг* "цвет" (*палда-ранг* "серый", букв. *палда* "зола" + *ранг* "цвет", *мургьи-ранг* "золотистый" < *мургьи* "золото" + *ранг* "цвет" и т.д.);

в) числ. + сущ. *ранг* "цвет" (*верхIранг* "семицветный" < *верхI* "семь" + *ранг* "цвет", *кIуранг* "двухцветный" < *кIу* "два" + *ранг* "цвет";

г) сущ. + прилаг. (*дыхIу-цIуба* "белоснежный" < *дыхIу* "снег" + *цIуба* "белый", *вава-бухьутIа* < *вава* "цветок" + *бухьутIа* "желтый" и т.д.);

д) прилаг. + прилаг. (*цIяба-хьанцIа* "темносиний" < *цIяба* "темный" + *хьанцIа* "синий", *шала-хIунтIена* "светлокрасный" < *шала* "светлый" + *хIунтIена* "красный");

- при образовании числительных:

а) *х1ябдарш* < *х1яб* "три" + *дарш* "сто", *авц1али* "сорок" < *ав* "четыре" + *ц1али* < *вец1ал* "десять" и т.д.);

б) числительное + причастие *ибил* "сказанный" или *эсил* "сказанный" (*х1ябъибил* "третий" < *х1яб* "три" + *ибил* "сказанный", *даршъибил* < *дарш* "сто" + *ибил* "сказанный" и т.д.);

- при образовании местоимений:

а) вопросительное местоимение + частица *дигара* (*чи-дигара* "всякий, кто угодно" < *чи* "кто" + *дигара*, *се-дигара* "что угодно" < *се* "что" + *дигара*, *чина-дигара* "куда угодно" < *чина* "куда" + *дигара* и т.д.);

б) вопросительное местоимение + частица *биалра* (*чи-биалра* "кто-нибудь" < *чи* "кто" + *биалра*, *се-биалра* "что-нибудь" < *се* "что" + *биалра*, *чина-биалра* "куда-нибудь" < *чина* "куда" + *биалра* и т.д.);

в) вопросительное местоимение + частица *-алра* (*чилра* "никто" < *чи* "кто" + *алра*, *селра* "ничто" < *се* "что" + *алра* и т.д.);

г) вопросительные местоимения + связка *саби* с частицей *ал/-л* (*чи-саял* "кто-то" < *чи* "кто" + *сай+ал*, *се-сабил* "что-то" < *се* "что" + *саби+ал* и т.д.);

- при образовании наречий:

а) указательное местоимение + сущ. (*ишбарх1и* "сегодня" < *иш* "этот" + *барх1и* "день", *илкьяйда* "так, таким образом" < *ил* "этот, тот" + *кьяйда* "способ" и т.д.);

б) наречие + наречие (*даг+ишбарх1и* "намедни" < *даг* "вчера" + *ишбарх1и* "сегодня", *дурахъули* "постоянно" < *дура* "наружу" + *хъули* "домой, вовнутрь", *савли-жявли* "рано утром" < *савли* "утром" + *жявли* "рано" и т.д.);

в) числительное *ца* "один" + сущ. (*цабарх1и* "однажды" < *ца* "один" + *барх1и* "день", *цазамана* "вдруг, однажды" < *ца* "один" + *замана* "время" и т.д.

- при образовании глаголов:

а) сущ. + вспомогательный глагол *биэс* "быть, стать", *барес* "сделать", *эс* "сказать", *бик1ес* "говорить", *бикес* "поспать" и т.д. (*кумекбарес* "помочь" < *кумек* "помощь" + *барес* "сделать", *далайэс* "спеть" < *далай* "песня" + *эс* "сказать",

гъайбиклес "разговаривать" < гъай "слово" + биклес "говорить", дарманбизм "стать целебным" < дарман "лекарство" + бизс "быть, стать" и т.д.);

б) основа прилагательного + вспомогательный глагол (цлуббизс "побелеть" < цлуб "белый" + бизс "стать", халабазс "вырасти" < хала "большой" + базс "стать" и т.д.);

в) числительное + вспомогательный глагол (цабизс "объединиться" < ца "один" + бизс "стать", клелбарес "разрезать" < клел "два" + барес "сделать" и т.д.);

г) местоимение + вспомогательный глагол (веглизс "одеться" < вегл "сам, хозяин" + визс "стать", веглсамес "раздеться" < вегл "сам, хозяин" + самес "оставить" и т.д.);

д) наречие + вспомогательный глагол (бархбикес "присоединиться" < барх "вместе" + бикес "попасть", алавбарес "обойти" < алав "вокруг, кругом" < барес "сделать", цах/набяхъес "собрать" < цах/на "вместе" + бяхъес "сочинять" и т.д.);

е) междометие + вспомогательный глагол (вяшбарес "пошевелить" < вяш "шорох" + барес "сделать", суркбарес "протереть" < сурк "тереть" + барес "сделать", тудяхъес "плюнуть" < ту + барес "сделать" и т.д.);

ё) глагол + вспомогательный глагол (луклесбях/лес "начать писать" < луклес "писать" + бях/лес "начать", узесвях/лес "приступить к работе" < узес "работать" + вях/лес "взяться" и т.д.).

Широкое распространение в даргинском языке получил комбинированный способ словообразования, т.е. образование нового слова путем одновременно-го участия словосложения и аффиксации или редупликации (полной или частичной) и аффиксации, ср.: шелдуслихъ "пятилетка" < шел "пять" + дус "год" + лихъ; х/ябдусан "трехлетний" < х/яб "три" + дус "год" + ан; ахъ-ахъси "высоко-ватый" < ахъ "высокий" + ахъ-си, гъагъа-гъала "сначала" < гъала "впереди", гъа-лаб-гъалабси "первичный" < гъалаб "впереди" + гъалабси "передний", ца-цали "по-одному" < ца "один" + ца "один" + ли и т.д.). В отдельных случаях встречается глагольное словообразование путем редупликации основы и с одновременным присоединением вспомогательного глагола, ср.: бутла-бутлабарес

"разделить на части" < *бутла* "часть" + *бутла* "часть" + *бирес* "сделать"; *дуцл-дуцл/ухъес* "прибегнуть" < *дуцл* "бег" + *дуцл* "бег" + *ухъес* "двинуться" и т.д.

СИНТАКСИС

СИНТАКСИЧЕСКИЙ строй даргинского языка в основном характеризуется теми синтаксическими особенностями, которые присущи языкам эргативного строя. Но вместе с тем синтаксической структуре даргинского языка свойственны и специфические особенности, обусловленные отличительными чертами морфологии даргинского языка, в частности классно-числовым и личным согласованием, агглютинативным способом словоизменения, аналитическими формами, сложной падежной системой, послеложными конструкциями и т.д.

Словосочетание

В лингвистической даргиноведческой литературе словосочетание наряду с предложением считается одной из основных единиц синтаксиса, представляющей собой конфигурацию двух или более знаменательных слов, связанных между собой по смыслу и грамматически, ср. *сагаси юрт* "новый дом", *жуз касес* "книгу взять", *жявели багьес* "рано узнать" и т.д. В даргинском языке, как и в других языках (напр., в русском) встречаются случаи неоднозначного понимания понятия словосочетания. В частности, ставятся вопросы, существуют ли наряду с обычными подчинительными словосочетаниями также "сочинительные словосочетания", является ли словосочетанием пара, состоящая из подлежащего и сказуемого и др. Характеризуя способы синтаксической связи, следует указать на то, что в даргинском языке как в плане содержания, так и в плане выражения довольно четко дифференцируются сочинительные и подчинительные словосочетания.

В плане содержания компоненты сочинительного словосочетания даргинского языка, как и других языков, равноправны и независимы друг от друга, в силу чего нельзя поставить вопрос от одного члена сочинительного словосочетания к другому, в то время как в подчинительном словосочетании возможность постановки такого вопроса считается основным и определяющим признаком подчинительного словосочетания. Кроме того, составляющие сочинительного словосочетания в предложении выступают в роли однородных членов, в основном выражены одной и той же частью речи, чего нельзя сказать о составляющих подчинительного словосочетания минимальной конструкции.

В плане же выражения сочинительные словосочетания характеризуются наличием в их структуре специальных сочинительных союзов *ва* (*бец! ва гурда* "волк и лиса"), *ра* - *ра* (*бец!ра гурдара* "и волк и лиса"), в то время как в структуре подчинительного словосочетания такие союзы не отмечаются.

В качестве видов подчинительной синтаксической связи, как и в других языках, в даргинском выделяют согласование, управление и примыкание. Однако здесь нужно заметить, что в даргинском языке следовало бы более четко говорить и о таких специфических видах синтаксической связи, как координация и ориентация. Координация понимается как двойная обоюдная подчинительная связь, которая одновременно действует между слагаемыми словосочетания: главное слово при одном виде связи (скажем, при согласовании), становится зависимым при другом виде связи (скажем, при управлении) - главным, а зависимое при одном виде связи (скажем, при согласовании) становится главным, а главное - зависимым. Например, *жуз белч/ес* "книгу прочитать". Между словами данного словосочетания отмечаются два вида связи: согласование и управление. Глагол *белч/ес* "прочитать" согласуется со словом *жуз* "книга" в классе (III кл.) и числе (ед.ч.) при помощи классно-числового показателя *б*, а глагол *белч/ес* в свою очередь управляет существительным *жуз*, требуя постановки его в им. п., что в данном случае равняется вин. п. русского языка. Аналогичная координация отмечается и в предложении между подлежащим и сказуемым. С подлежащим согласуется в лице сказуемое, которое в свою очередь управляет подлежащим, требуя его постановки в определенном падеже. Так, например, сказуемое, выраженное переходным глаголом, требует постановки

подлежащего в акт. падеже; в то время как сказуемое, выраженное непереходным глаголом требует постановки подлежащего в им. падеже. Сказуемое же, выраженное аффективным глаголом *дигахъес* "любить" требует постановки подлежащего в дательном падеже, ср.: *студентли жуз бучули сай* "студент читает книгу" (сказуемое *бучули сай* "читает" - перех. глагол - оформлено в 3 л., подлежащее *студентли* - в акт. п.); *студент вакиб* "студент пришел" (сказуемое *вакиб* "пришел" - неперех. гл. оформлено в 3 л., а подлежащее *студентли* - в акт. падеже); *студентлис университет дигахъу* "студент любит университет" (сказуемое *дигахъу* "любит" - афф. глагол - оформлено в 3 л., а подлежащее *студентлис* - в дат. падеже). Кроме того, в предложении наблюдается классно-числовое согласование различных обстоятельств с подлежащим или объектом, ср.: *Дудеш хіянчилав ваихъли калун* "Отец на работе долго оставался". В данном предложении обстоятельство места *хіянчилав* "на работе" и обстоятельство времени *вахъли* "долго" в классе (I кл.) и числе (ед.ч.) согласуются с подлежащим при помощи показателя *в*. В предложении же *Дудешли рурси хъулир рахъли ратур* "Отец девочку дома долго оставил" - обстоятельство места *хъулир* "дома" и обстоятельство времени *рахъли* "долго" согласуются с объектом *рурси* "девочка" при помощи классного показателя *р*. Поскольку подобное согласование отмечается между компонентами не словосочетания, а предложения - между подлежащим и обстоятельством или объектом и обстоятельством, то здесь мы имеем дело с совершенно иным видом согласования, следовательно, такое согласование лучше называть классно-числовой ориентацией.

Обращает на себя внимание и такое синтаксическое явление даргинского языка, когда компоненты глагольного подчинительного словосочетания проявляют идентичные классно-числовое согласование, ср. *вахъли вашес* (I кл. ед. ч.) "долго ходить" (речь идет о мужчине), *рахъли рашес* (II л. ед. ч.) "долго ходить" (речь идет о женщине), *бахъли башес* (III л. ед. ч.) "долго ходить" (речь идет о лошади или о быке...) и *дахъли дашес* (III л. мн. ч.) "долго ходить" (речь идет о лошадях, быках ...). Подобного рода солидарное согласование компонентов наблюдается в следующих видах глагольного словосочетания:

- а) классные наречия + глагол (*вахъх/и ватес* "долго ходить");
- б) имя в инструменталисе, эссиве, аллативе и аблативе + глагол (*вац/ализив ватес* "оставить в лесу");
- в) послеложная конструкция + глагол (*школала гьалар руч/ес* "читать перед школой").

Идентичность подобного классно-числового согласования обусловлена тем, что оба компонента словосочетания ориентированы на реальный или мыслимый субъект или объект действия.

Говоря о других видах синтаксической связи даргинского языка - об управлении и примыкании, следует указать на следующие их специфические особенности, на которые в существующей литературе не обращают особого внимания.

Почти во всех синтаксических работах почему-то обходят управление существительного, прилагательного, числительного и послелогов, которое демонстрирует нередко своеобразное функционирование в даргинском языке.

Обращают на себя внимание следующие виды подчинительных словосочетаний, сконструированных способом управления, ср.:

- а) главное слово "существительное" + зависимое слово "существительное в косвенном падеже", ср.: *белч/удиличи гьира* "страсть к учебе" и т.д. (главное слово может стоять в любой падежной форме, ср.: *ил дигахъуси саби белч/удаличи гьирализибад* "это зависит от страсти к учебе" и т.д.);
- б) главное слово "прилагательное" + зависимое слово "имя в косвенном падеже" (*шиличи гьамси* "близкий к селу");
- в) главное слово "числительное" + зависимое слово "имя в косвенном падеже" (*х/ушазивад ца* "один из вас", *шулизирад к/ел* "два из пяти", *нушазивад цаибил* "первый из нас", *узбазивад ца* "один из братьев" и т.д.);
- г) главное слово "послелог" + зависимое слово "имя в косвенном падеже" (*заблис г/ергъи* "после дождя", *юртла гьалаб* "перед домом" и т.д.).

Своеобразны следующие виды неглагольных подчинительных словосочетаний, образованных способом примыкания, ср.:

- а) зависимое слово "сущ. в им. п." + главное слово "существительное" (*ту-кенчи рурси*, букв. "продащица девушка", *къял къача*, букв. "корова теленок", т.е. "теленки женского пола" и т.д.);

б) зависимое слово "колич. числительное" + главное слово "существительное или субстантивное прилагательное, причастие", ср.: *хлябал жуз*, букв. "три книга", т.е. "три книги" (особый интерес представляет то, что прилагательное или причастие, определяющие существительные в подобных словосочетаниях, кроме образованных при помощи *ца* "один" оформляются во множественном числе, ср.: *хлябал сагати жуз*, букв. "три новые книга", т.е. "три новые книги", *шел халати юрт*, букв. "пять большие дом", т.е. "пять больших домов", но *ца сагаси жуз* "одна новая книга" и *ца халал юрт* "один большой дом" и т.д.);

в) завис. слово "неизменяемое прилагат." + главное слово "существительное" (*жявхлелла хабар* "давнишняя весть", *гIурла замана* "будущее время" и т.д.);

г) завис. слово "конкретное топонимическое название" + главное слово "слово, выражающее родовое географическое понятие" (*Сулахъ хIеркI* "Сулак река", *Каспийск шагъар* "Каспийск город" и т.д.);

д) завис. слово "собств. имя" + главное слово "название профессии, родового понятия" ("Замана" газета, "Гьалмагъдеш" альманах, учитель Муса, директор Мухтар и т.д.);

е) завис. слово "наречие меры и степени" + главное слово "прилагательное или наречие" (*дебали халаси* "очень большой", *бара-бара биштIаси* "чуть-чуть маленький" и т.д.).

Структурным своеобразием выделяются трехчленные сочетания, в которых зависимую от прилагательного позицию занимает существительное в именительном падеже, ср.: *гIяш халал кигъа*, букв. "курдюк большой баран", т.е. "баран с большим курдюком", *уркIи халаси рурси*, букв. "сердце большое девушка", т.е. "гордая девушка" и т.д.

Аналогичным структурным своеобразием характеризуется также трехчленное словосочетание, состоящее из числительного, существительного, представляющего собой единицу измерения и название предмета, подвергающегося измерению, ср.: *ца уркура мурала*, букв. "одна арба сена", *кIел машина къаркъала*, букв. "две машины камня". В подобных словосочетаниях наблюдается не совсем типичное для даргинского языка постпозитивное расположение существительного в форме генитива, напоминающее характерное для русского языка явление. В отмеченных конструкциях наблюдается особое переплетение

почти всех видов синтаксической связи: согласование, управление. Так, например, в словосочетании *ца уркура мурала*, между словами *ца* "один" и *уркура* "арба" отмечается примыкание, а между словами *уркура* "арба" и *мурала* "сено" - управление. В таком же словосочетании, как *дудеш давлачевси рурси* (букв. "отец богатый девушка", т.е. "девушка, у которого отец богатый") между словами *дудеш давлачевси* представлено классное согласование (I кл.), а между словами *давлачевси рурси* - согласование в числе (ед. ч.). Более того, слово *давлачевси* с одной стороны при помощи классного показателя в согласуется с *дудеш* "отец", а с другой стороны - со словом *рурси* "девушка", при помощи суффикса ед. ч. *-си*, ср.: *дудеш давлачевти рурсби* букв. "отец богатые девушки", т.е. "девушки, у которых отец богатый".

Предложение

Предложение в отличие от другой синтаксической единицы-словосочетания характеризуется своей коммуникативной значимостью, модальностью и предикативностью. Формируясь по синтаксическим законам даргинского языка, оно выражает законченную мысль. В отличие от словосочетания предложение нередко может быть выражено и одним словом, но обязательно обладающим предикативностью. Средствами выражения предикативности в даргинском языке являются формы наклонений, времени, лица, аффиксы сказуемости (*ну учительра* "я есть учитель"), интонация и порядок слов (*xly* - *читель*, *ну* - *тухтур* "ты - учитель, я - врач"). О своеобразии же средств выражения предикативности в недостаточных придаточных предложениях речь пойдет ниже.

Предложение может быть простым и сложным. Простое предложение имеет один предикативный центр, а сложное - два или более.

Простое предложение

Основными характеристиками простого предложения являются: его синтаксическая структура, формирующаяся определенными словоформами, т.е. компонентами предикативной основы в их отношении друг к другу; его семантиче-

ская структура и члены предложения как компоненты предикативной основы или ее распространители.

Выполняемые простыми предложениями функции в речи многочисленны и разнообразны, что порождает необходимость разного рода классификаций. В учебной и научной литературе по даргинскому языку стали традиционными следующие параметры, по которым классифицируются простые предложения.

1. По утверждению или отверганию мысли противопоставляются утвердительные и отрицательные предложения, ср.: *Ил бархли лебилпра аршила дурабухъири* "В тот день все вышли на уборку урожая" и *Мухтар илхлели хлянчила дурахлевхъун* "Мухтар тогда не вышел на работу". Отрицание выражается самыми разными способами и средствами, которые пока в даргиноведении специально не исследованы.

2. В зависимости от цели сообщения предложения могут быть повествовательными, вопросительными, побудительными и пожелательными, ср.: *Мадинани иш жуз белчлун* "Мадина прочитала эту книгу"; *Мадина, хлуни иш жуз белчлунри?* "Мадина, ты читала эту книгу?"; *Мадина, хлуни иш жуз белчлен* "Мадина, ты прочти эту книгу"; *Мадинани иш жуз балчлаб* "Пусть Мадина эту книгу прочитает". Пожелательное предложение в даргинском языке бывает двух видов: а) в котором сказуемое выражено первым, неоформленным желательным наклонением (*хлу арали чарухъ* "чтоб ты здоровым вернулся!"); б) в котором сказуемое выражено вторым, оформленным желательным наклонением (*арали чарухъаби хлу!* букв. "Пусть здоровым вернешься ты!").

3. По количеству главных членов, востребованных в зависимости от характера грамматической структуры простые предложения делятся на односоставные, двусоставные и трехсоставные.

4. По репрезентации всех необходимых по семантическим свойствам членов предложения подразделяются на полные и неполные.

5. По падежной форме субъекта действия, обусловленного семантикой предиката в кавказских языках, в том числе и в даргинском, принято характеризовать предложение либо как номинативной, эргативной, дативной, посессивной или локативной конструкции, либо как переходной, непереходной, аффективной или каузативной конструкции.

6. По наличию или отсутствию в предложении второстепенных членов разграничиваются распространенные и нераспространенные предложения.

7. По характеру интонации противопоставляются восклицательные и невосклицательные предложения.

Кроме отмеченных параметров, по которым классифицируются предложения, и видов последних, в учебной и научной литературе нередко встречаются и другие классификации и виды предложений, в частности, личные, безличные, неопределенно-личные, осложненные и неосложненные, безобъектные, неопределенно-объектные (*илини илкъяйда хлеиб* "он так не сказал") и т.д. Наблюдается также и более детальный подход к классификации предложений, где выделяются различные их подвиды. Например, З.Г. Абдуллаев побудительные предложения подразделяет еще на шесть подвидов [Абдуллаев 1971: 57-60].

Утвердительные и отрицательные предложения

В плане содержания утвердительное предложение противопоставляется отрицательному тем, что в первом выраженная мысль утверждается, не отвергается, в то время как во втором она отвергается, ср.: *Умуриза ила раклиб* "Умуриза туда пришла" и *Умуриза ила хлераклиб* "Умуриза туда не пришла". В плане выражения утвердительное предложение по отношению к отрицательному характеризуется нулевым показателем. Отрицательное предложение оформляется специальными показателями. Прежде всего, отрицание в даргинском языке выражается при помощи отрицательных частиц *х/е-*, *ма-*, препозитивно присоединяющихся к глагольной форме, ср.: *иш жуз хлелбчлуна* "Я не прочитал эту книгу"; *Хлуни итизи селра мабурид* "Ты ему ничего не говори". Частица *х/е-* употребляется в формах инфинитива, причастия, деепричастия, масдара; изъявительного, условного, уступительного, предположительного, условно-предположительного и сослагательного наклонений, а *ма-* - в формах повелительного, желательного и допускаемо-желательного наклонений, ср.: *Амирхан нуни хлэгьурра* "Я не узнал Амирхана". *Амирхай маргъаб илди гъай* "Пусть не услышит Амирхан эти слова".

Другим средством выражения отрицания в даргинском языке является вспомогательный глагол *ахӀен* "нет, не есть" и знаменательный глагол *агес* "отсутствовать, не быть", ср.: *Ит учӀули ахӀен*, букв. "Он читая нет", т.е. "не читает". Отрицательный вспомогательный глагол-связка употребляется в аналитических формах и располагается в постпозиции (*рузули ахӀен*, букв. "работая не есть, работая нет", т.е. "не работает") или в составных сказуемых (*ит учитель ахӀен*, букв. "он учитель нет, не есть, не является").

Отрицательной связке противопоставляется утвержденная связка *сай* (I кл. ед.ч.), *сари* (II кл. ед. ч. и мн.ч. III кл.) и *саби* (III кл. ед.ч. и I-II кл. мн.ч.), которая используется также в аналитических формах и в составных сказуемых, ср.: *Ит учӀули сай*, букв. "он читая есть", т.е. "читает" и *ит учӀули ахӀен* "он читая нет", т.е. "не читает"; *Муса учитель сай*, букв. "Муса учитель есть, является".

В даргинском языке иногда отрицание выражается путем утверждения отрицания при помощи утвердительной связки (ср.: *Рурси хӀерукули сари*, букв. "Девочка не кушая есть") и, наоборот, утверждение выражается, отвергая отрицание (*Рурси хӀерукули ахӀен*, букв. "Девочка не кушая нет, не есть", т.е. "кушает"). Представлены случаи использования различных средств для усиления и ослабления степени отрицания. Путем повторения первичной основы производных глаголов отрицанию придается категоричность или явное неодобрительное отношение к исполнению действия, ср.: *Нуни ил лукӀхӀелуклас* "Я это ни за что не напишу". Еще более категорично выражается отрицание путем использования частицы *-ал*, которая присоединяется главным образом к первичной основе глагола, ср.: *лукӀал хӀелуклас* "ни в коем случае не напишу". Возможно присоединение данной частицы и к провербам, ср.: *самхӀехис* "не принесу" и *самал самхӀехис* "не принесу" (более категорично).

Усиление отрицательной семантики предложения достигается и за счет использования отрицательных наречий, местоимений и других специальных слов, ср.: *Ил чинапра архӀякъян* "Он никуда не пойдет"; *Иличила чинилпра хӀебала* "Об этом никто не узнает"; *Нешли секӀал хӀебагьур* "Мать вещь (ничего) не узнала".

Отрицание приобретает эмоциональную окраску также при помощи частицы *гьеч* "совсем", ср.: *Дудешли гьеч ца гъаяпра хӀеиб* "Отец совсем ни слова не сказал". Оттенок некатегоричности, сомнения и неуверенности придают отри-

цанию формы предположительного наклонения, различные вводные слова, частицы, ср.: *Белики, ит хIеракIес?* "Может, она не придет?"; *Нуни итичи кагъ-ар хIебелклишара?* "Может, мне ему не написать письмо?". *Неш хIераклиб вара?* "Не пришла ли мама?". Значение отрицания фактически нейтрализуется в вопросительных предложениях, ср.: *Неш хIякьяну, гьатIи, жагIял?* "Неужели мать не придет завтра?". В вопросительных предложениях неуверенно звучит и утверждение, ср.: *Неш ляркьяну, гьатIи, жагIял?* "Придет ли завтра мама?".

Характерной особенностью даргинского языка является то, что в нем функционируют специальные повторяющиеся отрицательные сочинительные союзы *я - я*, ср.: *ХъайгIиб я неш, я дудеш аги* "Дома ни мамы ни папы не было"; *Ну я итдачи, я хIушачи хIякьяс* "Я ни к ним, ни к вам не приду".

Повествовательное, повелительное, желательное и вопросительное предложения

Повествовательные, повелительные, желательные и вопросительные предложения, дифференцируемые по цели высказывания, обладают в даргинском языке рядом свойственных каждому из них семантических и формальных признаков.

В семантическом отношении *повествовательное* редложение характеризуется тем, что в нем, как правило, содержится констатация фактов. Описание или изображение предметов, людей, процессов, явлений и событий реальной действительности. В его основе лежит суждение, т.е. утверждение или отрицание чего-либо. В повествовательном предложении в отличие от повелительного и желательного предикативность выражается формами индикатива, глаголами-связками и лексемами *агара* "нет", *ахIен* "нет, не является", *леб* "есть, имеется", ср. *ХIяб-рала мякIлаб Багъадурра риштIаси рурсирацун калун* (ГI.А.) "У кладбища только Багадур и маленькая девочка остались"; *Наб гIягIнили ахIен*, букв. "Мне надо нет", т.е. "не надо"; *Наб авара агара*, букв. "Мне дело нет", т.е. "Меня не касается"; *ГIязабла бархIи сабри ил*, букв. "Мучительный день был этот" (М.-Р.).

Слагаемые модально-синтаксической стороны побудительного предложения в основном реализуется в виде:

а) поручения выполнить то или иное действие, ср.: *Хлуша жагялпра иша цаладикирая* "Вы и завтра здесь собираетесь";

б) просьбы, ср.: *Дила дигуси, укьен Мухтар-азици вявъя* "Мой любимый, иди и позови дядю Мухтара";

в) призыва, приказа, ср.: *Гъари, айзи, кеца, нушаб гелевад вашен! Къалабаики, ихабти шакбикайчи!* (А.-Б.) "Вставай, щенок, иди за нами! Поторопись, пока тамошние не заметили!";

г) совета и предостережения, ср.: *Вари, хлу ила мякъяд!* "Смотри, ты не ходи туда!".

На формально-грамматическом уровне побудительное предложение отличается от других своими собственными средствами оформления, основным из которых является форма повелительного наклонения, ср.: *Цлуба урчи хлядурбара, гъари* (А.Б.) "Приготовь-ка белую лошадь". Побудительное наклонение нередко включает в свой состав специальные побудительные частицы, придающие повелению оттенки различной степени (смягчения, корректности, категоричности и т.д.). Подобными частицами являются *-гу, гъари, вари, гъари*, ср.: *Барагу хлечи хъарбарибси* "Сделай-ка то, что тебе поручили"; *Хлура ваши, гъари, нушачи* "И ты приходи, пожалуйста, к нам"; *Вари, ита мякъяд* "Смотри, туда не ходит"; *Гъари, хлура ваши иша* "А ну-ка, и ты иди сюда".

Обладают побудительным значением и частицы обращения: к мужчине (*ва!* и *эй!*, ср.: *Ва, Мухтар! Эй, Муса*) и к женщине (*жав!*, ср.: *жав, Патимат!*).

В функции побудительной частицы в даргинском языке выступает и форма повелительного наклонения глагола *даширая* "идите" (*ваши* - I кл., *раши* - II кл. "иди") в сочетании со смысловым глаголом индикатива в форме мн. ч. I л. будущего времени, ср.: *Даширая, базарличи аркъехле* "Давайте, пойдем на базар!" *Ваши, нушара аркъехлену* "Давай и мы пойдем!". Побудительная семантика заключена также в предложениях, где сказуемое выражено сочетанием формы повелительного наклонения глагола *вати* (I кл.) "оставь", *рати* (II кл.), *бати* (III кл. ед.ч. и I и II кл. мн.ч.), *дати* (III кл. мн.ч.) с инфинитивом каузативной формы изъявительного наклонения, ср.: *Зухра рати луклахъес* "Оставь

Зухру писать", т.е. "чтобы писала". Выражение побуждения формой инфинитива обычно встречается в переводной с русского языка литературе и мало употребительно в даргинском языке. В разговорной речи значение побуждения выражается и при помощи так называемых глагольных междометий типа *лех!* "тише!", т.е. "молчи", *дуц!* "беги", *тлаш* "стоп!" и т.д.

В качестве подлежащего побудительного предложения выступают местоимения второго лица, которые, как правило, опускаются. Но вместе с тем, смысловой субъект в побудительном предложении может быть представлен в виде обращения, ср.: *Ва дила узби-уршби, ишдала макруличи лех!майхъудая!* (А.Б.) "Мои родственники, не слушайте их хитрости!". Довольно часто в модель побудительного предложения оформляются даргинские пословицы и поговорки, ср.: *Жявли калхъен - жявли алзен!* "Рано ложись, рано вставай!"; *Хлед хлейгуси урх!лисра мабирид* "То, что тебе не нравится, не делай другому".

Желательное предложение содержит в себе желание говорящего, чтобы исполнилось то или иное действие. В сферу же желательного предложения входят структурно и семантически разнородные формы, связанные с выражением определенных разновидностей желания.

По своему значению пожелания могут быть выражены в виде доброжеланий, благожеланий, мечтаний и зложеланий, т.е. в формах здравниц, заклинаний и проклятий.

Основным способом выражения всех этих разновидностей пожелания в даргинском языке является форма специального желательного наклонения. Отмечаются две разные формы: а) форма, равная первичной основе глагола (ср.: *вак!* "чтоб ты пришел!" и *вак!-ес* "прийти", *вак!-иб* "пришел" и т.д.) и б) форма со специальным показателем желательного наклонения, который варьируется по лицам в виде *=ас* (1 л. ед.ч. "чтоб я пришел!" или "пусть я приду!"); *=аби* (2 л. ед.ч.), ср. *х!у вак!-аби* "пусть ты придешь!" или "чтоб ты пришел!"; *=аб* (3 л. ед.ч.), ср. *ит вак!-аб* "пусть он придет!" или "чтоб он пришел!".

Как отмечается в специальной литературе [1: 54], предложения с первой формой оптатива желание выражают относительно более категорично, ср.: *Сай аллагъли ват!* "Чтоб бог его сохранил!" или "Да сохранит его бог!" и *Аллагъли ватаб сай* "Пусть бог сохранит его!". Модели желательного предложения широ-

ко используются в разговорной речи даргинцев, где говорящий выражает свое доброжелание и зложелание по отношению к тому или иному случаю и явлению в жизни, ср.: *Xly araxlyuklyuli чарухъ!* "чтоб ты здоровым и довольным вернулся!"; *Xlela някъби деръ!* "Чтоб отсохли твои руки!". Использование желательных предложений создает особо эмоциональный стиль в поэзии. Формами желательного наклонения широко пользовался первый классик даргинской поэзии О. Батырай. В отличие от побудительных предложений использование личных местоимений в желательных предложениях является обязательным и при этом местоимения могут быть оформлены в разных падежах, ср.: *Xlela дудеш ургъ!* "Чтоб твой отец был здоров! (Р.п.); *Xlechi азир гых! дак!* "Чтоб к тебе тысяча добр пришло" (латив); *Xled хылапал дихъ!* "Чтоб (все) тебе на здоровье было!"; *Ну жявли ребк!* "Чтоб я быстрее умерла"; *Сай мурадличи ваъ!* "Чтоб он достиг цели!" и т.д. Помимо отмеченных конструкций для выражения пожеланий могут быть использованы и другие. Так, например, для выражения пожелания в виде мечтаний широко употребляется форма условно-предположительного наклонения [Мусаев 1983а: 71], ср.: *Жагълап дила дудеш вакълап!* "Завтра пришел бы мой отец!".

Специфическую семантику и структуру имеет каузативное предложение даргинского языка. Значение каузативного предложения заключается в том, что в нем констатируется факт совершения действия субъектом под воздействием другого субъекта. Средством выражения каузативной семантики является сказуемое, выраженное каузативной формой глагола, которая образуется при помощи суффикса *-ахъ* от любого, кроме вспомогательных (*ах/ен* "нет, не является", *саби* "есть, является") глагола. Структурной характеристикой каузативного предложения является то, что в последнем реальный субъект действия оформляется лативом, а подлежащее - эргативом, ср. *Нуни дудешлизи ит макъала белч!ахъунра* "Я отца (заставил, чтобы он ту сатью прочитал".

По семантике и структуре фактически все виды простого предложения можно превратить каузативные, что позволяет говорить о каузативно-повествовательных, каузативно-побудительных, каузативно-желательных, каузативно-вопросительных, каузативно-восклицательных предложениях. Выделяя кауза-

тивные предложения, З.Г. Абдуллаев называет их почему-то побудительными [Абдуллаев 1971: 57-60].

По цели высказывания в содержательном плане *вопросительные* предложения отличаются тем, что говорящий стремится узнать что-либо или удостоверить в чем-либо.

В семантическом плане вопросительные предложения даргинского языка, как и других языков, подразделяются на собственно-вопросительные и вопросительно-риторические, в составе которых дифференцируются еще и общевопросительные и частновопросительные. Отличительная черта собственно-вопросительных предложений заключается в том, что они требуют ответа, тогда как вопросительно-риторические предложения не требуют прямого и обязательного ответа. Кроме того, собственно-вопросительные предложения часто встречаются в народно-разговорной речи, а вопросительно-риторические встречаются в поэзии, публицистике в докладах и речи на общественно-политические темы, ср.: *Хлушара аркьутирав мекъличи?* "И вы идете на свадьбу?" *Ишаб алклули саби суал "Чина дикиба илди арц?* Здесь возникает вопрос "Куда делись эти деньги?!" ("З.").

Общевопросительные предложения в содержательном плане характеризуются тем, что заключающийся в них вопрос предполагает утверждающий ответ (*гле* "да", *саби* "да, есть, является") или отрицающий ответ (*юх* "нет", *ах/ен* "нет, не является"), а в структурном плане - отсутствием специального вопросительного слова, ибо в таких типах предложения вопрос выражается при помощи частиц *-у(-в)*, *вара* (*-ара*, *-ра*) или интонации, ср. *Хлепа дурхля университетлив учлулив?* "Ваш сын учится в университете? *Иличила Мусани багъур, вара?* "Узнал ли об этом Муса (интересно)?" и т.д.

Без участия вопросительных слов конструируются и так называемые альтернативные вопросительные предложения, в которых говорящий предлагает собеседнику как бы выбрать один вариант ответа из нескольких возможных. Альтернативное вопросительное предложение в отличие от других заключает в себе вопрос, на который нельзя дать ответ "да" или "нет", поэтому ответ возможен только в виде конкретного слова, содержащегося в вопросе, ср.: *Хлед хлунтена дигив, шинишав?* "Ты красное хочешь или зеленое?". Как видно из

примеров, здесь ответ возможен либо в виде *хлунтлена* "красное", либо в виде *шиниша* "зеленое".

В отдельных случаях альтернативное вопросительное предложение сопровождается другим препозитивным вопросительным предложением, в котором содержится вопросительное слово, на которое тут же в вопросительной форме предлагается один из возможных ответов, ср.: *Хлэд сегъуна дигив? Шинишав яра хлунтлена?* "Ты какое хочешь? Зеленое или красное?"

В альтернативных вопросительных предложениях каждое выступающее в виде однородных членов слово, которое должно быть одним из альтернативных ответов, маркируется вопросительной частицей. Кроме того, эти однородные члены могут быть соединены разделительным союзом *яра* "или". В определенных ситуациях не исключен и такой ответ, в котором не сделан выбор и называются все варианты, ср.: *Хлунтлена дигив яра шинишав* "Красное или зеленое хочешь?". На этот вопрос возможны ответы: а) *хлунтлена* "красное"; б) *келпра* "обе"; в) *цалпра* "никакое"; г) *хлунтленара шинишара* "и красное и зеленое". Основные средства выражения вопроса в даргинском языке: вопросительные слова, частицы, междометия и вопросительная интонация. Вопросительное слово в частновопросительных предложениях характеризуется способностью относиться к любому члену предложения, ср.:

а) к подлежащему (*Чи арякьюна шибархли базарличи?* "Кто пошел сегодня на базар?");

б) к сказуемому (*Се бирули нешли?* "Что делает мама?");

в) к объекту (*Се асиба нешли хлэд?* "Что купила тебе мама?");

г) к дополнению (*Чизи буриба нешли иличила?* "Кому сказала мама об этом?");

д) к обстоятельству (*Мурт чаррухъуна неш?* "Когда вернулась мама?");

е) к определению (*Сегъунти дабри гиба илини хлушаб?* "Какую обувь дал он вам?");

ё) к именной части составного сказуемого (*Се сабри илини хлэд гибси?* букв. "Что было им тебе отданное").

Вопрос же, который ставится к глаголу, как и в других языках, в даргинском состоит из местоимения *се?* "что?" и вспомогательного глагола, *бирес* "делать" в форме того или иного времени и лица, ср.: *Даг хлуни се барри?* "Вчера ты что делал?" *ЖагIял хлуни се бирида?* "Завтра ты что будешь делать?".

Частновопросительное предложение в даргинском языке может строиться и другими способами - сочетанием вопросительного слова с вспомогательным глаголом и превращением основного глагола-сказуемого в причастную форму, ср.: *Чи сайри ишбархIи базарличи арякьунси?* Букв. "Кто был сегодня на базар ушедший?"; *Чизи сабри хлуни бурибси?* Букв. "Кому было тобою сказанное (т.е. сказано)?".

Первое предложение равно предложению "Кто пошел сегодня на базар?", второе - "Кому ты сказал?". Сочетание "вопросительное слово + вспомогательный глагол в речи часто используется и в стяженной форме виде "вопросительное слово + личные окончания *-ри* (2 л. ед.ч.), *-ра* (2 л. мн.ч.) или показатель прошедшего времени *-ри*, ср. *Чичил сайри хлу гъайикIуси?* Букв. "С кем есть ты говорящий?", т.е. "С кем ты разговариваешь?" и *Чичилпри хлу гъайикIуси?* "С кем ты разговариваешь" или *Чичилпра хлуша гъайдикIути?* "С кем вы разговариваете?"; *Мурт сайри хлу ила вякьунси?* букв. "Когда было ты туда поехавший?", т.е. "Когда ты туда поехал?" и *Муртри хлу ила вякьунси?* (перевод тоже самое, что и в первом случае).

Вопросительное предложение оформляется при помощи вопросительных частиц *-у(-е)*, *-а*, *-вара(-ара, -ра)*, прибавляемых к сказуемому. Частица *-у* прибавляется к словам с согласным исходом, а ее вариант *-е* - к словам с гласным исходом, ср.: *Неш ракибу?* "Мама пришла?" и *Жуз хIед балтав?* "Книгу тебе оставят?". В случаях, когда сказуемое является составным или выражено аналитической формой глагола, вопросительная частица может присоединяться к основной части, и при этом опускается связка, ср.: *ХIушала унра тухтур ахIену?* "Ваш сосед не является врачом?" и *ХIушала унра тухтуру?* (то же самое); *Рурси рукули сарив?* букв. "Девочка кушая есть?" (т.е. "кушает?") и *Рурси рукулив?* (то же самое).

Вопросительное предложение, образованное при помощи частицы *вара*, характеризуется сомнением в получении положительного ответа, ср.: *Аминат-ли иличила багъур вара?* "(Интересно) Аминат об этом узнала?" В случае, когда

частица *вара* примыкает к слову с гласным исходом, то она может и сокращаться в виде *-ра*, ср.: *Аминатли иличила балулира?* (< *балули вара*). "(Интересно) знает ли об этом Аминат?". После слов же с согласным исходом *вара* может принять и форму *-ара*, ср.: *Вакуб вара?* и *Вакубара?* "Пришел ли?". Вопросительная частица *-у(-е)*, как правило, не используются в предложениях, содержащих вопросительные слова. В таких предложениях, однако, может быть использована частица *вара (-ара, -ра)*, ср.: *Чина аркьули вара ит?* "(Интересно) куда же он идет?". Довольно своеобразно использование частицы *-а* в вопросительных предложениях. Она функционирует только совместно с вопросительным словом в составе сказуемого на согласный исход, ср.: *Илди чина арбякьуна?* "Они куда пошли?"; *Хлушачи чи ваклиба?* "Кто к вам пришел?"; *Хлечи жажлял чи льякьяна?* "К тебе завтра кто придет?"; *Чи луклули ахлена?* "Кто не пришел?" и т.д.

Частица *-а* может выполнить и функции связки, присоединяясь к основной части составного сказуемого, ср.: *Чила жуза иш?* "Чья это книга"; *Чила хлянчи халала?* "Чья работа большая?"; *Чила команда цаибила?* "Чья команда первая?". Подобные предложения могут функционировать в речи и со связкой. В таком случае частица *-а* используется только в связках с согласным исходом, ср.: *Чила жуз саби иш?* Букв. "Чья есть эта книга?" (т.е. "Чья эта книга?") и *Чила жаваб дилаунгъа ахлена?* "Чей ответ не такой, как мой?". Частица *-а* может присоединиться также к вопросительному слову или связке, ср.: *Чинава хлела узи?* "Где твой брат?" (< *Чинав сая хлела узи?* Букв. "Где есть твой брат?").

Вопросительная семантика присуща и специальным вопросительным междометиям даргинского языка *гъа?! гьу?! я?!* Они как бы усиливают вопрос (ср.: *Хлуни се бирулри, гъа?! "Что ты делаешь, а?!"*) и замещают вопрос типа русского "Что вы сказали, а?!" ("Не понял Вас!").

В даргинском языке распространена еще одна разновидность выражения вопроса. Речь идет о случае выражения вопроса сочетанием отрицательной формы предположительного наклонения вспомогательного глагола *визс* "быть" с причастной или деепричастной формой основного глагола, ср.: *Рахли ит вявиклули хлейэс?* "Не орет ли он?"; *Нура ила льякьуси хлейиша?* "Не должен ли и я туда придти?". Как видно из примеров, в таких предложениях вопрос пред-

ставлен в виде простого желания говорящего совместно с собеседником выяснить что-либо. В даргинском языке нередко вопрос может быть выражен одной интонацией без участия словесно выраженных средств. В семантическом отношении такой вопрос характеризуется тем, что когда говорящий либо не понял, либо не расслышал сообщаемое, либо желает удостовериться в правильности своего пожелания, или хочет выразить свое удивление, недовольство, задает уточняющие, так называемые "эхо" вопросы. Подобные вопросительные предложения, как правило, встречаются в диалоге и зачастую бывают неполными, ср.:

- *Ишбархли нушачи Амир вакиб* "Сегодня к нам Амир приехал".

- *Амир вакиб?! "Что) Амир пришел?!"* (переспрашивает).

Вопросительное местоимение *чи* "кто?" в даргинском языке не маркировано классными показателями, и поэтому, когда не известен пол, с ним сказуемое выступает в форме первого класса (ср.: *Чи вакиба хлушачи?* "Кто к вам пришел?"), и это, несмотря на то, что в ответе может быть названа личность женского пола (ср.: - *Чи вакиба?* "Кто пришел?" - *Неш "мама")*.

Специфические структурные особенности отмечаются в сложном вопросительном предложении, ср.: *Ит вакалли сайриг, хлу нушачи льякьуси?* "Только тогда к нам придешь, если он придет (значит), да?"; *Ит вакибхлелириг, Патимат разириубси?* "Патимат обрадовалась, значит, после его прихода, да?"; *Ит вакибхлели, разириубси Патимат сарриг?* "Тем, кто обрадовался, когда он пришел, была Патимат, да?".

Как видно из примеров, вопросительные частицы могут быть представлены как в главном, так и в придаточном предложении, смотря где находится слово, которому адресуется вопрос. В сложном предложении, как и в простом, вопросительная частица может примыкать к смысловой части составного сказуемого, вытеснив связку, ср.: *Ит вакибхлели сарриг, Патимат разириубси?* "После того, как он пришел, обрадовалась Патимат" и *Ит вакибхлелириг, Патимат разириубси?* (значение тоже самое). Здесь надо обратить внимание и на то, что в таких сложных вопросительных предложениях сказуемое главного предложения выражается причастной формой, в то время как в невопросительных оно выражается личновременной формой, ср.: *Ит вакибхлели, Патимат разириуб*

"Когда он пришел, Патимат обрадовалась" и *Ит ваклибхлелилириив, Патлумат разириубси?* "Тогда образовалась Патимат (да?), когда он пришел?".

Восклицательное предложение. По характеру интонации и выполняемой ею функции в даргинском языке, как в других языках, особо выделяются предложения восклицательной интонации, в которых выражение мысли сопровождается эмоционально окрашенным отношением говорящего к своему высказыванию: восторгом или гневом, восхищением или возмущением, радостью или огорчением, поощрением или презрением, нежностью и грубостью, призывом, страхом и т.д. Ср.: *Сен жагасил?! "Какая же красивая?!"*; *Цлахдеш! "Позор! Позор!"*; *Къалабали ваши иша! "Иди сюда быстрее!"*.

К основным средствам выражения эмоционального отношения говорящего к своему высказыванию относятся междометия, частицы, модальные слова, вопросительные местоимения и различные морфологические формы глагола.

В даргинском языке восклицательные предложения характеризуются специфическими особенностями конструкции. Выделяются следующие структурно-семантические типы восклицательного предложения:

1) восклицательное предложение, сказуемое которого выражено смысловой частью составного сказуемого или аналитических глагольных форм, ср.: *Хлера, итди лябкьули! "Вот, они идут!"*; *Хлера, иш Муса! "Вот это Муса!"*;

2) восклицательное односоставное назывное предложение, ср.: *Баркаллагь хлуша лебтасалра! "Спасибо вам всем!"*;

3) восклицательное предложение с вопросительными словами ср.: *Чум адам леба, гъатли, ишаб?! "Сколько же людей здесь имеется?!"*;

4) восклицательное предложение, сказуемое которого выражено формой 3 л. допускаемо-желательного наклонения. Оно обычно употребляется в лозунгах и доброжеланиях, ср.: *Арабираб нушала Ватлан! "Да здравствует наша Родина!"*; *Дерхъаб хлушала мухъи, багъадур еанашикунт! (Б.) "Да уродится обильный урожай у вас, ванашихинцы-молодцы!"*;

5) восклицательные предложения, осложненные частицами *-гу, -деш, -ну, кьадин, кьалли* и т.д., ср.: *Урши висулигу!* "Ребенок плачет же!"; *Увацли, машина лябкьулину!* "Отойти, машина идет!"; *Их уршила висудеш!* "(Ох) плачет этот мальчик!"; *Хлэкили кьалли сай!* "Лучше бы он не пришел!"; *Ит хъайглив агара кьадин!* "(Как жаль, что) его дома нет!";

6) восклицательные предложения, осложненные различными междометиями или модальными словами, ср.: *Агъ, се гяхиса бутаура?!* "О, как хорошо случилось!";

7) восклицательные предложения, в которых проклятие, доброжелание выражается формой желательного наклонения, масдаром или особым причастием будущего времени во мн. числе, ср.: *Хлела уркила мурад баъ!* "Чтоб твоего сердца желание исполнилось!"; *Хлуша жявли дебкларти!* букв. "Вы быстро умрете!", т.е. "Чтобы вы быстрее умерли!"; *Хлуша хлулдугарти!* "Чтобы вы обрадовались!"; *Иш уршила висни!* "Как плачет этот мальчик!" (букв. "Этого мальчика плакание!")

8) восклицательные предложения, выраженные междометными словами, ср.: *Лех!* "Молчи!"; *Тлаш!* "Стоп!" и т.д.

9) восклицательные предложения, сказуемое которых выражено инфинитивом, ср.: *Гъай урасес!* букв. "Разговоры убрать!", т.е. "Прекратить разговоры!".

Члены предложения

По существующей лингвистической традиции в даргинском языке в качестве членов предложения выделяют подлежащее, сказуемое, объект, дополнение, определение и обстоятельство, которые в свою очередь объединяются в две группы: главные и второстепенные. Членами предложения, как правило, бывают полнозначные слова, входящие в состав предложения в качестве его непосредственно составляющих элементов. Иногда к полнозначному слову может примыкать и служебное (послелог или частица), в сочетании с которым полнозначное слово выступает как один член предложения.

Главные члены предложения

К главным членам в даргинском языке относятся подлежащее, сказуемое и объект.

Подлежащее

В логическом и семантическом понимании подлежащее - это субъект действия, предмет, о котором говорится, дается информация в предложении. Подлежащее даргинского языка характеризуется рядом своеобразных грамматических особенностей. В отличие от подлежащего индоевропейских языков подлежащее даргинского языка, как и других кавказских языков, нельзя назвать в буквальном смысле слова грамматически независимым членом предложения, ибо то, каким падежом оно должно быть оформлено, зависит от семантики глагола-сказуемого, в силу чего подлежащее в даргинском языке маркируется формами именительного, эргативного, дативного и родительного падежей. Более того, в эргативной конструкции сказуемое не согласуется в классе и числе с подлежащим, в ряде случаев не согласуется даже в лице.

Именительном падежом подлежащее оформляется в предложениях номинативной конструкции, где сказуемое выражено непереходным глаголом, ср.: *Неш базарличи аррякун* "Мама пошла на базар"; *Урши усули сай* "Мальчик спит" и т.д. В подобных предложениях подлежащее и сказуемое связываются путем координации: в классе, числе и лице сказуемое согласуется с подлежащим; падеж подлежащего обусловлен интранзитивной семантикой сказуемого и оформляется им. падежом.

Непереходные глаголы даргинского языка довольно разнообразны по своей семантике. К ним относятся глаголы, выражающие состояние, процессы, эмоции, движение, занятия, звучание, совместную деятельность (*бургъес* "воевать"), "покой" и т.д.

В эргативном падеже подлежащее оформляется в предложениях переходной конструкции, где сказуемое выражено транзитивным глаголом, ср.: *Нешли хлева бирциб* "Мама постирала сорочку"; *Дудешли машина сабукиб* "Папа машину привел".

В предложениях в классе и числе сказуемое согласуется, не с подлежащим, а объектом (прямым дополнением), а в лице с подлежащим. То, что само подлежащее стоит в форме эргатива, зависит от транзитивности глагола-сказуемого.

Транзитивные глаголы даргинского языка принадлежат к следующим семантическим группам:

а) глаголы, обозначающие обработку объекта, воздействие на него (бацес "вспахать", бигес "сжечь", бирзес "дойти" и т.д.);

б) глаголы с общими значениями "создавать", "разрушать", "брать", "отдавать";

в) глаголы, выражающие каузацию изменения физического состояния (разиварес "обрадовать", ванабарес "подогреть", белхьес "сварить" и т.д.);

г) глаголы, выражающие каузацию движения объекта (сабукус "привести");

д) глаголы информации (бурес "сказать");

е) глаголы, обозначающие принятие пищи (ужес "пить", беркес "есть" и т.д.).

Подлежащее, оформленное в дательном падеже, отмечается в аффективной конструкции предложения, где глагол-сказуемое выражено глаголами чувственного восприятия, ср.: *Наб дала неш дебали дигахъис* "Я очень люблю свою маму" (букв. "Мне моя мама люблю"). Аффективных конструкций в даргинском литературном языке очень мало. Несколько больше их в диалектах.

Глаголы *леб* "есть, быть, имеется", *агес* "нет, не быть, отсутствовать, не иметь", управляя подлежащим (субъектом), оформляют его в родительном падеже и создают нередко также трехсоставную посессивную конструкцию предложения, ср.: *Нушала унрала машина теб* "Наш сосед имеет машину" (букв. "Нашего соседа имеет машина"); *Дудешла машина агара* "Отец не имеет машину" или "У отца нет машины" (букв. "Отца машину не имеет"). В роли подлежащего выступают, как правило, существительные и местоимения. Но не исключены случаи выражения подлежащего и другими частями речи, в том числе и глаголом, ср.: *Или виклес селра ахлен* "Так говорить ничего не значит".

По своей структуре подлежащее бывает простым и составным. Если оно выражено одним полнзначным словом (с частицей или без нее), то оно является простым; а если представлено двумя или более знаменательными словами, то оно именуется составным, ср.: *ИшбархIи урхьу ряхIятли саби* "Сегодня море спокойно" (*урхьу* "море" - прос. подл.) и *Нушачибад Каспи урхьу гьамли саби* "От нас Каспийское море близко" (*Каспи урхьу* "Каспийское море" - сост. подл.).

Благодаря личным окончаниям, представленным в сказуемом, подлежащие, выраженные местоимениями первого и второго лиц, могут быть представлены в даргинском языке и имплицитно, ср.: *Илав шел дус узаси* "Там (я) пять лет работал"; *Илав шел дус узади* "Там (ты) пять лет работал".

Объект

В учебной и научной литературе по даргинскому языку, помимо подлежащего и сказуемого, принято выделять еще третий главный член, выражая его термином *объект*, который в функционально-грамматическом отношении соответствует прямому дополнению русского языка. Квалифицировать объект как главный член позволяет своеобразие синтаксической связи между сказуемым и именными членами предложения, которые в даргинском языке в отличие от ряда кавказских языков проявляют координацию в виде управления и согласования в классе, числе и лице.

Объект отмечается исключительно в эргативной, дативной и посессивной конструкциях предложения и с ним в классе и числе согласуется сказуемое, которое в свою очередь управляет объектом, требуя оформления его именительным падежом, ср.: *Нуни газета белчIунра* "Я прочитал газету"; *Наб ватIан бигахьис* (диал.) "Я родину люблю" (букв. "Мне родина люблю"); *Аминатла хIябал дурхIя леб* "Аминат имеет троих детей".

В случаях, когда в качестве объекта выступают личные местоимения, сказуемое с объектом согласуется и в лице, ср. *Итини ну вагьурра* "Он меня узнал"; *Итини хIу вагьурри* "Он тебя узнал" и *Итини неш рагьур* "Он узнал маму".

Объект выражается теми же частицами речи, что и подлежащее и так же, как и подлежащее по структуре может быть простым и составным.

С точки зрения развития языка особый интерес представляют случаи инкорпорирования исторического объекта в состав сложного глагола типа "имя + вспомогательный глагол *барес* "сделать" / *бирес* "делать, ср.: *Мухтарли илала глергъи члумали яхIбариб* "После этого Мухтар твердо постарался" (букв. "твердо терпение/старание сделал"); *Нуни нешлис кумекбарра* "Я помог маме" (букв. "помощь сделал") и т.д.

Сказуемое

В кавказских языках, к которым относится и даргинский, сказуемое является основной организующей силой всего предложения, так как от семантики глагола-сказуемого зависит структурный тип предложения. В функционально-семантическом отношении сказуемое - это главный член предложения, наделенный предикативными признаками, т.е. выражающий действие, состояние или свойство их носителя, который назван другим главным членом - подлежащим.

Между сказуемым и подлежащим наблюдается формальное уподобление. В предложениях номинативной конструкции сказуемое и подлежащее согласуются в классе, числе и в лице (ср.: *Рурси рускаун* "Девочка заснула"), в предложении же эргативной конструкции - в лице (ср.: *Нуни дурсри дучIулра* "Я учу уроки"). Возможны случаи, когда такое уподобление не отмечается, что и наблюдается при условии, если сказуемое, выражено словом, не способным изменяться по классам, числам и лицам, ср.: *ИтхIели ил Мусачив калири* "Тогда он оставался у Мусы". По своей структуре сказуемое может быть простым или составным. Простым традиционно считается сказуемое, состоящее из одного слова, а составным - из двух. Различается глагольное, именное и наречное сказуемое. Простое глагольное сказуемое выражается формами изъявительного, повелительного, желательного, допускаемого-желательного, условного, уступительного и других наклонений, ср.: *Къади Сулла гIяхIцадла къалабали арякIун* (А.-Б.) "Кади Сулла слишком быстро ушел"; *Чердерхирая, хIурматла гIяхIли!* (А.-Б.) "Простите, уважаемые гости"; *ХIу аллагIли разиваркI!* "Чтоб тебя аллах обрадовал!"; *ХIушалара мурад бааб! - иб Зурабли* (А.-Б.) "Пусть и вы достигните цели!", - сказал Зураб.

Составное глагольное сказуемое выражается двумя самостоятельными глагольными словоформами, одна из которых является формой смыслового глагола, а другая - вспомогательного глагола. В качестве смысловой части глагольного составного сказуемого в даргинском языке выступают деепричастие, причастие, масдар и инфинитив, а в качестве вспомогательного глагола - связки, различные фазовые, модальные и другие глаголы.

Отмечаются следующие формы и способы выражения составного глагольного сказуемого:

1) сочетания с деепричастием вспомогательных глаголов-связок, ср.: *Итди ишбархи бузули ахӀен* "Они сегодня не работают" (букв. "Они сегодня работая нет");

2) сочетания с причастием вспомогательных глаголов, ср.: *Итди ишбархи бузути саби* "Они сегодня работают" (букв. "Они сегодня работающие есть или являются");

3) сочетания с масдаром вспомогательного глагола, ср.: *Илгъуна замана бегӀлара гӀяхӀси лехӀкахъни саби* "В такое время самое хорошее - молчание" (букв. "молчание есть");

4) сочетания с инфинитивом вспомогательного глагола, имеющего различные модальные значения, желания, стремления, процесса мысли и т.д., ср.: *Узини ил масъала арзес хӀейуб* "Брат не смог решить эту задачу"

Широко распространены и различные виды составного именного сказуемого, состоящего из именной части и вспомогательного глагола. Подобное сказуемое может быть выражено:

а) сочетанием имени существительного со связкой, ср.: *ИтхӀели ну букӀун сайри* "Тогда я был чабаном";

б) сочетанием имени прилагательного со связкой, ср.: *Илдада кьял цӀудара саби* "Их корова черная" (букв. "черная есть");

в) сочетанием имени числительного со связкой, ср.: *Гъалаб илдада юрт цаибил бири* "Раньше их дом был первый"; *Ишарти жузи шел сари* букв. "Здесь книги пять есть";

г) сочетанием местоимения со связкой, ср.: *Итала жуз ил ахӀен* "Его книга не эта" (букв. "эта нет").

Именная часть составного сказуемого может функционировать в любой падежной форме или в виде послеложной конструкции, ср.: *Ишбархли дудеш вацализив сай* "Сегодня отец в лесу" (букв. "в лесу есть"); *Рурсби школа гьалаб саби* "Девушки перед школой (находятся)" (букв. "Девушки школы впереди есть").

Смысловая часть наречного составного сказуемого естественно выражается наречием, примкнувшим к глагольной части (связке), ср.: *Ишбархли дураб вана-ли саби* "Сегодня на улице тепло" (букв. "тепло есть"); *Иш юрт итичиб ахъли саби* "Этот дом выше того" (букв. "выше есть").

В роли связки в даргинском языке выступают классная лексема *саби* (*сай, сари*) "есть, является" и отрицательная связка *ахлен* "нет, не является", которые имеют личные и временные (прошедшего и настоящего) формы.

Нередко в качестве глагольной части составного именного и наречного сказуемого выступают и отдельные знаменательные глаголы, например, такие, как *бизс* "быть", *калес* "остаться", *баргес* "найти", *леб* "есть, имеется", *балан* "значит", *бик/ар* "называют", *уббухъес* "оказаться" и др., ср.: *Иш замана дудеш газетали учлули виар* "В такое время отец обычно газету читает" (букв. "газету читая бывает"); *Илди гъанна бузули бургар* "Они сейчас (наверное) работают" (букв. "работая найдутся") и т.д.

Наличие связки в составном сказуемом для даргинского языка, как и для других дагестанских, является типичным. Однако возможны и случаи ее опущения. Это отмечается в следующих случаях:

1) в восклицательных предложениях, ср.: *Неш ляркьули! Неш ляркьули!* "Мама идет! Мама идет!";

2) во второй части сложносочиненного предложения, ср.: *Аминат тухтур сари, Салимат - учительница* "Аминат - врач (есть, является), Салимат - учительница";

3) в однородных составных сказуемых, ср. *Арслан гях/сира сай, жагасира* (букв. "Арслан хороший есть и красивый") или *Арслан гях/сира жагасира сай* (букв. "Арслан хороший и красивый есть");

4) в интонационно особо оформленном предложении, ср.: *Ну - учитель, х/у - тухтур!* "Я - учитель, ты - врач!" (мол, зачем эти разговоры).

Связка опускается и в случаях, когда она оформлена личными окончаниями или показателем прошедшего времени. В подобных обстоятельствах связка опускается, а к смысловой части составного сказуемого примыкают личные окончания или показатель прошедшего времени, образуя при этом как бы стяженные формы составного сказуемого, ср. *Итхлели Асхляб илав учительри* "Тогда Асхаб там был учителем" (< *Илхлели Асхляб илав учитель сайри* "Тогда там Асхаб был учителем"); *Ну учительра, хлу тухтурри* (< *Ну учитель сайра, хлу тухтур сайри*) "Я являюсь учителем, ты являешься врачом".

Типичным является в даргинском языке опущение связки и в вопросительном предложении, ср.: *Неш рузулив?* букв. "Мама работая?" (т.е. "работает?"); *Секьяйда учлули хлушала урши* букв. "Как учась ваш сын?" (т.е. "учится"). При опущении связки вопросительная частица присоединяется к смысловой части составного сказуемого, ср.: *Хлела узи тухтуру?* "Твой брат врач?" и *Хлела узи тухтур саю?* "Твой брат врачом является?".

Составное сказуемое может конструироваться не обязательно только из двух самостоятельных слов, но и из двух, трех и более, ср.: *Ну илав узули вируси сайри* букв. "Я там работая бывающим был"; *Дила узи хлуршачив учитель вируси сайри* букв. "Мой брат у вас учителем бывший был", т.е. "учителем был".

Второстепенные члены предложения

К второстепенным членам предложения в даргинском языке, как и в других, относятся дополнение (косвенное), определение и обстоятельства. Как правило, дополнение и обстоятельства поясняют сказуемое, а определение - подлежащее и объект. Но при этом определение нередко поясняет и второстепенные члены, выраженные именными частями речи.

Обилие разных падежных форм, наличие категории грамматических классов и широкое функционирование послелогов нередко обуславливает своеобразие выражения второстепенных членов предложения в даргинском языке, на чем небезынтересно остановиться.

Определение даргинского языка как и других языков обычно выражается прилагательным, причастием, числительным, местоимением, существительным в генитиве. Но в ряде случаев выражается и несколько нетипичными способами. Одним из таких способов является выражение определения формой им. п. существительного и ряда других косвенных падежей, помимо генитива, ср.: *Ихтиюрти камли ахли бекі хіякимтанира дульули сари* ("З") "Законы нередко нарушают и главные начальники" (букв. "голова начальники"); *Шагьарлизи гьуни ишад ахлен* "В город дорога не отсюда". Другим своеобразным способом выражения определения является сочетание имени с употребительной частицей -гьуна со значением "такой, как" и сравнительной частицей -цад "так как" или "столько, как", ср: *Нушалагьуна ши чинабалпра агара* "Такое, как наше село, нигде нет"; *Хлуни унцад къяна бурри* "Ты высказал такую ложь, как был".

Широко распространено в даргинском языке определение, представляющее собой адъективированную форму того или иного падежа или послеложную конструкцию в сочетании с суффиксами прилагательного -си (ед.ч.) и -ти (мн.ч.), ср.: *Ит столличибси жуз дила саби* букв. "На том столе книга моя есть", т.е. "Книга, что на том столе, моя" или "На том столе находящаяся книга моя"; *Редакциялизибадси кагьар нуни директорлизи бедира* "Письмо, что из редакции, я директору отдал" (букв. "из редакции-шнее"); *Музала геларти хьуми нушала сари* "Пашни, что за холмом, наши" (букв. за холмом-шние поля").

Многие определения даргинского языка в классе и числе согласуются с определяемым словом, ср.: *Биштлиати дурхлини дураб тлама-гьамали бирули саби* "Маленькие дети шумят во дворе". Иногда наблюдается двойное согласование в числе: при помощи классно-числового показателя и специального показателя числа. В приведенном предложении определение *биштлиати* "маленькие" согласуется со словом *дурхлини* "дети" в числе при помощи префиксального классно-числового показателя б- и при помощи суффикса мн. числа -ти.

Приложение как своеобразная разновидность определения, не только поясняющего предмет, но и дающего ему новое дополнительное наименование, может быть выражено собственным именем (*Терек хлерк* "река Терек"); словами, обозначающими профессию (*уста Мухтар* "мастер Мухтар"), должность (*директор Глуса*), родственные отношения (*рузи Муслимат* "сестра Мусли-

мат"); возвратным местоимением (*сай Арслан вакаб* "Пускай сам Арслан придет!"). **Дополнение** даргинского языка как второстепенный член предложения, выражающий предметно-процессное отношение посредством комплетивной связи обычно выражается существительным в косвенном падеже. В связи с тем, что прямое дополнение, выражаемое именительным падежом, в даргинском языке квалифицируется как главный член, с которым согласуется сказуемое, дополнения не делятся на прямые и косвенные.

Дополнение в даргинском языке, как и в других языках, выражается формами косвенных падежей, отвечающими на падежные, а не наречные вопросы. Так, например, форма эссива на *-зи* в даргинском языке выступает в роли дополнения, когда она отвечает на вопросы эссива *чизи?* "в кого?" или *селизи* "во что?", ср.: *Хіела жуз нуни нешлизид бедира* "Я твою книгу маме отдал" (кому отдал?). А в таком предложении, как *Нуша ваццализи аркьулра* "Мы идем в лес" форма эссива *ваццализи* "в лес" отвечает на вопрос *чина?* "куда?". Следовательно, в первом предложении форма эссива является дополнением, а во втором - обстоятельством.

Предметно-процессные отношения, выражаемые дополнением, имеют весьма своеобразные особенности на формально-грамматическом уровне, обусловленные спецификой многопадежной системы даргинского языка. Как правило, дополнение, в отличие от подлежащего и объекта, лишено грамматически выраженной координации сказуемого. Однако же дополнение, оформленное инструменталисом, эссивом и аблативом, согласуется в классе и числе с подлежащим в номинативной, а в эргативной и дативной конструкциях - с объектом. При помощи классно-числового показателя по-особому оформляется дополнение, если в предложении подлежащее или объект выражены личными местоимениями мн. числа. В данном случае наблюдается противопоставление первого и второго лиц третьему, ср.: *Нуша буццазирад уруххлекхле* "Мы волков не боимся"; *Хіуша буццазирад уруххкьулрав?* "Вы боитесь волков?"; *Итди буццазибад уруххкьули саби* "Они волков боятся".

При немногочисленных глаголах-сказуемых лишения дополнение оформляется генитивом, ср.: *Шара шинна бегъуб* "Пруд высох воды"; *Ваццa кцалара пяхцибуб* "Лес лишился листьев".

Отмечаются дополнения, выраженные и послеложными конструкциями, ср.: *Итала хлэкьлизиб хлуни чизилпра бурриэ?* "Об этом ты кому-нибудь сказал?"; *Ума ахлу, нушачи чилпра хлэклуб* "Кроме Умы, к нам никто не пришел"; *Хлед кьадин нуни арц дьадира* "За тебя я деньги отдал".

В современном даргинском языке выделяются **обстоятельства** места, времени, причины, цели, образа действия, сравнения и другие. Они разнообразны по составу их структурных элементов, по их лексико-грамматической выраженности. Различаются простые и составные обстоятельства.

Простые обстоятельства преимущественно выражаются наречиями, деепричастиями, именами в местных падежах или в сочетании со сравнительными частицами, а составные - различными послеложными конструкциями, фразеологическими единицами, словосочетаниями.

Обстоятельство образа действия в даргинском языке, как правило, выражается наречиями (*Муса жагали луклули сай* "Муса красиво пишет"), деепричастиями (*Илхлели Аминат рисули аррякун* "Тогда Аминат плача ушла"), падежными формами (*Гьалар арши миршли иршули дири* "Раньше хлеба жали серпом"), послеложными конструкциями (*Ил бек! гьавли кайкиб* "Он головой вниз упал").

Обстоятельство места выражается наречиями места (*Рурсби ишаб калун* "Девушки остались здесь"), деепричастиями места (*Неш рузуйхлу аррякун* "Мать пошла туда, где работает"), формами местных падежей (*Дила узи милициялизив узули сай* "Мой брат работает в милиции"), послеложными конструкциями (*Лебилпра юртла гьала тлашбизурлири* "Все стояли перед домом").

Обстоятельство времени может быть выражено наречиями времени (*Даг лебилпра хлянчилаб сабри* "Вчера все были на работе"), деепричастиями времени (*Укухлели гьайиклуси хлеблар* "Когда кушают не разговаривают"), послеложными конструкциями (*Хлери глергъи нуша вацализи дякунра* "После обеда мы в лес пошли").

Обстоятельство меры и степени выражается наречиями (*Ил дебали зигариклулри* "Он очень жаловался"; *Ну илдачи кина вякунра* "Я к ним ходил два раза"), деепричастиями (*Ну велкхайчи кьацли укурна* "Я досыта хлеб ел"), различными словосочетаниями (*Иш хянчи кел бархили барес вирар* "Эту работу можно сделать за два дня").

Обстоятельство причины выражается наречиями (*Зягилли неш хянчила хлерякун* "Из-за болезни мама на работу не пошла"), деепричастиями (*Вамсурли, селра барес хлейубра* "Уставши, ничего не смог сделать"), падежными формами (*Нушала унра ваваэлизивад вебклиб* "Наш сосед умер от холеры"), послеложными конструкциями (*Дурхины багьндан илди гымбуклиб* "Из-за детей они посорились").

Обстоятельство цели выражается наречиями (*Ну иша ити ваклибсира* "Я сюда просто так пришел"), формой дательного падежа существительных (*Нуни ил гяхидешлис барибсири* "Я это сделал ради добра"), формой инфинитива (*Иша нуша дузес заклубтира* "Сюда мы работать приехали"), послеложными конструкциями (*Цацабехи квартира багьндан ххайчи кабирули саби* "Отдельные ради квартиры женятся"), деепричастиями (*Ил арц дигули узуси сай* "Он деньги любя работает").

Уступительное обстоятельство выражается уступительными деепричастиями (*Арц дигукьы селра виклули ахлен ил* "Хотя деньги хочет, ничего не говорит он").

Обстоятельство сравнения выражается сочетанием существительного в любой падежной форме со сравнительной частицей -ван (*Ил гяраван вебшиб* "Он убежал как заяц"), послеложной конструкцией (*Нура хлу кьайда ита вашу-сира* "Я тоже как и ты туда хожу").

Сложное предложение

В даргинском языке, как и в других языках, сложные предложения по способу сочетания друг с другом входящих в них простых предложений делятся на сложносочиненные и сложноподчиненные, а по способу связи - на союзные и бессоюзные.

В сложносочиненном предложении компоненты (простые предложения) функционально равноправны и объединяются в одну единую цельнооформленную сложную синтаксическую конструкцию путем выражения друг с другом различных сочинительных отношений: а) соединительных (*Ил хабарличи неш дебели разириуб, ва уршила урши чезс уркли шагьарлизи гьуц|бухъун* (М.-Р.) "Эта новость очень обрадовала маму, и она захотела поехать в город"; противительных (*Янила каникулти ахирличи гьамдиклурли, амма русилис шилизи чаррухъес х|ейгулри* (З.З.) "Зимние каникулы приближались к концу, но девочка не хотела возвращаться в село"); разделительных (*Я х|у набчи вакли, я ну х|ечи льякьяс* "Или я к тебе приду, или ты ко мне приходи" и других - сопоставительных, градационных и присоединительных, т.е. наподобие тех, которые отмечаются в родственных аварском или лезгинском языках [Алексеев и Шейхов 1997: 97]. В составе сложносочиненного предложения могут соединяться простые предложения любой конструкции (номинативной, эргативной и дативной) или структуры (личные, безличные, неопределенно личные, односоставные, двусоставные, трехсоставные, распространенные, нераспространенные и т.д.). В тоже время нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, которое демонстрирует собой определенную специфику даргинского и вместе с этим и других родственных дагестанских языков и послужило основой длительной и продолжающейся дискуссии. Речь идет о случаях, когда при одном подлежащем (субъекте) представлено несколько сказуемых (предикатов), выраженных разными глаголами (переходными, непереходными, аффективными и др.), требующими постановки субъекта в разных падежах (в номинативе, эргативе и дативе). Дело в том, что по мнению одних исследователей подобные конструкции являются сложными предложениями, а по мнению других - простыми с однородными сказуемыми. Кроме того, повод для разногласий дают такие конструкции, где при одном носителе (субъекте) действий представлено несколько

сказуемых, выраженных переходными глаголами, но имеющих при себе разные объекты (прямые дополнения), ср.: *Илини базарличиб унц бициб ва кьял асиб* "Он на базаре продал быка и купил корову". Подобные конструкции квалифицируются специалистами также по-разному. Одни специалисты их считают сложными предложениями, а другие - простыми с однородными сказуемыми.

Отмеченное, видимо, не является случайным и напоминает встречающийся в синтаксической науке факт, когда при рассмотрении полипредикативных конструкций предпочтение отдают либо формально-грамматической стороне, либо признаку семантической сложности.

В сложноподчиненном предложении составляющие его компоненты неравноправны: один является зависимым главным (главным предложением), другой - зависимым (придаточным предложением). Сложноподчиненное предложение даргинского языка в ряде случаев заметно отличается от привычного для индоевропейских языков его понимания. В понимании и толковании грамматической природы сложноподчиненных конструкций, особенно их придаточной части существуют разные точки зрения. В дагестанских языках, в том числе и в даргинском утвердилось традиция, согласно которой придаточные предложения по их формально-грамматическим признакам принято делить на две разновидности - придаточные предложения, в которых сказуемое выражено финитными формами глагола, и придаточные предложения, в которых сказуемое выражено нефинитными формами глагола (масдаром, причастием, деепричастием и инфинитивом). При этом первые считаются полноправными придаточными предложениями, а вторые - недостаточными, не совсем полноправными. Но в то же время параллельно с подобным толкованием сложноподчиненных синтаксических конструкций в даргиноведении существует и другое толкование последних, согласно которому придаточные предложения, сказуемое которых выражено причастием, деепричастием, масдаром или инфинитивом, относят к развернутым обособленным членам предложения, не признавая их самостоятельными предложениями, в силу чего сложноподчиненные синтаксические конструкции с недостаточными придаточными предложениями следует квалифицировать как осложненные простые предложения. Так считают, например,

специалист даргинского языка З.Г. Абдуллаев [1971: 291-381] и специалист табасаранского языка Б.Г.-К. Ханмагомедов [1970: 102-149].

Характеризуя недостаточные предложения и ограничивая их от оборотов, отдельные языковеды уделяют внимание наличию подлежащего в их составе и способности их к выделяемости из состава сложноподчиненного предложения в качестве автономного простого предложения.

Основной причиной разногласий в классификации рассматриваемых единиц синтаксиса, на наш взгляд, является то, что лингвисты не всегда склонны учитывать своеобразие грамматического строя дагестанских языков или склонны отдавать предпочтение либо семантическим, либо формально-грамматическим критериям и притом в свете индоевропеистики. Мы в свою очередь придерживаемся точки зрения, согласно которой при квалификации рассматриваемых синтаксических единиц, необходимо исходить из учета как своеобразия формально-грамматического строя дагестанских языков, в том числе и даргинского, так и семантического критерия, являющегося основополагающим при определении предложения. В свете сказанного, если неличные формы глагола (масдар, причастие, деепричастие, инфинитив) в синтаксической конструкции выступают в качестве сказуемых, и при этом имеют свои субъекты, то мы имеем дело с придаточными предложениями, если же они выполняют функцию второстепенных членов предложения и в них отсутствует отдельно выраженное подлежащее, то это - простое предложение с оборотами неличных глагольных форм [Мусаев М.-С.М. 1995: 92].

Зависимые компоненты (придаточные предложения) сложноподчиненных синтаксических конструкций выражают самые разнообразные смысловые отношения: изъяснительные, определительные, пространственные, временные, причинные, целевые, условные, следственные, уступительные, сравнительные и некоторые другие, которые оформляются соответствующими синтаксическими конструкциями.

Изъяснительные конструкции

Изъяснительные конструкции в даргинском языке - это изъяснительные придаточные предложения, которые отвечают в основном на вопросы абстрактных вопросов и относятся к слову главного предложения, входящему в

разъяснении и уточнении, без которых главное предложение было бы структурно и семантически не законченным. Как правило, в разъяснении и уточнении нуждаются слова, связанные с речью, мыслью, чувствами и состоянием, например, такие, как: *бурес* "услышать", *виклес* "говорить", *багъес* "узнать", *ликриухъес* "подумать", *гъанбикес* "вспомниться", *разивизс* "обрадоваться" и т.д.

В числе изъяснительных придаточных предложений отмечаются как полноценные, так и неполноценные, недостаточные. Полноценные прикрепляются к главному предложению с помощью союза *или* и союзных частиц *-ал (-л)*, ср.: *Тухтур лявкъули сай или, унрани нушази багъахъур* "Сосед нам сообщил, что идет врач"; *Даг хлушачи чи вакибал, нуни балас* "Я знаю, кто вчера к нам пришел". Недостаточные же придаточные предложения связываются с главным - при помощи *масдара* и *деепричастия*, выступающих в роли сказуемого, ср.:

1. *Хлуни баладу ил вакини* "Ты знаешь, что приехал" (букв. "Ты знаешь он

ном предложении, ср.: *Итини сегъуна хабар бурибал, илгъуна хабар хлунира бурра* "Он какую сказку рассказал, ты тоже такую сказку Расскажи". Недостаточные же определительные придаточные предложения прикрепляются к члену главного предложения, выраженному существительным или субстантивированным словом при помощи причастия, выступающего в роли сказуемого недостаточного предложения и выполняющего функцию определения по отношению к этому слову главного предложения, ср.: *Арслан хлерируси юрт ит саби* "Дом, где живет Арслан, вот этот" (букв. "Арслан живущий дом вот этот есть").

Кроме того, недостаточное определительное предложение присоединяется к члену главного предложения при помощи союзного слова *сабира* (*сайра, сарира*) "который", ср.: *Илхтели нуша дигляндикира зумаси вацалализи, сабира жура-журала галгубазибад цалабикибси* "Когда мы спрятались в лесу, который состоял из разнородных деревьев".

Обстоятельственные конструкции

Обстоятельственные конструкции в даргинском языке представлены обстоятельственными придаточными предложениями, которые обозначают признак действия или состояния, выраженного сказуемым главного предложения и отвечают на вопросы: где? когда? куда? откуда? почему? зачем? как? и др.

Семантика обстоятельственных конструкций разнообразна. Они могут обозначать место, время, цель, причину, условие, уступку, образ действия и т.д.

Обстоятельственные конструкции присоединяются к главному предложению с помощью союзов; деепричастных форм, выступающих в роли зависимого сказуемого; отдельных послелогов и частиц.

В составе обстоятельственных придаточных предложений представлены как полноправные и так и неполноправные (недостаточные) придаточные предложения, предикаты которых имеют различные семантические отношения с предикатами главных предложений. Эти отношения следующие.

Пространственное отношение. Пространственные отношения выражаются придаточными предложениями места, в которых данные отношения реали-

зуются в конкретных разновидностях: отношение месторасположения, отношение направления и отношение удаления.

Наиболее типичными выразителями этих отношений в даргинском языке являются деепричастия места с суффиксами *-хлу* (*-хлуб* - *хлубяхл*, *-хлубад*) и *-на* (*-наб*, *-набяхл*, *-набад*), представляющие собой сказуемые придаточного предложения места, ср.: *Хлу вякьунихлу, нура вякьунра* "Куда ты пошел, я тоже туда пошел"; *Хлела хлер ца бара тлашбизурихлур, вавни гьардаклили рурхлули сари* (Р.Р.) "Там, где твой взгляд чуть остановился, взойдя цветы сверкаются"; *Хлу арякьунихливад, нура аркьяс* "Откуда ты ушел, я тоже оттуда уйду"; *Глежа башнабад гежбара башир* (Бур.) "Где ходит коза, там ходит и козленок".

Придаточные места иногда поясняют местоименные наречия или слова *мер* "место", *шали* "сторона", представленные в главном предложении, ср.: *Хлуша чинар каллунрал, нушара илар калунра* "Вы где остановились, мы тоже там остановились"; *Галаб чянкли биубси мерличир гьанна хьулри дарили сари* (С.Г.) "На месте месте, которое раньше было пустым, сейчас построили дома".

Временное отношение. В даргинском языке выразителями временных отношений выступают формы временных деепричастий с суффиксами: *-хлели*, *-хлейс*, *-айчи(-яйчи)*, *-мад(-мадан)*, *-ла(-на)*; послеложные конструкции, которые имеют значение предшествования, одновременности и следования по отношению к действию, выраженному сказуемым главного предложения. Значение предшествования в даргинском языке выражается деепричастием прошедшего времени с суффиксами: *-ла(-на)*, *-мад*, *-хлели*, *-хлейчирад*, сочетанием деепричастия, образа действия прошедшего времени с послелогом *глергьы* "после, до", ср.: *Ну хлушачи ваклибла хлябал бац диркули сари* "С тех пор как я к вам приехал, три месяца проходит"; *Итди арбякьунхлели, нушани хлянчи бехлибихьира* "Когда они ушли, мы начали работу"; *Хлу ваклили глергьы, итдира ваклиб* "После того, как ты пришел, и он пришел"; *Нуни университет таманбарибхлейчирад, вецлал дус ардякьы сари* "С тех пор, как я окончил университет, десять лет прошло"; *Ит ваклибмад, нуша ардякьунра* "Как только он пришел, мы ушли".

Значение предшествования может быть выражено относительными предложениями, зависящими от указательных местоимений, наречий и существительных, обозначающих отрезки времени (день, ночь, утро, год, период, момент

и т.д.), ср.: *Xly сецадхли илав калунрил, нура илцадхли кавлас* "Сколько ты там остался, столько и я останусь"; *Xly нушачи ваклибси бархлила глергъи, нушала шилизир кел мекъ диуб* "После того дня, когда ты к нам приехал, в нашем селе две свадьбы состоялись"; *Xly мурт сайрил ила вякьунси, ну илала глергъи сайри ила вяклунси* "Я был после того, когда ты там уже побыл".

Значение одновременности, как правило, выражается формой деепричастия с суффиксами *-цадхли, -хлели* и формой масдара в комитативе, ср. *Унруби марайхлели, мекъ мабирид* "Когда соседи в трауре, не делай свадьбы" (посл.); *Xly вакинличил итра ваклиб* "Как ты пришел, он тоже пришел". *Неш гъай-риклуцадхли, рурсира гъайрикли* "Сколько (времени) мать говорила, столько и дочь говорила"; *Xly усухлели, ну жузли учлулри* "Когда ты спал, я книгу читал".

Значение одновременности может быть выражено и придаточным предложением, поясняющим указательное местоименное, наречие или существительные, обозначающие названия отрезков времени, ср.: *Ил сецадхли учлалра, нура илцадхли учлус* "Насколько (как долго) он будет учиться, я тоже на столько буду учиться"; *Xly учлуси замана, нура учлули вираси* "В то время, когда ты учился, я тоже учился". Характерной особенностью приведенных придаточных предложений является то, что в них сказуемые выражены личной формой уступительного склонения (в предложении, поясняющем указательное местоименное наречие, ср.: *учлалра* "хотя учиться") и причастием (в предложении, поясняющем существительное, ср.: *учлуси* "учащийся").

Значение действия, происходящего в главном предложении за действием, происходящим в придаточном, маркируется в даргинском языке формами деепричастия на *-айчи (-ййчи), -хлейс* и формой инфинитива в сочетании с послелогом *гъалаб* "раньше, до, перед", ср.: *Нуша даклайчи, хлуша ишар дуэная* "Пока мы придем, вы оставайтесь здесь"; *Ну ваклибхлейс, хлу ишав ви* "К моему приходу, ты будь здесь"; *Бара Зарема раклес гъалар, Заира аррякьир* "Заира ушла чуть раньше, пока Заира не подошла".

Отношение образа действия. Отношение образа действия представляет собой указание на образ или способ совершения действия или состояния, о которых говорится в главном предложении и выражается в даргинском языке придаточными предложениями образа действия, которые в большинстве случаев пояс-

няют либо указательные местоименные слова, либо лексемы *тяхIяр* "способ" и *кьяйда* "способ, метод, прием", ср.: *ЦархIилти сөкьяйда бузил, нура илкьяйда узаси* "Как другие работали, я тоже так работал"; *Арслан узуси тяхIярли, Салиматра рузуриси* "Как Арслан работал, Салимат тоже так работала" (букв. "Арслан работающим способом Салимат тоже работала"); *Неш сен-сен рашибал, рурсира илкьяйда раши* "Как мать шла, дочь тоже так шла". Широкое распространение в даргинском языке получили придаточные предложения образа действия, в которых сказуемое выражено каузативной формой деепричастия, ср.: *ДурхIа висахъ-ули ватурли, неш аррякьун* "Сына плачущим оставив, мать ушла"; *Ралликьянази някъ буцахъили, Аминат хIеркIичирад ретахърухъун* "Подругу руку держать заставив, Аминат переправилась через реку".

Отношение причины. Указание на причину или обоснование того, о чем говорится в главном предложении, в даргинском языке выражается разными средствами и способами: при помощи полноправных придаточных предложений, присоединяемых союзами *сенахIенну* (*сенадли*, *сенкIун*) "потому что", *-ну*, *или*; недостаточными придаточными предложениями, у которых сказуемое оформлено различными деепричастиями, ср.: *Нешли дурхIни дурабулхъахъули ахIенри, сенахIенну дураб дебали бугIярлири* "Мать не отпускала детей из дому, потому что во дворе было очень холодно"; *Дудеш вакIили сайну, нешлизи вявъа* "Позови маму, потому что отец пришел"; *Забли дургъули саби или, нуша хIянчила дурахIедухъунра* "Мы не вышли на работу, так как шел дождь"; *Неш зягIиприкили, Салимат ляркьули ахIен* "Из-за того, что мать заболела (букв. заболев), Салимат не едет".

Кроме того, причинные отношения в даргинском языке выражаются придаточными предложениями, в которых роль сказуемого выполняет масдар в сочетании с послелогом *багъандан* и *сабабли* оформившись в причинном падеже, ср.: *Халаси дяхIи барни багъандан, шагъарлизи аркьуси гъуни гIекIиписаби* "Из-за того, что выпал (букв. "из-за выпадения") большой снег, дорогу в город закрыли"; *ХIуни заманаличир помидорти ухIедатниличирли, илди ваятIа халадикIули сари* "Из-за того, что ты в свое время не посадил помидоры, они плохо растут". Распространенным средством выражения причинного значения в даргинском языке являются временные деепричастия с суффиксом *-хIели*, ср.: *Ил*

рисириибхлели, дила иличи дебали уркецидухъун "Из-за того, что она заплакала (букв. "когда заплакала"), мне очень жалко стало".

Отношение причины передается и особым именным отглагольным образованием с суффиксом *-деш*, ср.: *Илала дуцлухъундешличи лебилпра тамашаби-убтири* "Все были удивлены тому, как он побегал" (букв. "его побеганию").

Отношение условия. В тех случаях, когда действие, выраженное в главном предложении может совершиться или не совершиться от условий, предъявляемых в придаточном предложении, сказуемое последнего оформляется в условном наклонении, ср.: *Эльмирани дила жуз чарбаралли, нуни хлеси ба-лахъис* "Если Эльмира вернет мою книгу, я тебе сообщу". Условное придаточное предложение в даргинском языке является полноправным в силу того, что сказуемое в нем фиксируется в одной из личных форм и довольно часто к главному предложению оно присоединяется при помощи подчинительных союзов *эгер* "если", *нагагъ* "если", ср.: *Эгер хлуни ил хлебарадли, хлед вайглердикес асубирар* "Если ты этого не сделаешь, тебе может плохо быть". Следует сказать, что употребление отмеченных союзов носит факультативный характер и обусловлено стилистическими соображениями. В условных придаточных предложениях союзы обычно отмечаются в книжном языке. Выражение разных видов условий (реального, ирреального или потенциального) в даргинском языке осуществляется одной общей формой условного наклонения и не дифференцируется. Разновидности условий находят свое выражение в главном предложении, ср.: *Ца бара жявливан вакибси виалпри дудеш, ипра итдачил арукъес вишигу* "Если чуть раньше пришел бы отец, то и он мог бы с ними уехать".

Уступительное отношение. Семантика уступительного отношения, представляющая собой осуществление действия, названного в главной части, вопреки тому, что изложено в придаточной части, выражается в даргинском языке сложноподчиненным предложением с уступительным придаточным. При этом в роли сказуемого уступительного придаточного предложения, которое является носителем уступительного отношения, в большинстве случаев выступает форма условного наклонения, ср.: *Игит вебкларпра, илала у хлебубклар* "Хотя герой умирает, его имя не умирает".

Уступительное отношение выражается также сочетанием послелога *хьалли* или частицы *-кьи* с различными (финитными или нефинитными) формами глагола, ср.: *Дурхля висули хьалли, нешли иличи пикри бяхичиули ахленри* "Хотя мальчик плакал, мать на него внимание не обращала"; *Хьа веэгли гьяхлси алапа бедибкьи, ялчи иличи разихлейуб* "Хотя хозяин хорошую зарплату дал, работник не был доволен". В некоторых случаях выразителями уступительного отношения могут быть деепричастия времени с суффиксом *-хлели* в сочетании с союзной частицей *-ра*, ср.: *Азир кьуруш дедибхлелира, ил разихлейуб* "Хотя отдали (букв. даже тогда, когда отдали) тысячу рублей, он не был довольный".

Целевое отношение. Целевое отношение, указывающее на цель действия, о котором говорится в главном предложении, выражается придаточным предложением цели, в котором роль сказуемого выполняют различные глагольные формы (финитные и нефинитные) в сочетании с союзом *или*, послелогом *багь-андан* "ради", ср.: *Унрубилра бирхарар набчи или, нуни илди тлалаббарра* "Думая, хоть соседи поверят мне, я их позвал"; *Заира чериис или, Рашид илдачи арякьун* "Заиру чтобы увидеть, Рашид пошел к ним"; *Дурхлини школализи кьанхлебахьес или, нешли илди жьели абизахьур* "Чтобы дети в школу не опоздали, мама рано их разбудила"; *Муса ишавалра агарара или, ваклибсира* "Нет ли хотя бы здесь Мусы, (узнать) я пришел" (букв. "я пришедший есть"); *Уршила урши чезс багьандан, Зугьра шагьарлизи аррякьи сари* "Чтобы увидеть внука, Зухра поехала в город".

В отдельных случаях в роли сказуемого придаточного цели выступает деепричастие цели, ср.: *Саби жагял хьайглиб батесли, ишбархли лебилра хлячизарти глбкьли бузахьен* "Чтобы завтра их дома оставить, сегодня заставьте, чтобы все работники напряженно работали".

Сравнительное отношение выражается сравнительным придаточным предложением, в котором сказуемое воплощается в форму деепричастия времени на *-хлели*, с которым сочетается и сравнительная частица *-ван*, ср.: *Ит хлу нушачи ваклибхлеливан, гьанна нушачиб ванали ахлен* "Как тогда, когда вы к нам приехали, сейчас у нас нетепло"; *Саричир глур жагаси агархлеливан, Хлябибат уктемли гьайриклули сари* "Хабибат так гордо разговаривает, как будто красивее ее больше никого нет".

Иногда, чтобы при сравнении показать превосходство или предпочтение одной ситуации другой, в роли сказуемого придаточной части употребляют масдарную форму в супер-эссиве или в сочетании с частицей -ван и лексемой *axlu* "чем, кроме", ср.: *Ита мурул адам вархъничиб, хьунул адам рархъни гляхлси саби* "Чем послать туда мужчину, лучше послать женщину"; *Xlu укьниван axlu, неш рухъни гляхлси саби* "Чем ты пойдешь, лучше будет, если мама пойдет", деепричастие образа действия в сочетании с частицей -ван и лексемой *axlu* "чем, кроме" (ср.: *Xluни буриливан axlu, нешли бурили гляхлси саби* "Чем тебе это сказать, лучше мама пусть скажет"), инфинитив в сочетании с частицами -ван вместе с лексемой *axlu* "чем, кроме" и -ичиб (ср.: *Ит белклесичиб иш белклес гляхлси саби* "Чем то написать, лучше это написать"; *Ит белклесван axlu, иш белклес гьамадли саби* "Чем то написать, это написать легче").

ЛЕКСИКА

СОВРЕМЕННЫЙ даргинский язык базируется на свойственной ему совокупности слов, которые представляют собой не простое множество слов, а систему взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц одного (лексического) уровня. Как и в других языках, в даргинском слова объединяются в различные группы на основании тех или иных признаков. Так, выделяются определенные тематические группы, например, слова, обозначающие термины родства или слова, обозначающие названия животных. Различаются группы слов стилистической окрашенности (стилистически окрашенные и неокрашенные) по сфере употребления (общеупотребительные и ограниченные сферой употребления), по степени смысловой близости и противопоставленности (синонимы и антонимы), по степени устарелости и новизны (архаизмы и неологизмы), по происхождению (исконные и заимствованные), по степени функционирования (активные и пассивные), по составу семантики (однозначные и многозначные) и по степени дифференцированности в плане выражения (омонимы и неомонимы).

Дифференцируются слова еще на грамматических основаниях на первичные и производные, на различные лексико-грамматические классы, т.е. части речи).

Из отмеченных групп в даргинском языке наиболее многочисленны и разнообразны слова противопоставленные по происхождению, т.е. исконные и заимствованные, которые изучены относительно лучше. Сравнительно слабо развиты и малочисленны слова стилистически окрашенные, ограниченные сферой употребления и многозначные. Немногочисленны также слова, образующие синонимические и антонимические пары. Последние группы слов пока не получили в даргиноведении специального исследования. О них сказано лишь в учебно-методической литературе, и то в силу необходимости.

Исконная лексика

Основной словарный фонд современного даргинского языка в своей значительной части представлен словами, восходящими к общедагестанскому праязыку или возникшими на собственно даргинской почве. Слова даргинского языка, имеющие общедагестанское происхождение подробно описаны в нашей книге [Мусаев 1978: 46-106].

Общедагестанские слова являются наиболее древними. Они были унаследованы даргинским от языка-основы - общедагестанского праязыка. Следует отметить, что слова общедагестанского лексического фонда в ряде случаев изменили свой первоначальный фонетический облик и значение. Поэтому при их выявлении приходится постоянно учитывать эти обстоятельства. Слова общедагестанского происхождения имеют свои специфические семантические и фонетические особенности. Они, как правило, одно- или двусложны и обозначают наиболее жизненно важные понятия:

- название частей тела (ср.: дарг. *бекI* "голова" и лак. *бакI*, ав. *бетIер*, таб. *кIул*, лезг. *кьил*; дарг. *кIентI* "губа" и ав., арч. *кIвентI*, таб. *кIвантI*; дарг. *уркIи* "сердце" и лак. *дакI*, ав. *ракI*, лезг. *ракI*, таб. *йукI*; дарг. *мез* "язык" и лак. *маз*, ав. *мацI*, арч. *мац*, таб. *мез*, лезг. *мез* и т.д.);

- термины родства (ср.: дарг. *рурси* "дочь, девушка" и ав. *яс*, лак. *душ*, лезг. *руш*; дарг. *рузи* "сестра" и ав. *йац*, лак. *су* и т.д.);

- названия растений и плодов (дарг. *хъара* "горох" и лак. *хъюру*, таб. *хар*, лег. *хар*; дарг. *гIинц* "яблоко" и лак. *гъивчI*, ав. *гIеч*, лезг. *ич*, арч. *аьнш*; дарг. *занзи* "колючка" и ав. *заз*, арч. *цац*, таб. *заз*, лезг. *ццаз*, лак. *ццоццу* и т.д.);

- названия животных (ср.: дарг. *унц* "бык" и ав. *оц*, лак. *ниц*, лезг. *яц*, таб. *йиц*; дарг. *бецI* "волк" и ав. *бацI*, лак. *барцI*; дарг. *кигъа/кве* "баран" и лак. *ку*, ав. *куй*, лезг. *кел* и т.д.);

- названия пищевых продуктов (ср.: дарг. *нуси* "сыр" и ав. *нисо*, лак. *нис*, лезг. *ниси*, таб. *нис*; дарг. *ниъ/ниг* "молоко" и лак. *накI*, рут. *нек*, таб. *никк*, лезг. *нек*; дарг. *диъ/диг* "мясо" и лак. *дикI*, арч. *акI*, таб. *икк*, лезг. *йак*; дарг. *шин* "вода" и лак. *шшин*, таб. *шид*, ав. *лъин*, рут. *хъед* и т.д.);

- названия явлений природы (ср.: дарг. баз "луна" и лак. барз, лезг. варз, ав. моц; дарг. зак "небо", и лак. ссае, ав. и таб. зав, лезг. цае; дарг. аргъ "погода" и лак. баргъ "солнце", лезг. рагъ "солнце", таб. ригъ "солнце", руг. виригъ "солнце");

- название действий (ср.: дарг. батес "оставить" и лак. итан, ав. тезе, лезг. тун; дарг. айзес "встать" и лак. изан, цез. иза, рут. лузаз, таб. захъуз; дарг. букес "кушать" и лак. букан, лезг. кун, авар. кваназе; дарг. бицлес "пополнить" и лак. дуцлин, рут. ацлас, ав. цлесе, цез. бицла, таб. ацлуз, лезг. ацун и т.д.);

- названия качеств (ср.: дарг. цилл "новый" и ав. цлияб, лак. цлусса, лезг. цлийи, таб. цлий; дарг. цлелси "кислый" и ав. ццлеллаб, анд. ццциклу, арч. аццла, таб. иццу и т.д.);

- названия чисел (ср.: ца "один" и лак. ца, ав. цо, лезг. сад, таб. сай; дарг. даршал "сто" и лак. ттурш, арч. баша, лезг. виш, таб. варж, рут. взш; дарг. вецлал "десять" и лак. ацл, арч. вицла, таб. йиццу, лезг. цлу и т.д.).

Общедагестанский лексический фонд послужил основой для даргинского языка. Многие общедагестанские корни в даргинском языке стали семантической базой для многих собственно даргинских слов. Отмечаются целые общекорневые лексические группы, в которых прослеживается общедагестанский корневой элемент, ср.: группу слов, связанных с понятиями цла "огонь", ср.: берцлес "испечь", буцларси "горячий", дуцлрум "лето", дуцлари "горячка", децл "горе", уркелецли "жалость" (букв. "сердца огонь").

В отличие от слов общедагестанского происхождения многие собственно даргинские слова возникли в процессе словообразования на базе общедагестанских или заимствованных слов. Поэтому собственно даргинскими словами следует считать почти все производные слова, возникшие способом словосложения или аффиксации.

Заимствованная лексика

В своем развитии даргинский язык испытал значительное влияние со стороны арабского, тюркских, персидского и русского языков, которые значительно отличаются от даргинского по своим фонетическим и морфологическим особенностям. И несмотря на это даргинский язык легко воспринимал чужие слова.

Заимствование, видимо, шло также и из родственных языков, однако весьма затруднительно, определить, является ли то или иное слово заимствованным из другого дагестанского языка или оно относится к общедагестанскому лексическому фонду.

Заимствования из арабского языка

Большое влияние на даргинский язык в прошлом оказал арабский язык, воздействие которого охватывает различные области лексики. Известно, что арабский язык, как и во многих странах Востока, стал для даргинцев языком религии, образования, отчасти и науки. Поэтому, как этого и следовало ожидать, в даргинский язык проникло большое количество арабских слов, связанных с религиозными представлениями и отвлеченными понятиями.

По своей семантике все арабизмы можно разбить на следующие тематические группы:

1. Слова, связанные с религиозными и отвлеченными понятиями:

а) *аллагъ* "бог", *рухI* "душа", *кьуран* "коран", *малла* "мулла", *бунагъ* "грех", *ислам* "ислам", *бусурман* "мусульманин", *хIяжи* "паломник", *кьисмат* "судьба", *мижит* "мечеть", *садакьа* "милостыня", *гьалжана* "рай", *жагьаннаб* "ад" и др.;

б) *хIял* "положение", *хIяракат* "старание", *рахIмат* "милость", *зарал* "вред", *сабур* "терпение", *гIилму* "наука", *гIязаб* "мучение", *шартI* "условие", *гIякьлу* "ум", *пикри* "мысль", *тIалаб* "требование", *лагьму* "способность", *кьадар* "качество", *такьсир* "вина", *кьас* "цель, намерение", *низам* "порядок", *зулму* "насилие", *хIяя* "стыд", *адаб* "приличие", *амру* "просьба", *кьадри* "значение", *хIякьикьат* "действительность", *сабаб* "причина", *асар* "влияние", *ахир* "конец", *кьимат* "оценка", *мусибат* "несчастье", *баракат* "изобилие", *хIурмат* "уважение", *хатIа* "ошибка", *тахIяр* "способ", *санигIят* "привычка", *пайда* "польза" и т.д.

2. Слова, обозначающие общественно-политические понятия: *халкъ* "народ", *хIукумат* "власть", *гIялам* "народ, много народу", *вягIда* "договор", *ватIан* "родина", *хIуррият* "свобода", *хIяким* "должностное лицо", *жамагIят* "сельская община", *дунья* "мир", *вакил* "посол, представитель", *миллат* "национальность", *уммат* "нация", *диван* "суд, сборник".

3. Слова, выражающие понятия, связанные с человеком и указывающие на его социальное положение, возраст, внешность и внутреннюю характеристику: *рагIят* "крепостной", *ятим* "сирота", *мискин* "бедняк", *гъариб* "одиноким"; *пакъ-ир* "несчастный", *жагъил* "молодой", *ясир* "пленник", *мунапикъ* "вероотступник", *сахават* "щедрый", *абдал* "олух", *хаин* "предатель".

4. Слова, обозначающие генетические понятия: *насаб* "родословная", *наслу* "поколение", *агълу* "род", *къам* "племя", *тайпа* "племя, род", *жинс* "род, родословная", *тухум* "родные".

5. Слова, связанные с речью человека: *суал* "вопрос", *жаваб* "ответ", *лугъ-ат* "диалект", *ихтилат* "беседа", *лякъир* "веселая беседа".

6. Слова, связанные с учебой: *хатI* "почерк", *хIярп* "буква", *жуз* и *табтар* "книга", *алипуни* "алфавит", *масъала* "задача", *ишара* "знак препинания".

7. Слова, обозначающие конкретные понятия:

а) названия драгоценностей: алмаз "алмаз", якъут "яхсит", дягIлу "драгоценный камень", жавгъардухури "жемчуг", юсру "янтарь", магъи "слоновая кость";

б) названия животных и птиц: *маймун* "обезьяна", *тIауус* "павлин", *пил* "слон", *гIякъраб* "скорпион".

Большое количество арабских слов в даргинском языке утвердилось как собственные имена, которые, в основном, взяты из Корана и других памятников исламской религии. Например: *МухIяммад*, *ПатIумат*, *ГIяли*, *Рашид*, *Загъир*, *СягIид*, *Мухтар*, *ГIядил*, *Карим*, *РяхIим*, *Расул*, *ГIяхIмад*, *ГIяйшат*, *Аминат*, *Салимат*, *Калимат* и др.

В даргинском языке встречаются и такие арабские имена, которые образовались из двух слов. Значение этих слов в даргинском языке в настоящее время не осмысливается. Такие имена, обычно, напоминают арабские изафеты. Например: *ГIябдусалам* "абд ас салам" (букв. "раб мира"). Наиболее употребительными в даргинском языке из таких имен являются имена *ГIябдулхаликъ* "Абдулхалик", *ГIябдусамад* "Абдусамад", *Жамалуддин* "Джамалутдин", *Багъаудин* "Багаудин", *Нажмудин*, *Зияудин*, *ГIябдулкьадир*, *Асадуллагъ* "Асадулла", *Хайруллагъ* "Хайрулла", *ХIябибуллагъ* "Габибулла", *Насруллагъ* и т.д. Отмечены и такие случаи, когда арабские слова в даргинском языке употребляются в двойной функции: и как нарицательные, и как собственные имена: *ГIязиз* "Азиз"

(имя) - *глязиз* "дорогой"; *Адам* (имя) - *адам* "человек"; *Насихлят* "Насихат" (имя) - *насихлят* "совет"; *Хляжи* "Хаджи" (имя) - *хляжи* "паломник", *Малла* "Малла" (имя) - *малла* "мулла" и т.д.

Среди арабизмов встречаются почти все части речи. Особенно много существительных и разных глагольных форм. Широкое распространение в даргинском языке получили арабские масдары и причастия.

Из арабского языка даргинский заимствовал неопределенное местоимение *пулан* "некий", и определенное *баягъи* "тот самый". Из союзов заимствованы: *ва* "и", *амма* "но", *я...я* "либо...либо", *хлятта* "вплоть до"; *салам!* "привет!"; из междометий: *ассаламугъялайкум!* "здравствуйте!", *лаззам!* "слово, выражающее удовлетворение", *баркалла!* "спасибо!" - из междометий; *масала* "например" - из наречий.

Даргинский язык полностью ассимилировал все арабизмы в морфологическом и фонетическом отношении. Потеряв свою самобытность, они подчинялись всем фонетическим и морфологическим законам даргинского языка.

Арабские полисемичные слова в даргинском языке преимущественно воспринимаются в одном из их значений. При этом зачастую воспринимается не первоначальное значение слова, а переносное. Например: араб. *халк* а) творение; б) народ, люди; в) тварь; г) телосложение - дарг. *халкъ* "народ"; араб. *назм* (стихотворство, поэзия, стихи) - дарг., *назму* "стихотворение"; араб. *накш* ("рисунок", "украшение", "резная надпись", "резьба") - дарг. *някъиш* "узор", "украшение"; араб. *асар* а) след, остаток, знак; б) предание, памятник, древности; в) влияние, значение, впечатление, важность) - дарг. *асар* "влияние"; араб. *айиб* (порицание, недостаток, порок) - дарг. *гъяйиб* "вина" и т.д.

Хотя установить какие-либо признаки арабизмов довольно трудно, но тем не менее следующие лексические, морфологические и фонетические особенности арабизмов, которые сохранились в даргинском языке и в какой-то мере помогут выделить их среди даргинских слов: а) большинство собственных имен, а также названия религиозных и отвлеченных понятий в даргинском языке чаще всего бывают арабскими; б) для арабизмов характерно наличие звуко сочетания *-ат/-ят* в конце слова (*аманат*, *хасият*, *шикаят*, *хлукумат*, *тлабиглят*, *инсаният*, *пурсат*, *мусибат* и т.д.), звуко сочетаний *хля*, *гъя* в корне слов, которые очень

редко встречаются в исконных словах даргинского языка (*хляя*, *хляким*, *тлабиглят*, *хляжат*, *глядат*, *глямру*, *глякьлу* и т.д.) и отсутствие таких звуков, как *е*, *хь*, *хъ*, *кI*, *цI*, *ц*, *ч*, *г*, которыми богаты даргинские слова.

В современном даргинском языке многие арабизмы стали уже архаичными. Одни из них даже исчезли вместе с исчезновением старых понятий, связанных с религией. Другие вытеснены или же вытесняются соответствующими заимствованиями из русского языка, например: *инкылаб* "революция", *имтихляп* "экзамен", *мактаб* "школа", *кьади* "судья", *хатIа* "ошибка", *макьала* "статья", *низам* "порядок", *диван* "суд".

Заимствования из тюркских языков

Находясь в непосредственном соседстве с тюркскими языками, даргинский язык за много столетий вобрал в себя довольно большое количество лексического материала из этих языков. Заимствование происходило главным образом из древнебулгарского, кумыкского и азербайджанского языков, с носителями которых даргинцы вступали в экономические, политические и другие связи.

Наиболее широко употребительные в даргинском языке заимствования из соседних тюркских языков можно разделить на следующие группы:

а) названия предметов бытового обихода: *кьазан* "отел", *кьап* "мешок", *юргъан* "стеганное одеяло", *кьалиян* "трубка", *сандуг* "сундук", *чуюн* "чугунный чайник", *гьумгъан* "медный кувшин" и т.д.;

б) названия одежды и обуви: *башмакь* "башмак", *дулагь* "голенище", *башлихь* "башлык", *дулгъа* "рукав" и т.д.;

в) названия строений и их частей: *алачукь* "хранилище для кормов", *юрт* "дом", *кьапу* "ворота", *кьуш* "шалаш", *ужагь* "камин", *кьазма* "землянка", *чяли* "изгородь", *кьую* "колодец" и т.д.;

г) названия растений и плодов, которые преимущественно растут на Приморской плоскости, где живут кумыки: *алича* "алыча", *кьабакь* "тыква", *исиут* "перец", *ахътерек* "тополь", *гегенег* "колючий кустарник" и т.д.;

д) названия животных и птиц: *кьаз* "гусь", *кьарчигъа* "вид орла", *кьиргъу* "беркут", *кьаллиргъан* "орел", *уллугь* "ястреб", *бугъа* "бычок", *кьабан* "кабан",

къаплан "лев", къара "скот черной масти", юргъа "иноходец", къират "лошадь черной масти", ябу "лошадь", къачир "мул" и т.д.;

е) названия бытовых и хозяйственных понятий: къалип "форма, колодка", къулач "мера длины", "обхват", табун "табун", илхъи "табун", туй "свадьба", яс "оплакивание умершего", яшав "жизнь-бытие", яхшихуш "справиться о жизни-бытии", татаул "арык", къушум "компания", гузет "ночная пастыба" и т.д.;

ё) слова, обозначающие названия кушаний: чабдиг "оладьи", гурзе "пельмени", язгурт "ряженка", бакъукъ "халва" и т.д.;

ж) слова, связанные с понятием "человек" и указывающие на его возраст, внешнюю и внутреннюю характеристику, на его занятия, профессию, социальное положение: къазакъ "слуга", къабкъин "вор", къараваш "служанка, рабыня", къараул "сторож", къянчихъ "подлец", угъраш "мерзавец, негодяй", къурумсахъ "негодяй", къари "старуха", къаллав "старик", къизгъин "зачинщик" къагъбаш "дурак", къуцуз "несчастный, неудачник", хъярчи "пугало", манкъуш "глашатай", няслихъ "неряха", пача "царь", бика "царица", тилхъав "картавый", чулахъ "калека", язихъ "несчастный", къалайчи "лудильщик", глярбачи "извозчик" и т.д.;

з) слова, обозначающие термины родства: бажа "свояк", гелешмиш "невеста, жених", гелин "невестка", гуяв "зять", убай "неродной", ят "чужие" и т.д.;

и) слова, обозначающие некоторые отвлеченные понятия: авара "суета", тилади "просьба", гингиш "договор, согласие", къуллукъ "дело", шилтахъ "нечестность", айту "притча", къайгъи "старание", чябхъин "грабеж", къилихъ "отрицательная привычка", къалмагъар "скандал" и т.д.

Помимо отмеченных, в даргинский язык проникло также большое количество тюркских слов, которые трудно объединить в какие-либо тематические группы. Такими являются следующие слова: къуруш "рубль", пачалихъ "государство", къулбас "подпись", няс "грязь", къязыкъ "крючок", уркан "аркан" и др.

В фонетическом и семантическом отношении тюркизмы больше сохранили свою самобытность, чем арабизмы. В этом сказались как характер самих заимствованных слов, так и способ их проникновения. Вот почему среди даргинских слов тюркизмы можно выделить по отсутствию абруптивов, "по частоте употребления звуков къ, гъ и по наличию сингармонизма. Для тюркизмов характерно также наличие особых звуко сочетаний на конце слова: -ихъ, -укъ, -ахъ

(буйрукъ "приказ", гячихъ "ясность", авлакъ "поле", къундахъ "приклад", башлихъ "башлык", явлухъ "платок" и т.д.).

Заемствования из персидского языка

Слов персидского происхождения в даргинском языке сравнительно мало. Но тем не менее они занимают в нем довольно заметное место. Проникновение персидских слов в даргинский язык происходило с давних времен. Историческими предпосылками заимствования слов из персидского языка были в основном торговые связи персов с Дагестаном. Определенный след в даргинском языке могли оставить также частые захватнические походы иранских шахов на Дагестан.

Заемствование из персидского языка происходило преимущественно устным путем и в значительной степени через посредство тюркских языков, это и подтверждается характером заимствованных из персидского языка слов. Персизмами, представленными в даргинском языке, являются слова, обозначающие понятия, связанные с бытом, с экономической и культурной жизнью населения. В целом заимствования из персидского языка можно свести к следующим предметно-тематическим группам:

а) названия предметов быта: *пигъала* "пиала", *дагъра* "серповидный секач", *тах* "деревянная кровать", *чирха* "механическое веретено", *чар* "точило", *тах-та* "четырёхугольный кусок доски, оконного стекла", *тавра* "мешочек" и т.д.;

б) названия строений и их отдельных частей: *бару* "крепостная стена", *бурх* "потолок" и т.д.;

в) названия тканей и изделий из них: *шял* "шаль", *дарай* "муар", *хара* "шелк", *чит* "ситец", *чядира* "бязь", *чибдери* "белый ситец", *зарбаб* "парча", *махмур* "плюш, бархат" и т.д.;

г) названия одежды: *капут* "платье свободного покроя", *сукъбан* "мужская верхняя одежда", *гяба* "шуба, пальто", *гулменди* "легкий головной платок", *камал* "пояс" и т.д.;

д) названия понятий, связанных с торговлей: *базар* "базар, ярмарка", *вачар* "торголя", *базриган* "торговец", *гяббаси* "монета в 20 копеек", *шагъи* "пятак",

тумен "десять рублей, червонец", *гилавка* "мера веса, 400 гр.", *рат/ал* "мера веса в 6 фунтов" и т.д.;

е) названия растений и плодов: *нар* "гранаты", *биринж* "рис", *бамма* "хлопок", *бириз* "тополь" и т.д.;

ё) названия, связанные с понятием "человек" и указывающие на его социальное положение, на его внутреннюю и внешнюю характеристику: *шагь* "шах", *хужаим* "аристократ", *душман* "враг", уста "мастер", *багьадур* "добрый молодец" и т.д.;

ж) наименования отвлеченных понятий: *умут* "надежда", *багьана* "повод", *жан* "душа", *кумек* "помощь", *дард* "печаль", *жура* "вид" *пал* "гадание", *ранг* "цвет" и т.д.;

з) названия животных: *гамуш* "буйвол", *жанивар* "зверь", *жайран* "газель", *бидлав* или *тази* "конь", *аждагъа* "дракон", *булбул* "соловей" (последние слова встречаются преимущественно в народной поэзии).

Из названий продуктов питания и блюд заимствованы слова: *чакар* "сахар", *хай-нига* "яичница", *лулав* "плов". Слово *азихъ* применяется в значении "провизия".

Как и во всех дагестанских языках, для передачи понятия "тысяча", в даргинском используется персидское числительное *азир*.

Отдельные наречия, местоимения и союзы в даргинском языке тоже являются персидскими по своему происхождению. Например: *гьеч* "совсем, полностью", *гьар* "каждый", *нагагь* и *эгер* "если", *багьандан* "поэтому".

В даргинском языке, кроме персизмов, которые были разбиты нами по определенным смысловым группам, имеется еще ряд персидских слов, обозначающих самые разнообразные предметы и понятия. Например: *авадан* "обильный, богатый", *мухча* "конверт", *манавша* "фиолетовый", *шагьар* "город", *тяк* "нечетный", *жут* "четный", *гами* "корабль", *чагьана* "скрипка", *кашки* "лучше бы", *туп* "пушка", *шиша* "бутылка, стекло", *чини* "фарфор", *дарман* "лекарство", *дару* "порох".

В настоящее время персидский язык не оказывает непосредственного воздействия на даргинский. Персизмы сохраняются в нем как живые свидетели исторического прошлого даргинского народа.

Заимствования из русского языка

Заимствованиями наиболее позднего периода в даргинском языке являются слова из русского языка.

Проникновение русских слов в даргинский язык началось в основном в XIX веке, когда Дагестан был присоединением к России, и было обусловлено установившимися в дальнейшем экономическими, политическими и культурными связями.

Следует отметить два периода, в течение которых русские слова попадали в даргинский язык: а) дореволюционный и б) советский. Эти оба периода различаются не только по количеству и семантике заимствованных слов, но и по способу проникновения. Дореволюционные заимствования из русского языка малочисленны и проникали они исключительно путем устного общения ввиду недоступности русской грамоты для даргинцев. Устный путь заимствования способствовал большому расхождению между произношением заимствованных слов в даргинском языке и написанием в языке - источнике.

Все проникшие в даргинский язык до революции русские слова большей частью связаны с административно-политическими мероприятиями, проводимыми царизмом в Дагестане и отражают эпоху колониального владения: *нячанник* "начальник", *закун* "закон", *салдат* "солдат", *гинарал* "генерал", *апцер* "офицер", *пирказ* "приказ", *ерс* "верста", *уруг* "округ", *суд* "суд", *устаршина* "старшина", *импиратур* "император".

Некоторые из дореволюционных заимствований отражает появление капиталистических элементов в Дагестане: *пабрика* "фабрика", *завуд* "завод", *машина* "машина", *тел* "телеграмма", *тилипун* "телефон", *вазгар* "вокзал", *астанция* "станция", *инжинар* "инженер", *вагун* "вагон", *буругъ* "буровая".

Дореволюционные заимствования представляют также лексику домашнего обихода: *истакан* "стакан", *панар* "фонарь", *самавар* "самовар", *бадира* "ведро", *курушка* "кружка", *чяйник* "чайник", *ризин* "резина", *ишкап* "шкаф", *лак* "лак", *килу* "кило", *папрус* "папироса", *батинкла* "ботинок", *шинил* "шинель", *палту* "пальто".

Массовое проникновение русизмов в даргинский язык наблюдается при Советской власти. Октябрьская революция в корне изменила старый уклад жизни народов Дагестана. Возникли новые политические и экономические условия, способствующие развитию культуры и языков Дагестана. Создание новой письменности на основе русской графики, ликвидация неграмотности, повышение культурного уровня даргинцев, тяга к русской культуре и языку, который стал языком международного общения и сотрудничества всех народов СССР - все это послужило причиной интенсивного проникновения русских слов в даргинский язык. Бурный процесс заимствования русских слов даргинским языком объясняется еще тем, что последний находится еще на стадии становления письменного литературного языка" чтобы выразить новые понятия современной научной, экономической и культурной жизни, прибегают к помощи русского языка, роль которого особенно велика в условиях многоязычного Дагестана, где он стал средством общения людей, принадлежащих к различным народностям. Через посредство русского языка в даргинский язык вливаются и интернациональные слова, которые нет необходимости рассматривать отдельно от русских слов.

По семантическому признаку все заимствования из русского языка можно расположить по следующим основным предметно-тематическим группам:

1. Слова, обозначающие общественно-политические и экономические понятия: *партия* "партия", *сиезд*¹ "съезд", *парапсаюз* "профсоюз", *пиун'ср*

"пионер", *камсамул* "комсомол", *сабрания* "собрание", *лекция* "лекция", *лектур* "лектор", *даклад* "доклад", *дакладчи* "докладчик", *партург* "парторг", *агитатур* "агитатор", *избирател* "избиратель", *депутат* "депутат", *палан* "план", *параграмма* "программа", *биру* "бюро", *бигавур* "выговор", указ "указ", *урден* "орден", *министур* "министр", *ревалуция* "революция", *республика* "республика", *пиленум* "пленум", *парамишленнуст* "промышленность", *эканумика* "экономика" и т.д.

2. Слова, отражающие развитие культуры: *культура* "культура", *кулуб* "клуб", *театир* "театр", *глартист* "артист", *песа* "пьеса", *библиотека* "библио-

¹ Русизмы зафиксированы в соответствии с нормами фонетического их освоения в даргинском языке.

тека", канцерт "концерт", кину "кино", музикант "музыкант", паэт "поэт", писател "писатель" и т.д.

3. Слова, связанные с учебой: ушула "школа", директор "директор", учител "учитель", ученик "ученик", парта "парта", даска "доска", ручка "ручка", титрад "тетрадь", мел "мел", калас "класс", диневник "дневник", атличник "отличник", атистат "аттестат", журнал "журнал", диктант "диктант", устудент "студент", курс "курс" и т.д.;

4. Слова, обозначающие научные понятия: математика "математика", алгебра "алгебра", арипметика "арифметика", геометрия "геометрия", физика "физика", дуруб "дробь", диаметир "диаметр", радиус "радиус", таблица "таблица", числител "числитель", изнаминател "знаменатель", гарадус "градус", упит "опыт", запад "запад", юг "юг", климат "климат", экбатур "экватор", акиан "океан", астарув "остров", карта "карта", батаника "ботаника", заалугия "зоология", анатумия "анатомия", биалугия "биология", битамин "витамин", микруб "микроб", арганизма "организм", вадаруд "водород", газ "газ", кислата "кислота", истурия "история", каниституция "конституция", сациализма "социализм", камунизма "коммунизм", капитализма "капитализм", басня "басня", диалуг "диалог", легенда "легенда", лирика "лирика", эпитет "эпитет", гараматика "грамматика", галагул "глагол", наречия "наречие", саюз "союз", суффикис "суффикс", падеж "падеж", местаимения "местоимение", синтаксиз "синтаксис", передложения "предложение" и т.д.

5. Слова, связанные со спортом: чимпиун "чемпион", гимнастика "гимнастика", испурт "спорт", валибул "волейбол", диска "диск", испартисмен "спортсмен", иштанга "штанга", жим "жим", эстапета "эстафета", турник "турник", палащадка "площадка", барец "борец", алимпиада "олимпиада" и т.д.;

6. Слова, определяющие человека по роду занятий, по специальности, по его мировоззрению, по занимаемой должности, по принадлежности к различным политическим и другим группировкам: сикритар "секретарь", пирсидатил "председатель", балшевик "большевик", меншевик "меньшевик", гягент "агент", ишпиун "шпион", агитатур "агитатор", адвакат "адвокат", судия "судья", хирург "хирург", униспектур "инспектор", завпирма "завфермой", иска-

ладчи "завскладом", ривизур "ревизор", устуруж "сторож", павур "повар", убурицица "уборщица", шупир "шофер", химик "химик", матиматик "математик", академик "академик" и т.д.;

7. Слова, представляющие лексику колхозной жизни: биргада "бригада", пирма "ферма", калхуз "колхоз", извена "звено", ривизи "ревизия", дахутI "доход", аванц "аванс", палан "план", нурма "норма", чилен "член", удярник "ударник", силус "силос" и т.д.;

8. Слова, обозначающие технические понятия: абтамабил "автомобиль", самасвал "самосвал", камбайна "комбайн", гурузавик "грузовик", каран "кран", тяряктур "трактор", сеялка "сеялка", автабус "автобус", айлипалан "самолет", матIур "мотор", турмуз "тормоз" и т.д. ;

9. Слова, связанные с медициной: балница "больница", апираци "операция", акушерка "акушерка", санитарка "санитарка", укул "укол", дизимпекция "дезинфекция", чихумIкла "чахотка", ренген "рентген", таблетка "таблетка", мяз "мазь", гIяптека "аптека" и т.д.;

10. Слова, обозначающие новые понятия в области быта даргинцев (названия предметов бытового обихода, одежды, обуви, различных кушаний, общественных предприятий): убжижития "общежитие", асталавай "столовая", гастиница "гостиница", бани "баня", ясли "ясли", деддум "детдом", телевизур "телевизор", радиу "радио", пириумник "приемник", шуткIа "щетка", диван "диван", шипанер "шифоньер", халадинник "холодильник", устул "стол", бупет "буфет", адиял "одеяло", пакривал "покрывало", искатерт "скатерть", чахул "чехол", тумбучка "тумбочка", абажур "абажур", бак "бак", банка "банка", иту "утюг", кастум "костюм, пиджак", шярп "шарф", галастук "галстук", шияла "шляпа", жикет "жакет", дяркуй "жаркое", гуляш "гуляш", катлетуни "котлеты", кампет "конфета", кансирва "консервы", макIаранти "макароны", вирмишил "вермишель", суда "сода", писукI "песок", варения "варенье", булка "булка", буриц "борщ" и т.д.

Среди заимствованных слов из русского языка большое место занимают и слова, обозначающие самые различные понятия, которые трудно объединить в те или иные семантические группы. Например: авария "авария", адрес "адрес", пасилкIа "посылка", асвалт "асфальт", атака "атака", багаж "багаж", биагра-

пия "биография", билет "билет", бихаднуй "выходной", давереннуст "доверенность", распискIа "расписка", запискIа "записка" и т.д.

Следует отметить, что не все русизмы получили одинаковое распространение и признание в даргинском языке. Одни из них прочно вошли в словарный состав этого языка и составляют часть его активного словаря. Такие слова, как *машина* "машина", *истакан* "стакан", *калхуз* "колхоз", *партия* "партия", *титрад* "тетрадь", *ручкIа* "ручка", *ушкула* "школа", *карават* "кровать", *устур* "стол", *палту* "пальто", *газат* "газета" и т.д. бытуют в повседневной речи даргинцев. Другие встречаются только в специальной научной литературе, в прессе и пользуются ими лишь определенный круг людей. Естественно, не все даргинцы в одинаковой степени употребляют слова. Например, в речи молодого поколения, владеющего русским языком, много русских слов, которые непонятны тем, кто не знает этого языка.

Процесс заимствования русских слов еще продолжается, поэтому составить точный перечень всех русских заимствований на современном этапе исследования очень трудно.

Попадая в даргинский язык, русские слова, как и все другие заимствования, полностью ассимилировались в фонетическом и в морфологическом отношении. Они изменяются по законам даргинской морфологии. При переходе в даргинский язык все русские слова потеряли способность принадлежать, как в русском языке, к тому или иному роду, поскольку в даргинском языке отсутствует категория рода.

В даргинском языке чаще всего заимствуются существительные, реже глаголы. Русские существительные встречаются в их исходной форме, т.е. в им. падеже ед. числа. Русские же глаголы в даргинском языке бытуют только вместе с даргинскими вспомогательными глаголами *барес* "сделать", *иклес* "говорить", *виэс* "смочь". Например: *арганизава**т**барес* "организовать", *издава**т**барес* "сдать", *пирнимат**б**ирес* "принимать" и т.д. В научной литературе, переведенной с русского языка на даргинский, встречается большое количество русских глаголов, оставленных без перевода. Обычно они заимствуются в форме инфинитива, и к ним добавляются, как правило, вышеуказанные даргинские вспомогательные глаголы. При этом носителем основного лексического значе-

ния остается русский глагол, даргинский же выполняет лишь морфологическую функцию.

Заимствованные прилагательные преимущественно употребляются в даргинском языке в форме мужского рода. Например: *убши(й)* собрания "общее собрание", *парастуй* адам "простой человек", *парастуй* хьунул "простая женщина", *кантурулни(й)* хIянчи "контрольная работа", *културни(й)* тахIяр "культурный способ", *културни(й)* дурхIя "культурный мальчик", *културни(й)* руруси "культурная девушка" и т.д.

Значение некоторых русских относительных прилагательных в даргинском языке передается формой существительных, от которых они образованы: *савет хIукумат* "советская власть", *сацциалист ревалуция* "социалистическая революция", *каммунист партия* "коммунистическая партия" и т.д.

Слова, заимствованные из других языков

Заимствования из других языков встречаются исключительно редко. Отмечены лишь единичные слова, которые проникли в даргинский язык в разное время из других языков: из осетинского *вагъиз* "ведьма", *издаг* "княгиня", *идваг* "пророк", *асинаг* "вид краски", *апарак* "абрек", *лагъ* "раб", *нарт* "сказочный герой", *Урузмаг* "собств. жен. имя", *Элдар* "собств. муж. имя", *Таллан* "собств. муж. назв. сказочной птицы"; из грузинского *азнавар* "дворянский титул", *чIячIа* "чача", *гъала* "оплата мельнику за помол" (ср. груз. *гъала* "вид феодального налога", *Тамари* "собств. жен. имя", *къуцури* "мешочек из необработанной сыромятной кожи", из монгольского *лачин* "сокол", *лакьай* "собака", *мурда* "всадник", *Нарин-къала* (назв. Дербентской крепости), из армянского *хъанч* "крест". Лишь в единичных случаях отмечаются слова, заимствованные из родственных дагестанских языков, попавшие в даргинский язык из аварского: *глулукъан* "юноша", *нуцал* "нуцал" (название титула правителя аварского ханства), *Гядалав* (собств. муж. имя), *Мусалав* (собств. муж. имя), *Меседу* (собств. жен. имя), *Камалул Башир* (муж. имя), *Къасамил Гяли* (собств. муж. имя), *КIарахъан* "аварец" (даргинское название от авар. населенного пункта *КIарахъи*), *Гъудула Гяли* (собств. муж. имя, ср. ав. *гъуду* "товарищ"), *Асай* (собств. жен. имя). Не-

обходимо указать на то, что вопрос о заимствованиях из других языков (булгарского, хазарского, аланского и т.п.), с которыми в свое время даргинский контактировал, остается пока что неизученным.

Топонимика

Топонимическая система даргинского языка весьма разнообразна и характеризуется рядом специфических особенностей. В нее входят ойконимы, гидронимы, оронимы, дромонимы и др. В даргинской топонимии широко представлены названия элементов рельефа земной поверхности, которые обусловлены географической средой и местом проживания даргинцев и определяют "лицо" топонимии даргинского языка. Поэтому в топонимике даргинского языка велика доля местных географических терминов типа *дубура* "гора", *къада* "долина", *гlinикъ* "пещера", *бяхl* "склон", *бекl* "вершина" (букв. "голова"), *хъяб* "перевал" (букв. "шея"), *муза* "холм", *мура* "покос", *вацlа* "лес", *сага* "луг", *гlinиз* "родник", *хlеркl* "река", *лаг* "подъем", *гъуни* "дорога", *дякъ* "тропинка" и т.д., которые входят в состав сложных топонимов, представляющих собой модель "атрибутивное слово + родовой географический термин", ср.: *шинкъа къада* "долина мельниц", *хlямран хlеркl* "гамринская река", *гlела мурби* "задние покосы", *бугlяр гlinиз* "холодный родник", *вагъигла гlinикъ* "пещера ведьмы" и т.д.

Характерной особенностью многих топонимов даргинского языка является то, что они употребляются в формах местных падежей. Ср.: *Ахъуша* "в Акушу" (латив), *Ахъушаб* "в Акуше" (эссив), *Ахъушабад* "из Акуши" (аблатив).

Первым опытом научного описания даргинской топонимии явилась квалификационная работа Багомедова М.Р. [2001], в которой сделана попытка комплексно охарактеризовать структурно-семантические особенности топонимических единиц даргинского языка.

Антропонимика

В антропонимике даргинского языка, в особенности в ее историческом прошлом, преобладают имена арабского происхождения, ср. мужские: *ГяxIмад, АсxIяб, ХIябиб, ХIясан, ХIяйдар, Гяли, МяхIяммад, Къурбан, Къасум, ХIямид, ХIяжи, ПIагъир, СягIид, Мухтар, Запир, Загъир, Расул, ХIямзат, Шарип, ШапигI* и т.д.; женские: *Аминат, Асият, Аслимат, Басират, Алпият, ГIяйшат, Муслимат, СалихIят, ХIялимат, Раусат, ПатIумат* и т.д.

Характерной особенностью даргинской антропонимии является то, что из полных имен арабского происхождения в даргинском языке образовались сокращенные, неполные формы, с помощью которых обращаются, как правило, к детям и молодым", ср.: *Мусли* (< *Муслимат*), *ПатIли* (< *ПатIумат*), *Ами* (< *Аминат*), *ГIядус* (< *ГIябдусалам*), *Къуби* (< *Къурбан*) и т.д.

Определенное место занимают также имена тюркского происхождения, ср. мужские: *Гяббас, Герей, Тимур, Мамай, Хан, Къарай, Паша, Султан, Агъа, Хангиши* и т.д.; женские: *Айбике, Улангерек, Апакъиз, Бика, Ару, Адай, Ханум, Айханум, Къизтаман, Гавгъар, Паризат* и т.д.

В последнее время отмечается проникновение и русских имен в даргинскую антропонимику. Ср.: *Зоя, Света, Клава, Зина, Вероника, Людмила, Оксана, Саша, Андрей, Игорь, Ворошил, Гриша, Борис, Гена* и т.д.

В настоящее время в антропонимической системе даргинского языка широко функционируют фамилии и отчества, образованные с помощью суффиксов русского языка -ов/-ев, -ова/-ева, -ович/-евич, -овна/-евна, -ский/-ская, ср.: *ГяxIмадов Гяли ХIясанович, Алмарова ГIяйшат Писаевна, Гяли ХIямринский* и т.д. Вместе с этим в устной речи даргинцы широко используют даргинские формы генитива имени или репрезентативной тухумной формы имени, ср.: *Мусахъала ХIяжи* "Гаджи из тухума или семьи Мусаевых". В форме генитива может выступать и женское имя, ср.: *Зазала Мурад* "Мурад Зазы", *Зазахъала Мурад* "Мурад из семьи Зазы" и т.д.

В числе собственных имен людей очень редки имена исконно даргинского происхождения. Отмечаются они только в единичных случаях, ср. женские имена *Цлибаз* (букв. "новая луна"), *Зури* "звезда", *Адаба* (букв. "отца мать"), *Чатла* (букв. "ласточка") и мужские имена *Гъалбец* "тигр" (букв. "гривастый волк"), *Хъубзар* "крестьянин", *Урши* "сын", *Авази* (букв. "мамин брат") и т.д.

В даргинском именнике широкое функционирование получили сложные имена, ср. *МяхIяммад-СягIид*, *Халидбей*, *ХIясанхан*, *Чакар-Ханум*, *ХIяжи-Ханум*, *ХIяжи-ПатIума* и т.д.

В последнее время наметилась тенденция не давать новорожденным составные или двойные имена. Шире стали проникать русские, западноевропейские простые имена: *Эльмира*, *Заира*, *Эльза*, *Тельман*, *Феликс*, *Фридрих*, *Валерий* и т.д.

Сопоставительному описанию системы личных имен даргинцев с таковой английского и русского языков посвящена недавно вышедшая монография Рабадановой С.М. [2000].

ОБРАЗЕЦ ТЕКСТА

Яни саби. Чина хіерьалпра, дяхіла майдунти сари.
Зима [есть]. Куда бы ни посмотрел, снега поля [есть].
Къадурби дирихьмани дуцили сари.
Долины туманами наполнив есть.
Иларад дашути дубурла, хієблизир варачанти
Оттуда идущие горные, весной в потоки
детаурти клухдиклүти хлуркліби, гьанна
превратившие журчащие реки сейчас
миъбаур дебали гляшли шивкливдиклүли сари.
под льдами очень тихо щебеча есть.
Урхьназир гамурбиван дирихьмала чедир
На морях корабли - как туманов наверху
чедиули ахъти дубуртала бурги хумарли
видя, высоких гор вершины печально
кайзурли сари. Цлябдин тядибарили,
становившись есть. Темноту отогнав,
дирихьманира дяхілипра буцибси ванзаличи
на туманами и снегом покрытую землю
гїєлабяхі чарбиэс дегусиван иштїяхі агарли
назад вернуться хотящий - как, желание отсутствуя
берхлі ахъбиуб. Дубуртала бяхіянази
солнце поднялось. Гор склоны - на
делшунти дубурла шими багьлалі мицїирдиуб.
сооруженные горные аулы медленно оживились.
Амма Къаракьурешла ши биалли
Но Каракуреша аул [что касается]
гьачамлис чебаргьили ахїєн
пока проснувшись нет.

Литературный перевод

***

Зима. Куда ни кинешь взгляд, везде заснеженные просторы. В ущельях - густой туман. Едва слышно шелестят подо льдом речки, которые весной превращаются в бурные потоки. Над клубящимся туманом высятся вершины гор, напоминая застывшие в море корабли. Оттеснив темноту, нехотя медленно выползает солнце, как будто хочет вернуться назад на покрытую снегом и укрытую туманом землю. Медленно просыпаются к жизни лепящиеся к склонам аулы. Но старый Каракурейш еще не просыпается.

ЛИТЕРАТУРА

Абакарова Ф.О. Именное склонение в уркахрахском диалекте даргинского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1956. – 13 с.

Абдуллаев З.Г. Функции дательного падежа в даргинском языке // УЗИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1959. – С. 291-306.

Абдуллаев З.Г. Категория падежа в даргинском языке. Махачкала, 1961. – 201 с.

Абдуллаев З.Г. Даргинский язык // Языки народов СССР. Т. IV. М., 1967а. – С. 508-524.

Абдуллаев З.Г. Эргативная конструкция предложения в горских письменных языках Дагестана // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л.: Наука, 1967б. – С. 191-201.

Абдуллаев З.Г. К вопросу о главных членах предложения в даргинском языке // УЗИИЯЛ ДФ АН СССР. Т. 18. Махачкала, 1968. – С. 220-237.

Абдуллаев З.Г. Субъектно-объектные и предикативные категории в даргинском языке. Махачкала: Дагучпедгиз, 1969. – 200 с.

Абдуллаев З.Г. Очерки по синтаксису даргинского языка. М.: Наука, 1971. – 479 с.

Абдуллаев З.Г. Соотношение категориальных свойств даргинского глагола // ВЯ. 1976. № 6. – С. 96-105.

Абдуллаев З.Г. Синтаксическая релевантность классных и личных показателей в даргинском языке // Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Материалы по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Нальчик, 1977. – С. 250-260.

Абдуллаев З.Г. К изучению местоименных глаголов даргинского языка *сай* "есть" и *лев* "имеется" // Глагол в языках Дагестана. Махачкала, 1980. – С. 30-49.

Абдуллаев З.Г. К анализу структуры слова даргинского языка // Морфологическая структура дагестанских языков (Структурные и категориальные свойства речевых единиц). Махачкала, 1981. – С. 38-57.

Абдуллаев З.Г. К генезису падежных формантов в даргинском языке // Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках. Тез. докл. 9-й региональной научной сессии по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. Махачкала, 16-18 сент. 1981. (Далее: Падежный состав. 1981.) – С. 67-69.

Абдуллаев З.Г. К генезису формантов датива в даргинском языке // ВЯ. 1982. № 1. – С. 113-118.

Абдуллаев З.Г. Значение диалектной лексики конкретного языка для сравнительно-исторического языкознания (на материале диалектов даргинского языка) // Проблемы лексического состава диалектов и разработка диалектных словарей. Тез. докл. 10-й региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Грозный. 12-13 сент. 1983. – С. 37-38.

Абдуллаев З.Г. К генезису терминов родства даргинского языка // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: термины родства и свойства. Махачкала, 1985.

Абдуллаев З.Г. Проблемы эргативности даргинского языка. Аспекты типологического исследования. М., 1986.

Абдуллаев З.Г. К генезису грамматических формантов даргинского языка // Морфологический строй дагестанских языков. Махачкала, 1988.

Абдуллаев З.Г. (Г1ябдуллаев З.) Дарган мезла орфографияла словарь. Махачкала, 1989. – 132 с.

Абдуллаев З.Г. Даргинский язык. Т. I-III. М., 1993.

Абдуллаев С.Н. Функции эргативного падежа в даргинском языке // Труды первой научной сессии Дагестанской Базы АН СССР. Махачкала, 1948а. – С. 333-343.

Абдуллаев С.Н. Что дает фольклор для изучения языка? // Языки Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1948б. – С. 143-147.

Абдуллаев С.Н. Спряжение даргинского глагола по лицам // Доклады 2-й научной сессии Дагестанской научно-исследовательской Базы АН СССР. Махачкала, 1949. – С. 114-124.

Абдуллаев С.Н. Русско-даргинский словарь. Махачкала, 1950. – 1462 с.

Абдуллаев С.Н. Даргинский литературный язык // Дагестанский литературный альманах. 1952. № 2. – С. 14-25.

Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала, 1954. – 215 с.

Абдуллаев С.Н. Ударение в даргинском языке // Языки Дагестана. II. Махачкала, 1954. – С. 235-254.

Абдуллаев С.Н. Дарган мезла грамматика. Цаибил бутла фонетика ва морфология. Махачкала: Дагучпедгиз, 1958. – 184 с.

Абдусаламов А.А. Грамматические классы вещей в именах существительных даргинского языка (по данным диалектов) // Сборник работ аспирантов кафедр гуманитарных наук ДГУ. Махачкала, 1964а. – С. 146-155.

Абдусаламов А.А. Категория грамматического класса в даргинском языке (по данным диалектов) // Сборник научных сообщений ДГУ. Филология. Махачкала. 1964б. – С. 44-53.

Абдусаламов А.А. Категория грамматических классов в даргинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1966б. – 17 с.

Акиев А.Ш. Историко-сравнительная фонетика даргинского и лакского языков: Система консонантизма. Махачкала: Дагучпедгиз, 1977. – 123 с.

Акиев А.Ш. Сравнительный анализ гласных лакского и даргинского языков. Махачкала: Дагучпедгиз, 1982. – 116 с.

Алексеев М.Е. Нахско-дагестанские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Современное состояние и проблемы. М.: Наука, 1981. – С. 298-311.

Алексеев М.Е. К типологической характеристике нахско-дагестанских языков // Лингвистическая типология. М., 1985. – С. 144-151.

Алексеев М.Е. О некоторых проблемах сравнительно-исторической морфологии дагестанских языков // Диахроническая лингвистика и история лингвистических учений. М., 1988. – С. 98-106.

Алексеев М.Е. К реконструкции общедагестанской именной морфологии // ВЯ. № 3. 1995. – С. 92-101.

Алиев А.Ш. Урус мезла – дарган мезла терминологиялашалси словарь. Махачкала, 1982. – 45 с.

Андуладзе Н.Д. Некоторые вопросы истории классного и личного спряжения в иберийско-кавказских языках. Тбилиси, 1968. – 221 с. Рез.: рус. яз.

Багомедов М.Р. Структура и семантика топонимических единиц даргинского языка. Авторефю канд. дисс. Махачкала, 2001.

Бокарев Е.А. Выражение субъектно-объектных отношений в дагестанских языках // Изв. АН СССР ОЛЯ. Т. 8. Вып. I. М.-Л., 1948а. – С. 35-45.

Бокарев Е.А. Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках // Язык и мышление. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1948б. Т. II. – С. 56-68.

Бокарев Е.А. Краткие сведения о языках Дагестана. Махачкала: Изд. Дагестанской Базы АН СССР. 1949. – 32 с.

Бокарев Е.А. Эргативный падеж в языках цезской группы горских языков Дагестана // Языки Дагестана. Вып. 2. 1954б. – С. 152-161.

Бокарев Е.А. Задачи сравнительно-исторического изучения кавказских языков // ВЯ. 1954в. № 3. – С. 41-53.

Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961. – С. 99.

Бокарев Е.А. Сравнительно-историческая фонетика восточно-кавказских языков. М.: Наука, 1981. – С. 140.

Бурчуладзе Г.Т. Об одном лакско-даргинском послеложном форманте // Система провербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983 (Далее: Система провербов... 1983.). – С. 228-235.

Быховская С.Л. Особенности употребления переходного глагола в даргинском языке // Памяти академика Н.Я. Марра (1864-1934). М.-Л.: Из-во АН СССР, 1938. – С. 54-66.

Быховская С.Л. Пережитки эксклюзива и инклюзива в даргинских диалектах // Язык и мышление. Т. IX. М.-Л.: Из-во АН СССР. 1940а. – С. 85-90.

Быховская С.Л. Имена существительные в даргинском литературном языке // Язык и мышление. Т.Х. М.-Л.: Из-во АН СССР. 1940б. – С. 64-101.

Гаприндашвили Ш.Г. Фонетические особенности цудахарского диалекта даргинского языка (по данным говора аула Хожал-Махи) // Языки Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1948а. – С. 105-135.

Гаприндашвили Ш.Г. К генезису формантов дательного падежа в даргинском языке // ИКЯ. Т. 2. Тбилиси, 1948б. – С. 227-228.

Гаприндашвили Ш.Г. К вопросу о классификации диалектов и говоров даргинского языка // Тез. докл. III (IX) научно сессии Института языкознания АН ГССР. Тбилиси, 1952. – С. 55-57.

Гаприндашвили Ш.Г. К образованию форм множественного числа имен в даргинском и лакском языках // ИКЯ. Т. 5. Тбилиси, 1953. – С. 217-263. Рез.: рус. яз.

Гаприндашвили Ш.Г. К генезису нишша "вы" в хайдакском диалекте даргинского языка / ИКЯ. Т. 4. Тбилиси, 1953б. – С. 161-172. Рез: рус. яз.

Гаприндашвили Ш.Г. Система склонения имен существительных в диалектах даргинского языка // ИКЯ. Т. 8. 1956а. – С. 479-512.

Гаприндашвили Ш.Г. Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка // Труды Сталинирского гос. педагогического института. Т. 3. 1956б. – С. 331-377.

Гаприндашвили Ш.Г. Образование и функции направительных и местных падежей в диалектах даргинского языка // Труды Сталинирского гос. пединститута. Т. 4. 1957. – С. 283-330.

Гаприндашвили Ш.Г. Фонетические изменения гласных и дифтонгов в даргинском языке // Труды Сталинирского гос. пединститута. Т. V. Тбилиси-Сталинир, 1958.

Гаприндашвили Ш.Г. Фонетические изменения звуковых комплексов в даргинском языке // Труды Тбилисского гос. лед. ин-та им. Пушкина. Т. 13. 1959. – С. 365-388.

Гаприндашвили Ш.Г. Вокализм даргинского и лакского языков // ИКЯ. Т. 14. 1964. – С. 293-314.

Гаприндашвили Ш.Г. Фонетика даргинского языка. Тбилиси: Мецниереба. 1966. – 317 с.

Гасанова С.М. Краткие сведения о дейбукском и харбукском говорах даргинского языка // УЗИИЯЛ ДФ АН СССР. Т. 2. Махачкала, 1957. – С. 251-261.

Гасанова С.М. Об одной глагольной форме сирхинского диалекта даргинского языка // УЗИИЯЛ ДФ АН СССР. Т. 5. Махачкала, 1958. – С. 264-276.

Гасанова С.М. К вопросу о генезисе аффикса числительного в даргинском языке // УЗИИЯЛ ДФ АН СССР. Т. II. Махачкала, 1962а. – С. 135-142.

Гасанова С.М. Место ураринского говора в системе говоров даргинского языка // УЗИИЯЛ ДФ АН СССР. Т. 10. Махачкала, 1962б. – С. 310-325.

Гасанова С.М. Глагол в даргинском языке. Махачкала, 1962в. – 250 с.

Гасанова С.М. О структуре именной и глагольной основы в аварском, даргинском и лакском языках // Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков. Махачкала, 1969. – С. 131-141.

Гасанова С.М. Очерки даргинской диалектологии. Махачкала, 1971. – 327 с.

Гасанова С.М. Фонетико-морфологическая характеристика мегебского диалекта даргинского языка // Сборник статей по вопросам дагестанского и вейнахского языкознания. Махачкала, 1972. – С. 245-260.

Гасанова С.М. Особенности падежной системы чирагского диалекта даргинского языка // Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979. – С. 133-147.

Гасанова С.М. Типы инфинитива в даргинском языке (по данным чирагского диалекта) // Глагол в языках Дагестана. Махачкала, 1980. – С. 50-58.

Гасанова С.М. Особенности падежной системы амухского наречия // Падежный состав... 1981. – С. 87-8.

Гасанова С.М. Особенности системы согласных амухского диалекта даргинского языка // Фонетическая система дагестанских языков.

Гасанова У.У. Наречие в даргинском языке. Махачкала, 2001. – 95 с.

Гвинджилия Л.С. Образование множественного числа существительных в даргинском и лакском языках. Тбилиси: Мецниереба. 1978. – 214 с.
Рез.: на рус. яз.

Гигинейшвили Б.К. Падежная система общедагестанского языка в свете общей теории эргативности // ВЯ. 1976. № 1. – С. 31-39.

Гигинейшвили Б.К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси: Изд. Тбилисского ун-та. 1977. – 165 с.

Гулыга О.А. Инклюзив и эксклюзив в дагестанских языках. Автореф. канд. дисс. М., 1979. – 21 с.

Гунаев З.С. Об использовании некоторых типологических сходств между английским и дагестанскими языками в обучении английскому языку в национальных школах Дагестана (аварской, даргинской, лакской). Махачкала, 1960. – 99 с.

Гунаев З.С. Перфект английского глагола и его семантико-грамматические соответствия в аварском и даргинском языках // Сборник статей по вопросам дагестанского и вейнахского языкознания. Махачкала, 1972. – С. 276-288.

Далгат Г. Пути обогащения лексики губденского диалекта даргинского языка // Диалектологическое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1992. – С. 107-109.

Дешериев Ю.Д. К вопросу о генезисе категории грамматических классов в иберийско-кавказских языках // Вопросы категории. 1977. – С. 31-32.

Джидалаев Н.С. Тюркизмы в дагестанских языках. М., 1990. – 247 с.

Жирков Л.И. Грамматика даргинского языка. М., 1926. – 103 с.

Жирков Л.И. О строе глагола в яфетических языках Дагестана. Доклады АН СССР. № 5. М., 1930. – С. 79-84.

Жирков Л.И. Язык аула Кубачи // Учен. Записки Института этнических и национальных культур народов Востока. I. М., 1930. – С. 225-281.

Жирков Л.И. Развитие частей речи в горских языках Дагестана // Языки Северного Кавказа и Дагестана. Сб. лингвистических исследований. I. М.-Л.: ОГИЗ. СОЦЭКГИЗ. 1935. – С. 155-167.

Жирков Л.И. Об одной грамматической особенности даргинского языка // Родной и русский языки в школах Северного Кавказа. М.: Акад. Пед. наук РСФСР. 1955. – С. 217-226.

Жирков Л.И. Спряжение глагола в лакском и даргинском языках // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. № 7. М., 1955. С. 84-98.

Жирков Л.И. Система классного согласования в даргинском языке // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1961. – С. 193-194.

Записи на полях Корана. Акуша, 1493 // Рукописный фонд ИИЯЛ ДФ АН СССР. Ф. 14. № 1732.

Исаев А.А. Каталог печатных книг и публикаций на языках Дагестана (дореволюционный период). Махачкала, 1989. – 299 с.

Исаев М.-Ш.А. Словосочетания даргинского языка и их изучение в школе. Махачкала, 1982. – 92 с.

Исаев М.-Ш.А. Структурная организация и семантика фразеологических единиц даргинского языка. Махачкала, 1995.

Исаев М.-Ш.А. Русско-даргинский словарь. Махачкала, 1988. – 509 с.

Кадибагамаев А.А. Термины животноводства в сирхинском диалекте даргинского языка // Тезисы докладов десятой региональной сессии по историко-сравнительному изучению ИКЯ. Грозный, 1983. – С. 59.

Кадибагамаев А.А. Сирхинский диалект даргинского языка. Махачкала, 1998. – 123 с.

Кадибагамаев А.А. Сравнительная морфология даргинского языка (цудухарская группа диалектов). Махачкала, 1999. – 240 с.

Кибрик А.Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. М., 1970. – С. 110-155.

Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности: 2. Лакский язык. 3. Чирагский язык. М., 1979. – С. 36-52.

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М., 1988. – 226 с.

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М., 1990. – 366 с.

Климов Г.А. Кавказские языки. М.: Наука, 1965. – 112 с.

Климов Г.А. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. Л.: Наука, Лен. От-ние, 1971. – 87 с.

Климов Г.А. О некоторых словарных общностях картвельских и нахско-дагестанских языков // Этимология. 1970. М.: Наука, 1972. – С. 349-355.

Климов Г.А. Очерк общей теории эргативности. М.: Наука, 1973. – 264 с.

- Климов Г.А.* Типология языков активного строя. М.: Наука, 1977. – 318 с.
- Климов Г.А., Алексеев М.Е.* Типология кавказских языков. М.: Наука, 1980. – 304 с.
- Климов Г.А.* К типологии падежных систем // Изв. АН СССР. ОЛЯ. Т. 40. 1981. № 2. – С. 127-135.
- Климов Г.А.* Принципы контенсивной типологии. М.: Наука, 1983. – 224 с.
- Климов Г.А.* О позиционных падежах эргативной системы // ВЯ. 1983. № 4. – С. 86-90.
- Климов Г.А.* Введение в кавказоведение. М., 1986. – 208 с.
- Магомедов Р.М.* Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964.
- Магомедов М.-Г.З.* Именное словообразование в даргинском языке. Махачкала, 1972.
- Магомедов Р.* Сагасилиг¹ив умц²ули. Махачкала: Дагучпедгиз. 1983. – 50 с.
- Магометов А.А.* Звук *г* в кубачинском диалекте даргинского языка // Сообщение АН ГССР. Вып. 7. Тбилиси, 1950. – С. 451-457.
- Магометов А.А.* Система превербов в кубачинском диалекте даргинского языка // Иберийско-кавказское языкознание. Тбилиси, 1952. Вып. 4.
- Магометов А.А.* Лабиализованные звуки в даргинском языке // ИКЯ. Т.5. Тбилиси, 1953а. – С. 395-414.
- Магометов А.А.* К вопросу о категории залога в кубачинском диалекте даргинского языка // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Т. 4. М., 1953б. – С. 99-110.
- Магометов А.А.* Отрицание в кубачинском диалекте даргинского языка // Языки Дагестана. Вып. 2. Махачкала, 1954а. – С. 169-208.
- Магометов А.А.* Вспомогательные глаголы в даргинском и табасаранском языках // ИКЯ. Т.6. Тбилиси, 1954б. – С. 376-426.
- Магометов А.А.* Рецензия на кн.: Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала, 1954 // Иберийско-кавказское языкознание. Т. 13. Тбилиси, 1964.
- Магометов А.А.* Фонетический обзор кубачинского диалекта даргинского языка // Иберийско-кавказское языкознание. Т. IX-X. Тбилиси, 1958.

Магомедов А.А. О грамматических классах в даргинском языке // Сообщ. АН ГССР. Т. 14. № 5. Тбилиси, 1960. – С. 633-639.

Магомедов А.А. О даргинских провербах // сообщ. АН ГССР. Т. 16. № 2. 1961. – С. 249-256.

Магомедов А.А. Личное спряжение в даргинском языке сравнительно со спряжением в табасаранском и лакском языках // ИКЯ. Т. 13. Тбилиси, 1962а. – С. 311-342.

Магомедов А.А. Исторические сведения о кубачинцах и их языке // УЗИИЯЛ ДФ АН СССР. Т. 11. Махачкала, 1962б. – С. 87-100.

Магомедов А.А. Кубачинский язык. Тбилиси: АН ГССР. 1963. – 341 с.

Магомедов А.А. Вокализм даргинского и лакского языков // ИКЯ. Т. 14. 1964. – С. 293-314.

Магомедов А.А. Фарингализованные гласные в даргинском языке // Сообщ. АН ГССР. Т. 53. № 3. Тбилиси, 1969.

Магомедов А.А. Некоторые вопросы сложного предложения в диалектах даргинского языка. Обстоятельственные обороты // Вопросы синтаксического строя ИКЯ. Тезисы докладов. Нальчик, 1971. – С. 70-72.

Магомедов А.А. Оформление эргативного педежа личных местоимений в диалектах даргинского языка // Труды тбил. ун-та. Гуманит. Науки. 1972. 3. – С. 135-140.

Магомедов А.А. Об одной синтаксической структуре в даргинском языке (по материалам мегебского диалекта) // ИКЯ. Т. 18. Тбилиси, 1973. – С. 360-366.

Магомедов А.А. Об одной особенности употребления грамматических классов в лакско-даргинской группе дагестанских языков // Сообщ. АН ГССР. 1973. Т. 70. № 3. – С. 745-748.

Магомедов А.А. Специфика развития мегебского диалекта даргинского языка // Лингвистическая география, диалектология и история языка. Ереван, 1976а. – С. 202-210.

Магомедов А.А. Субъектно-объектное согласование глагола в лакском и даргинском языках // ЕИКЯ. 1976в. Т. 3. – С. 203-216.

Магомедов А.А. Корреляция системы консонантов в диалектах даргинского языка // ЕИКЯ. Т. 3. Тбилиси, 1976. – С. 219-224.

Магомедов А.А. Об эволюции грамматических классов в даргинском языке // Вопросы категории ГК... 1967. – С. 40-42.

Магомедов А.А. Оформление эргативного падежа личных местоимений в диалектах даргинского языка // Труды Тбил. ун-та. Гуманитарные науки. 1972. 3. – С. 135-140.

Магомедов А.А. Каузатив в лакско-даргинской группе дагестанских языков // ЕИКА. Т. 4. 1977. – С. 188-205.

Магомедов А.А. Вспомогательные глаголы *саби* "есть" и *леб* "имеется", "находится", "есть" в даргинском языке // ЕИКА. Т. 5. Тбилиси, 1978а. – С. 224-283.

Магомедов А.А. Личные формы инфинитива в даргинском языке // ИКА. Т. 20. Тбилиси, 1978б. – С. 264-278.

Магомедов А.А. Категория числа имен прилагательных в диалектах даргинского языка // XXXIV научная сессия. Тбилиси, 1978. – С. 10-12.

Магомедов А.А. Деепричастие в даргинском языке // ИКА. Т.2. Тбилиси, 1979. – С. 212-242.

Магомедов А.А. Палатализация заднеязычных в диалектах даргинского языка // Арнольд Степанович Чикобава. Тбилиси: Мецниереба. 1979. – С. 249-258.

Магомедов А.А. Генезис грамматической формы по данным диалектов даргинского языка // ИКА. Тбилиси, 1980в. Т. 22. – С. 227-235.

Магомедов А.А. К эволюции классной системы в дагестанских языках // ВЯ. 1980а. № 1. – С. 70-75.

Магомедов А.А. Особенности спряжения глаголов с фарингализованными и лабиализованными корневыми согласными в даргинском языке // ЕИКА. Т.7. Тбилиси, 1980б. – С. 232-244.

Магомедов А.А. Диалектные различия в склонении личных местоимений даргинского языка // Падежный состав и система склонения в ИКА. Тезисы докладов IX региональной научной сессии. Махачкала, 1981. – С. 50-52.

Магомедов А.А. Атрибутивная синтагма и категория числа имен прилагательных в даргинском языке // ЕИКА. Т. XIII. Тбилиси, 1981. – С. 170-190.

Магомедов А.А. Меgebский диалект даргинского языка. Тбилиси: Мецниереба, 1982. – 231 с.

Магомедов А.А. Система послеложных падежей и превербов в даргинском языке // Система превербов... 1983. – С. 194-202.

Магомедов А.А. К образованию будущего времени в даргинском языке // ИКЯ. Тбилиси, 1985. Т. 24. – С. 186-199.

Магомедов А.А., Церцвадзе И.И. О взаимоотношении причастия и абсолютива в лакском и даргинском языках // ИКЯ. Тбилиси, 1985. Т. 23. – С. 295-306.

Магомедов А.А. Образование вопросительных форм в диалектах даргинского языка // ЕИКЯ. Т. XIII. Тбилиси, 1986. – С. 175-189.

Магомедов А.А. Морфонологические изменения при присоединении превербов к глаголу в диалектах даргинского языка // Одиннадцатая региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. Нальчик, 1986. – С. 82-83.

Магомедов А.А. Диалектные различия в склонении личных местоимений даргинского языка // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. Махачкала, 1987. – С. 93-99.

Магомедов А.А. Лексические особенности кубачинского диалекта даргинского языка, обусловленные фонетическими процессами // Проблема лекси́ческого состава диалектов и разработка диалектных словарей // ИКЯ. Грозный, 1987. – С. 36.

Магомедов А.А. Образование отрицательных форм глагола в диалектах даргинского языка // ИКЯ. Тбилиси, 1987. Вып. 26. – С. 232-256.

Магомедов А.А. Формирование ряда диалектных различий в даргинском языке // ЕИКЯ. Т. XIV. Тбилиси, 1987. – С. 225-249.

Магомедов А.А. Морфонологические изменения в глаголах с превербами в диалектах даргинского языка // ИКЯ. Т. 27. Тбилиси, 1988. – С. 270-284.

Магомедов А.А. Диалектные различия деепричастных форм в даргинском языке // Отглагольное образование в ИКЯ. Черкесск, 1989. – С. 151.

Магомедов А.А. Унификация грамматических классов в ИКЯ // Сб. статей АН ГССР. Абхазский ин-т языка, лит-ры и истории. Тбилиси, 1989. – С. 94.

Магомедов А.А. Имена числительные в даргинском языке // ЕИКЯ. Т. XVII. Тбилиси, 1990. – С. 85-113.

Магомедов А.А. Формы времени и наклонения в даргинском языке // ЕИКЯ. Т. XVIII-XIV. Тбилиси, 1992. – С. 145-192.

Магомедов А.А., Церцвадзе И.И. Анализ личных местоимений дагестанских языков в монографии А.А. Джавахишвили "Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков" // ИКЯ. Т. XXIII. Тбилиси, 1985. – С. 270-272.

Магомедов А.А., Церцвадзе И.И. Система согласных в лакском и даргинском языках // ИКЯ. Т. XXVIII. Тбилиси, 1989. – С. 212-218 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

Марр Н.Я. Непочатый источник истории Кавказского мира // Известия АН СССР. VI серия. № 5. Петроград, 1917. – С. 307-338.

Мейланова У.А. Об отражении категории класса в именах существительных в дагестанских языках // УЗИИЯЛ ДФ АН СССР. Т. 13. Сер. филол. Махачкала, 1964а. – С. 5-25.

Мехтиханова Р.Х. Система глагола в цудахарском диалекте даргинского языка: Автореф. дисс. канд. филол. наук. Махачкала, 1975. 21 с.

Мехтиханова Р.Х. Категория грамматических классов в глаголе цудахарского диалекта даргинского языка // Вопросы категории ГК... 1967. – С. 64-65.

Мещанинов И.И. Общее языкознание. Л., 1940. – 260 с.

Микаилов К.Ш. К вопросу о морфологической структуре количественных числительных в дагестанских языках // Материалы сессии... Махачкала, 1969. – С. 142-155.

Мусаев М.-С.М. Лексика даргинских диалектов в сравнительно-историческом освещении: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1966. 32 с.

Мусаев М.-С.М. Чирагский диалект даргинского языка // Вопросы русского и дагестанского языкознания. Махачкала, 1975. – С. 144-161.

Мусаев М.-С.М. Способы глагольного словоизменения даргинского языка // Вопросы морф. и модальн. кат. глагола... Майкоп, 1975б. – С. 68-69.

Мусаев М.-С.М. Категория грамматических классов и другие категории даргинского языка // Вопросы категории ГК ... 1977а. – С. 66-67.

Мусаев М.-С.М. Дарган мезла дурчу существительноеби // Гьалмагъдеш. 1977б. № 4. – С. 91-93.

Мусаев М.-С.М. Русско-даргинские лексические встречи // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению ИКЯ. Орджоникидзе, 1977. – С. 140-146.

Мусаев М.-С.М. Лексика даргинского языка (сравнительно-исторический анализ). Махачкала, 1978. – 129 с.

Мусаев М.-С.М. Падежные окончания и их генетические параллели в системе превербов и послелогов даргинского языка // Система послелогов и превербов. Тез. докл. 8-й региональной научной сессии по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. Черкесск, 20-22 июня 1979. – С. 72-73. Далее: Система превербов ... 1979.

Мусаев М.-С.М. Дарган мезлизир глаголти бяхіяни хіясибли дарсдикіни // Дарган мезла методикала цацадехі масъулти. Махачкала: Дагучпедгиз, 1980а. – С. 3-8.

Мусаев М.-С.М. Именное словоизменение даргинского языка (категория числа). Махачкала: Дагучпедгиз, 1980б. – 110 с.

Мусаев М.-С.М. Система глагольного словоизменения даргинского языка. Махачкала, 1980в. – 55 с.

Мусаев М.-С.М. Дарган мезла лугу падеж ва ил акіни // Гьалмагъдеш. 1981а. № 3. – С. 85-91.

Мусаев М.-С.М. Критерии разграничения падежных словоформ и смежных структур даргинского языка // Вопросы русского и дагестанского языкознания. Махачкала, 1981б. – С. 93-106.

Мусаев М.-С.М. Серии аплатива и их образование в даргинском языке // Падежный состав ... Махачкала, 1981в. – С. 60-62.

Мусаев М.-С.М. Влияние русского языка на развитие содержательной стороны падежей даргинского литературного языка // Роль русского языка в жизни народов Северного Кавказа и развитие их литературных языков. Тез. докл. региональной научной конференции. Грозный, 12-14 сент. 1982. – С. 41-42.

Мусаев М.-С.М. Словоизменительные категории даргинского языка (время и наклонение). Махачкала, 1983а. 81 с.

Мусаев М.-С.М. Падежные окончания и их генетические параллели в системе провербов и послелогов даргинского языка // Система провербов... 1983б. - С. 255-264.

Мусаев М.-С.М. Падежный состав даргинского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1984. – 116 с.

Мусаев М.-С.М. О внутренней флексии при образовании форм множественности даргинских субстантивов // Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985. – С. 128-130.

Мусаев М.-С.М. Основные фонетические и морфонологические процессы в истории акушинского диалекта // Вопросы фонологии и морфонологии. Тез. докл. XI научной сессии по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. Нальчик, 25-27 июня 1986. – С. 85-86.

Мусаев М.-С.М. Процесс обоудный. Экзотическая лексика дагестанского происхождения в русском языке // Советский Дагестан, 1986. № 3. – С. 53-56.

Мусаев М.-С.М. Факторы, влияющие на формирование диалектных лексических различий даргинского языка // Проблема диалектных словарей иберийско-кавказских языков. Грозный, 1987. – С. 52-56.

Мусаев М.-С.М. Словоизменительные категории даргинского языка (категория грамматических классов и абстрактные падежи). Махачкала, 1987. 80 с.

Мусаев М.-С.М., Г1ябдусаламов А.А. Дарган мез. 8-9 ибти классунас учебник. Мях1ячкъала, 1995.

Мусаев М.-С.М. Категория грамматических классов и другие грамматические категории даргинского языка // Категория грамматических классов в иберийско-кавказских языках. Сухуми, 1990.

Мусаев М.-С.М. История словоизменительных категорий даргинского языка. Автореф. докт. дисс. М., 1989. – 41 с.

Мусаев М.-С.М. Динамика исторического развития принципов системной организации субстантивной лексики даргинского языка // Семантика языковых единиц разных уровней. Махачкала: ДГУ. 1996. – С. 39-40.

Мусаев М.-С.М. Материально-семантические общности русского и даргинского языков // Семантика языковых единиц разных уровней. Махачкала: ДГУ. 1997.

Мусаев М.-С.М. Даргинский язык // Государственные языки в Российской Федерации. М., 1995. – С. 59-67.

Мусаев М.-С.М. Системные ряды согласных даргинского языка // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Махачкала, 1997.

Мусаев М.-С.М. Явление контаминации в истории словоизменительной системы даргинского языка // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Махачкала, 1997.

Мусаев М.-С.М. Генетическое соотношение между именными и глагольными формами даргинского языка // Мир на Северном Кавказе через языки. 2 Международный конгресс. Пятигорск, 1998.

Мусаев М.-С.М. Даргинский язык // Языки мира. Кавказские языки. М., 1999. – С. 357-369.

Мусаев М.-С.М. Даргинский язык // Языки Дагестана. Махачкала- Москва, 2000а. – С. 98-115.

Мусаев М.-С.М. Возникновение и развитие эргатива даргинского языка // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Махачкала, 2000б. – С. 141-156.

Мусаев М.-С.М. Первичные глаголы даргинского языка // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Махачкала, 2001. – С. 236-249.

Муталов Р.О. О степени фонематичности преруптивов в ицаринском диалекте даргинского языка // XI регион. Научн. сессия по изучению системы и истории ИКЯ. Тез. докл. Нальчик, 1986. – С. 86-87.

Муталов Р.О. Видообразование глагола даргинского языка (на материале ицаринского диалекта). Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1986-1987 гг. Махачкала, 1988. – С. 63-64.

Муталов Р.О. Инфинитив как спрягаемая форма глагола в диалектах даргинского языка // Отглагольные образования в ИКЯ. Тезисы докладов II региональной научной сессии по изучению системы и истории ИКЯ. Черкесск-Карачаевск, 1988. – С. 76-77.

Муталов Р.О. Вопросительные формы ицаринского диалекта в сравнении с данными других даргинских диалектов // Тез. докл. научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований ИИЯЛ в 1988-1989 гг. Махачкала, 1990. – С. 67.

Муталов Р.О. Система превербов ицаринского диалекта даргинского языка // XIII региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению ИКЯ. Тез. докл. Майкоп, 1990. – С. 103-104.

Муталов Р.О. Дифференциация выражения направления в ицаринском диалекте даргинского языка // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1990. – С. 146-150.

Муталов Р.О. Временные формы глагола ицаринского диалекта даргинского языка // Выражение временных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1991. – С. 158-164.

Муталов Р.О. Отрицание в глаголе ицаринского диалекта даргинского языка // Тез. докл. научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований ИИЯЛ в 1990-1991 гг. Махачкала, 1992. – С. 116.

Муталов Р.О. Превербы и глагольная семантика в даргинском языке // Семантика языковых единиц разных уровней. Махачкала, 1996. – С. 42.

Муталов Р.О. Глагол даргинского языка. Махачкала, 2002.

Османов М.-З.О. Из животноводческой терминологии хаджалмахинских даргинцев // Отраслевая лексика дагестанских языков. Махачкала, 1984. – С. 94-103.

Паллас П.С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. СПб., Ч. I – 1787; Ч. II – 1789.

Рабаданова С.М. Даргинская антропонимическая система в сопоставлении с русской и английской. Махачкала, 2000. 127 с.

Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М.: Наука, 1971. – 296 с.

Структурные общности кавказских языков. М.: Наука. 1978. – 132 с.

Сулейманов Б.С., Лихтман Р.И. К вопросу о классных показателях в даргинском языке // Уч. зап. ДГУ им. В.И. Ленина. Т. 8. Махачкала, 1962. – С. 47-57.

Сулейманов Б.С. Дарган мезла фонетика ва морфология. Махачкала: Дагучпедгиз. 1964а. 211 с.

Сулейманов Б.С. Дарган мезла синтаксис. Махачкала, 1966. – 174 с.

Сулейманов Б.С. О главных членах предложения в даргинском языке // Сборник научных сообщений. Махачкала, 1964б. – С. 32-43.

Сулейманов А.А. Морфологические категории и словообразование имени существительного в даргинском языке: Автореф. дисс ... канд. филол. наук. Махачкала, 1975. 26 с.

Сулейманов А.А. Дарган мезла морфология. Махачкала, 1999. 248 с.

Сулейманов Н.Д. К истории формирования направительных морфем с вертикальной ориентацией в дагестанских языках // Проблемы сравн.-истор. исследования дагестанских языков. Махачкала, 1992. – С. 108-130.

Темирбулатова С.М. Выражение пространственных и временных отношений в даргинском языке (на материале хайдакского диалекта): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1984. 21 с.

Темирбулатова С.М. Выражение пространственных отношений указательными местоимениями хайдакского диалекта даргинского языка // Местоимение в языках Дагестана. Махачкала, 1983. – С. 103-107.

Темирбулатова С.М. Образование наречий места в хайдакском диалекте даргинского языка // Вопросы словообразования дагестанских языков. Махачкала, 1986. – С. 63-70.

Темирбулатова С.М. Система времен хайдакского глагола // Выражение временных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1991. – С. 68-77.

Темирбулатова С.М. Система пространственных и временных отношений в хайдакском диалекте даргинского языка. Махачкала, 1990. 188 с.

Темирбулатова С.М. К характеристике овцеводческой лексики хайдакского, мугинского, усишинского и кубачинского диалектов даргинского языка // Отраслевая лексика дагестанских языков: названия животных и птиц. Махачкала, 1988. – С. 75-83.

Темирбулатова С.М. Особенности образования семантики и функционирования причастий в хайдакском диалекте даргинского языка // Отглагольные

образования в ИКЯ. Тез. докл. {II региональной научной сессии по изучению системы и истории ИКЯ. Черкесск-Карачаевск, 1988. – С. 87-88.

Темирбулатова С.М. Названия фруктовых деревьев и их плодов в некоторых диалектах даргинского языка // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков: Названия деревьев, трав, кустарников. Махачкала, 1989. – С. 51-59.

Темирбулатова С.М. Словообразование хайдакского глагола // XIII региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению ИКЯ. Тез. докл. Майкоп, 1990. – С. 123-124.

Темирбулатова С.М. Система времен хайдакского глагола (I) // Выражение временных отношений в языках Дагестана. Махачкала, 1991. – С. 68-77.

Темирбулатова С.М. О личных местоимениях хайдакского диалекта даргинского языка // Тез. докл. научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований ИИЯЛ в 1990-1991 гг. Махачкала, 1992а. – С. 104.

Темирбулатова С.М. Система времен хайдакского глагола (настоящее и будущее время) // Диалектологическое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1992б. – С. 97-108.

Топуриа В.Т. Об одной возможности перехода классного спряжения в личное в иберийско-кавказских языках // ИКЯ. Т.13. – С. 66-68.

Топуриа В.Т. Эргатив самостоятельный и эргатив совмещающий их функции в иберийско-кавказских языках // ВССИКЯ. 1977. – С. 28-33.

Топуриа В.Т. Об основных принципах становления склонения в иберийско-кавказских языках // Падежный состав ... Махачкала, 1981. – С. 55-56.

Топуриа В.Т. К генезису одной системы склонения в даргинском языке // ИКЯ. 1985. Т. 24. – С. 200-210. Рез.: рус.

Топуриа В.Т. Морфология склонения в дагестанских языках. Тбилиси, 1995. – 191 с.

Тромбетти А.О. О теории пассивного характера глагола // Эргативная конструкция предложения. М., 1950. – С. 52-65.

Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык. Тифлис, 1892. 497 с.

Хайдаков С.М. Об эргативном падеже в местоимениях дагестанских языков // ЭКПЯРТ. 1967. – С. 184-190.

Хайдаков С.М. К вопросу о происхождении личного спряжения в дагестанских языках // ВЯ. 1973. № 2. – С. 87-91.

Хайдаков С.М. Система глагола в дагестанских языках. М.: Наука. 1975. 276 с.

Хайдаков С.М. Категория одушевленности/неодушевленности и ее реализация в системе лексических классов дагестанских языков // Вопросы категории ГК ... 1977. – С. 46-48.

Хайдаков С.М. Принципы именной классификации в дагестанских языках. М.: Наука, 1980. – 251 с.

Ханмагомедов Б.Г. Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала, 1970.

Хайдаков С.М. Даргинский и мегебский языки. М., 1985.

Чикобава А.С. О двух основных вопросах изучения иберийско-кавказских языков. ВЯ. 1955. № 6. – С. 66-92.

Чикобава А.С. Иберийско-кавказское языкознание, его общелингвистические установки и основные достижения // Изв. АН СССР ОЛЯ. 1958. Т. 17. Вып. 2. – С. 113-129.

Чикобава А.С. Об эргативном падеже // Падежный состав... Махачкала, 1981. – С. 3-4.

Bouda K. Beitage zur kaukasischen und Sibirischen Sprachwissenschaft. 1 Die darginische Schriftsprache. Leipsig, 1937.

Dirr A. Einfuhrung in das Studium der kaukasischen Sprachen. Leipzig, 1928.

Dumézil G. Recherches comparatives sur le verbe caucasien. Paris, 1933a.

Dumézil G. Introduction a la grammatire comparee des langues caucasiennes du Nord., Paris, 1933b.

Dumézil G. Bulletin de la Societe de linguistique de Paris. T. 34, f. 3, 1933в.

Erckert R. Die Sprachen des Kaukasischen Stammes. Wien, 1895.

Güldenstädt J.A. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebirgc. 1, St. – Po., 1787.

Hjelmslev L. La categorie des cas. Kabenhavn, 1937.

Muller F. Grundriss der Sprachwissenschaft, III Band, II Abtheilung, I Halfte, Wien, 1885.

Schiefner A. Ausführlicher Bericht über des Generals Peter von Uslar Hurkanische Studien. St. – Peterbourg, 1871.

Trubetzkoy N. Les consonnes laterales des langues caucasiques septentrionales // Bulletin de la Societe de linguistique de Paris. T. XXIII, f. 3 (№ 72), Paris, 1922.

Trubetzkoy N. Notes sur les desinences du verbe dans les langues tchetchenolesghiennes (caucasiques orientales) – Ibid., t., XXIX, f. 3 (№ 88), Paris, 1929.

Trubetzkoy N. Die Konsonanten systeme der ostkaukasischen Sprachen // Caucasica, f. 8, Leipzig, 1931.

Trombetti A. Elementi di glottologia. Bologna, 1923.

Van den Berg H.E. Dargi folktales. Leiden, 2001.

Сокращения

А.-Б. – А. Абу-Бакар

Б. – Батирай

«З» - Газета «Замана»

З.З. – Зулпукъар Зулпукъаров

М.-Р. – Мяхляммат – Расул

Названия диалектов

Акуш. – акушинский

Мереб. – мерепский

Урах. – урахинский

Цуд. – цудахарский

Чир. - чирагский

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об издании энциклопедической серии «Языки народов России».....	5
On the publication of the encyclopaedic series «Languages of the peoples of Russia».....	8
ВВЕДЕНИЕ.....	11
ФОНЕТИКА.....	27
МОРФОЛОГИЯ.....	31
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ.....	31
ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ.....	61
ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ.....	62
МЕСТОИМЕНИЕ.....	63
ГЛАГОЛ.....	65
ПАРЕЧИЕ.....	81
ПОСЛЕЛОГИ.....	82
СОЮЗЫ.....	84
ЧАСТИЦЫ.....	85
МЕЖДОМЕТΙΑ.....	87
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ.....	89
СИНТАКСИС.....	99
СЛОВСОЧЕТАНИЕ.....	99
ПРЕДЛОЖЕНИЕ.....	104
ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ.....	118
СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.....	130
ЛЕКСИКА.....	141
ИСКОННАЯ ЛЕКСИКА.....	142
ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА.....	143
ТОПОНИМИКА.....	157
АНТРОПОНИМИКА.....	158
ОБРАЗЕЦ ТЕКСТА.....	160
ЛИТЕРАТУРА.....	162
СОКРАЩЕНИЯ.....	182

МУСАЕВ Магомед-Саид Мусаевич
ДАРГИНСКИЙ ЯЗЫК

Издательство «Academia»

Редактор
М. А. Алексеева

Художественный редактор
В. В. Володарская

Печ.л. 11. Тираж 500.

117840, Москва, Крымский вал, Мариновский пер., 26.

Отпечатано в типографии ЗАО «Дагпресс»
г. Махачкала, ул. М.Ярагского,88.